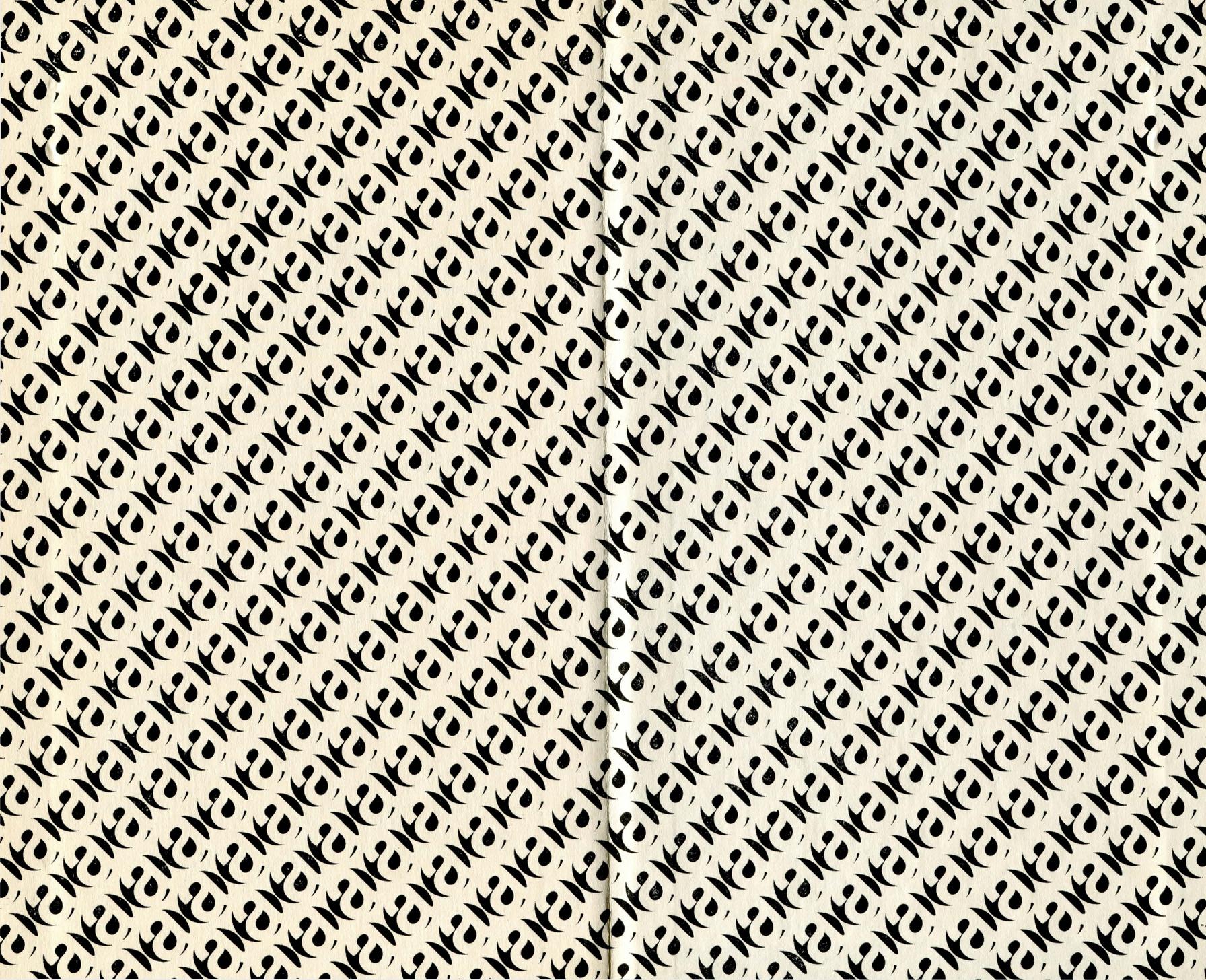

научно-
атеистическая
библиотека

Петрашевцы
об атеизме,
религии
и церкви

Академия общественных наук при ЦК КПСС
Институт научного атеизма

научно-
атеистическая
библиотека

Петрашевцы об атеизме, религии и церкви

Москва
«Мысль»
1986

ББК 86.1

П 30

РЕДАКЦИИ НАУЧНОЙ
И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
АОН ПРИ ЦК КПСС

Редакционная
коллегия:

доктор философских наук

А. Ф. Окулов

(председатель),

доктор философских наук

Х. Н. Момджян,

доктор философских наук

А. Д. Сухов,

кандидат философских наук

Ю. П. Зуев,

кандидат исторических наук

Г. С. Лялина

(ученый секретарь)

Составитель,

автор предисловия,

биографических справок,

примечаний

и указателя имен

кандидат философских наук

Ф. Г. Никитина

Ответственный редактор

доктор исторических наук

В. Р. Лейкина-Свирская

Предисловие

М. В. Буташевич-Петрашевский и его единомышленники принадлежат к тому поколению, которое положило начало формированию социалистического направления в истории революционного движения России. В. И. Ленин отмечал, что русская социалистическая интеллигенция ведет свою историю «начиная от кружка петрашевцев, примерно»¹.

В середине 40-х годов XIX в. возникли первые социалистические объединения. Наиболее влиятельными среди них были кружок М. В. Петрашевского и связанные с ним собрания у А. Н. Плещеева, С. Ф. Дурова, Н. С. Кашкина и Н. А. Спешнева. Все они не были организационно оформлены. В них принимали участие люди различных занятий и интересов. Это были начинающие талантливые писатели (М. Е. Салтыков-Щедрин и Ф. М. Достоевский), поэты (А. Н. Плещеев, С. Ф. Дуров), молодой журналист и литературный критик В. Н. Майков, учителя (Ф. Г. Толль, А. П. Милюков, И. Л. Ястржембский, П. И. Белецкий, Ф. Н. Львов), офицеры (Н. А. Момбелли, Н. П. Григорьев), студенты (П. Н. Филиппов, А. В. Ханыков, И. М. Дебу, А. Д. Толстов), чиновники (Д. Д. Ахшарумов, А. П. Баласогло, К. М. Дебу), прогрессивный ученый и публицист (В. А. Милютин). Позднее в «Былом и думам» А. И. Герцен писал: «Круг этот составляли люди молодые, даровитые, чрезвычайно умные и чрезвычайно образованные»².

Дореволюционные исследователи, как правило, считали петрашевцев идеалистами-мечтателями. Они преувеличивали влияние на членов кружка либеральных воззрений.

Но еще А. И. Герцен подчеркивал, что у петрашевцев нашла выражение начатая Пестелем и Муравьевым

* * *

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 438 (примечание).

² Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. X. М., 1956, с. 343.

«истинная революционная традиция русская»³. Он ставил Петрашевского и его соратников в один ряд с В. Г. Белинским и Н. Г. Чернышевским. Об огромном влиянии петрашевцев на последующее поколение революционеров писал Н. П. Огарев⁴.

Петрашевцев объединяла ненависть к крепостному праву и самодержавию. Все они хотели посвятить себя беззаветному служению Родине, искали социальную теорию, способную объяснить ненавистную им николаевскую действительность и определить пути ее коренного изменения. В автобиографической повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тихое пристанище» «ученик Белинского и Петрашевского»⁵, посещавший первые «пятницы», писал: «Каждый вечер лились шумные и живые речи... обсуждались самые разнообразные и смелые вопросы политической и нравственной сферы; от этих бесед новая жизнь проносилась над душою, новые чувства охватывали сердце, новая кровь сладко закипала в жилах...»⁶

Возникшие в целях самообразования молодых людей, интересующихся передовой литературой в России и на Западе, «пятницы» Петрашевского к зиме 1848/49 г. стали центром пропаганды революционно-демократических, социально-политических, материалистических и атеистических идей. Именно в это время под влиянием революции 1848 г. в Западной Европе, роста крестьянских выступлений и общего обострения политического положения в России вокруг «пятниц» появляются новые кружки. В них обсуждаются неотложные реформы в стране, в том числе крестьянская, планы создания тайного общества, рождается замысел о распространении революционных идей среди различных слоев населения. Тогда же возникает законспирированная группа для организации тайной типографии и издания нелегальной литературы. Пишутся пропагандистские листовки.

* * *

³ См.: Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. XXV. М., 1961, с. 67.

⁴ См.: Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I. М., 1952, с. 653.

⁵ См.: Макашин С. Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860 годов. Биография. М., 1972, с. 28.

⁶ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти томах, т. 4. М., 1966, с. 273.

В этот период проявляются идейные разногласия. Лица, склонявшиеся к либерализму, отходят от кружков. В группе наиболее радикально настроенных петрашевцев ведутся споры о путях осуществления в России социального переворота, уничтожения феодально-крепостнического строя. Истинно революционную позицию по указанным вопросам занимал Петрашевский⁷. Он серьезно относился к подготовке народного восстания. М. В. Петрашевский много думал о неудаче декабристов, которые, по его словам, «поступили очень опрометчиво, приведя свои замыслы в исполнение, не приготовив сперва всех средств к обеспечению своего успеха». Он говорил: «Перемена правительства нужна, необходима для нас, но переменить его нужно не вдруг, но действуя исподволь, приготовляя как можно осторожнее и вернее средства к восстанию таким образом, чтобы идея о перемене правительства не заронила бы в головы двум, трем, десяти лицам, но утвердилась бы в массах народа...»⁸ Вот почему Петрашевский решительно возражал В. А. Головинскому, К. И. Тимковскому и Н. А. Спешневу, требовавшим немедленных революционных действий.

Участникам кружков петрашевцев, развитие мировоззрения которых шло «в направлении революционно-демократическом, в сторону признания и подготовки широкого массового крестьянского восстания»⁹, принадлежит особое место в истории атеистической мысли в России. Не случайно в окончательном приговоре большой группе петрашевцев как одно из самых тяжких преступлений инкриминировалось преступление против религии.

Истоки атеистических и антиклерикальных взглядов петрашевцев следует искать в русской действительности 40-х годов XIX в., и прежде всего в народном свободомыслии, направленном против православной церкви, активно поддерживавшей самодержавно-крепостнические порядки. Православная церковь была элементом государственной власти. Ф. Энгельс указывал, что русское

* * *

⁷ См.: Плимак Е. Г. Революционный процесс и революционное сознание. М., 1983, с. 57 и сл.

⁸ Дело петрашевцев, т. III. М.—Л., 1951, с. 394, 386.

⁹ Федосов И. А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. М., 1958, с. 367.

правительство «у себя в стране не терпело никакой иной религии, кроме православной, и карало вероотступничество как преступление»¹⁰. Авторитет православной церкви поддерживался и охранялся полицейскими методами. В. И. Ленин писал о позорном и проклятом прошлом, «когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы... насилующие совесть человека»¹¹.

В 40-х годах обстановка в стране, вызванная кризисом крепостного хозяйства, реакционной политикой самодержавия и ростом крестьянских выступлений, обострилась. Усилилась и активность церковников. Не было ни одного случая выступления крестьян, когда для «увещевания» бунтующих не привлекались бы священники. На этом фоне «охлаждение к вере», несоблюдение религиозных обрядов становятся распространенной формой массового социального протеста. К. Маркс и Ф. Энгельс, изучавшие классовую борьбу и умонастроение народов в царской России, обращали внимание на религиозный скептицизм, который находил выход в народном фольклоре. В серии статей «Эмигрантская литература» Ф. Энгельс воспроизвел широко распространенную русскую поговорку: «До бога высоко, до царя далеко»¹².

Анализируя выступления крестьянских масс, петрашевцы видели и охлаждение к вере, и скептическое отношение их к религии. Заявление Петрашевского на следствии: «Бедный подданный... терпит... утирает слезы кулаком, грустно говорит: «До бога высоко, до царя далеко»... терпит, но слезы высыхают... является ненависть»¹³ — перекликается с размышлениями безымянного ярославского крепостного, автора поэмы начала 40-х годов XIX в.; в которой религиозный скептицизм сочетался с угрозами крепостникам: «Вдруг грянет гром со всех сторон, во мраке молния заблещет»¹⁴.

* * *

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 165.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 144.

¹² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 18, с. 547.

¹³ Дело петрашевцев, т. I. М.—Л., 1937, с. 26.

¹⁴ Вести из России. Ярославль, 1961, с. 147.

Петрашевы понимали противоречивость сознания темных, доведенных до отчаяния крестьян и бедного городского люда, большинство которых продолжало верить в «истинную» религию, способную защищать интересы угнетенных, но в житейских делах руководствовалось пословицей: «На бога надейся, а сам не плошай». Именно эту пословицу приводил П. Н. Филиппов в своей рукописи «Десять заповедей». М. Е. Салтыков-Щедрин в «Пошехонской старине» писал и о крестьянской религиозности, и о неизбежном крушении идеологии не только «рабов по убеждению», считавших крепостное право временным испытанием перед загробным «вечным блаженством», но и религиозных мечтателей-сектантов, стремившихся найти утешение в своеобразном мистицизме. По словам С. А. Макашина, М. Е. Салтыков был убежден, что «ни века́ неволи, ни социальная педагогика» помещиков, государства и церкви, «воспитывавших народ в духе пассивного отношения к жизни, не заглушили в нем стремления к свободе»¹⁵.

В трудах советских ученых убедительно раскрыта связь антирелигиозных и антикрепостнических настроений крестьянства в России¹⁶. Поэтому нельзя согласиться с утверждением некоторых авторов, будто для русского крепостного «чрезвычайно характерно восприятие социальной действительности в религиозных категориях»¹⁷. Петрашевец В. Н. Майков, полемизируя в 1846 г. с церковным писателем-мракобесом В. И. Аскоченским, заявлял, что религиозного фанатизма в самом русском крестьянине нет, а так называемая духовная литература «не может быть рассматриваема как выражение внутренней жизни народа»¹⁸. Как известно, говорится об отсутствии мистицизма среди крестьян и в письме Белинского к Гоголю, которое дважды читалось в кружке

* * *

¹⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти томах, т. 17. М., 1975, с. 535.

¹⁶ См.: Шахнович М. И. Критика легенды о русском народе-богоносце.— Ежегодник музея истории религии и атеизма, т. VI. М.—Л., 1962; Кадсон И. З. Антицерковная борьба народных масс в России в трудах советских историков.— Вопросы истории, 1969, № 3, с. 151—157.

¹⁷ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 315.

¹⁸ См.: Майков В. Н. Отечественные записки, т. XLVIII. Спб., 1846, с. 400.

петрашевцев. Именно петрашевцы сохранили, а затем и передали А. И. Герцену в Лондон этот бесценный документ, где он был опубликован в 1855 г. в «Полярной звезде».

Конечно, крепостной крестьянин не был атеистом, но он нередко открыто враждебно относился к служителям церкви. Популярная в русском народе поговорка «Батка и с живого и с мертвого дерет» вместе со словами «духовенство поэтому не пользуется уважением и почетом ни в высших, ни в средних, ни в низших слоях народа» была отмечена К. Марксом в книге А. И. Кошелева «Наше положение»¹⁹.

В поведении и деятельности многих петрашевцев имели место антиклерикальные настроения. Так, А. П. Милюков отучал своих воспитанников-кадетов подходить под благословение к учителю закона божьего и целовать его руку²⁰. Преподаватель политической экономии и статистики в Технологическом институте, Институте корпуса инженеров путей сообщения и в Дворянском полку И. Л. Ястржембский «с неподражаемым комизмом» показывал в своих лекциях демагогичность евангельских положений о всеобщей любви, разоблачал утверждения богословов: «Нет власти, ще не от бога»²¹. П. Н. Филиппов выписал из литографированных лекций прогрессивного профессора П. А. Плетнева поразившие его слова: «Ныне влияние религии (в России) не так велико и сильно, важность духовных книг понизилась в глазах общества, образованность их и понятия так односторонны, влияние их и участие в делах общественных ничтожно и вовсе почти незаметно, ибо успехи других классов, других сословий стали выше и оставили за собою духовенство»²².

Однако церковь в то время имела сильные позиции, была орудием царизма. Она строго контролировала духовную жизнь в стране, держала в своих руках народное образование, вмешивалась в дела высшей

* * *

¹⁹ Архив Маркса и Энгельса, т. XI. М., 1948, с. 42.

²⁰ См.: Дело петрашевцев, т. I, с. 411.

²¹ См.: *Семевский В. И.* Пропаганда петрашевцев в учебных заведениях.— Голос минувшего, 1917, № 2, с. 140—141.

²² См.: Дело петрашевцев, т. III, с. 456.

школы, где существовали обязательные внефакультетские кафедры богословия. Священнослужители вели активную борьбу против материализма и атеизма. Тон задавал московский митрополит Филарет (В. М. Дроздов), который, по словам В. И. Ленина, защищал крепостное право на основании священного писания²³. «Разоблачение» материализма, критика «индифферентистов, атеистов, натуралистов и рационалистов всех видов» становятся темой специальных проповедей и богословских сочинений. Но, несмотря на все усилия, искоренить в России идущую от М. В. Ломоносова материалистическую традицию в естествознании и философии церковникам не удавалось. Она присутствовала не только в трудах естествоиспытателей, но и в философских работах единомышленников В. Г. Белинского и А. И. Герцена.

Огромное влияние на петрашевцев оказали философские работы молодого А. И. Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». У Герцена петрашевцы учились видеть социальный смысл мировоззренческих позиций, быть непримиримыми к мистике и идеализму. Многие идеи Герцена использовали в своих статьях М. В. Петрашевский, В. Н. Майков, Н. С. Кашкин, присутствуют они и в рукописях Н. А. Спешнева и Ф. Г. Толля.

Сильное влияние на петрашевцев оказали и литературно-критические сочинения В. Г. Белинского. В 1847 г. вышла книжка А. П. Милюкова «Очерк истории русской поэзии». О ней современники писали: «Вот в ней-то видишь плоды учения Белинского. Это экстракт всего, что печатано было о русских поэтах в «Отечественных записках»»²⁴.

Петрашевцам были понятны мысли В. Г. Белинского о реакционности официальной идеологии «православия, самодержавия, народности» и его борьба против славянофильства. Они, как и великий критик, видели в славянофильстве явление, защищающее старину со всеми ее социальными пороками, и прежде всего с ненавистным им крепостным правом.

* * *

²³ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 5, с. 339.

²⁴ Цит. по: *Жданов В. В.* Поэты кружка петрашевцев.— *Поэты-петрашевцы.* М.—Л., 1966, с. 35.

Петрашевцы были знакомы с западноевропейской атеистической и религиоведческой литературой. Они изучали труды Вольтера, Вольнея, Дидро, Гельвеция, Гольбаха. В работах Петрашевского есть ссылки и на «Энциклопедию» французских материалистов, и на «Систему природы» Гольбаха. Из мыслителей-атеистов особенно ценили петрашевцы труды Л. Фейербаха. Петрашевский изложил идеи немецкого материалиста в статье «Натурализм».

У Л. Фейербаха петрашевцы восприняли положение, что в основе представлений о боге лежит абсолютизация человеком собственных свойств. Тем больший интерес представляют их попытки выйти за пределы фейербахианства. Так, Н. А. Спешнев считал, что антропологизм Фейербаха «тоже религия, только другая»²⁵. Он говорил: «Вместо бога-человека мы имеем теперь человека-бога». Спешнев не считал антропологический материализм вершиной современной мысли, а лишь тем «переходным учением», «по которому Германия и наука придут к полному и безусловному отрицанию религии», атеизму.

Петрашевцы были непримиримыми борцами против богословских теорий, в частности теодицеи, в которой проводилась мысль о благодати бога и о существовании в мире зла, они указывали на ее непоследовательность и вопиющие противоречия с «фактами жизни». Петрашевский решительно отвергал богословское утверждение о том, что человек — жалкая тварь, отягощенная первородным грехом, действия которой предопределены сверхъестественным образом. Он считал человека частью извечной, постоянно обновляющейся могучей природы, не обреченным на прозябание, а активным, разумным творцом, способным совершенствовать условия жизни и самого себя благодаря научному познанию, возможности которого беспредельны. Способность человека к совершенствованию окружающего мира, по его мнению, конкретное и наиболее яркое выражение свойственного всей природе принципа постоянного обновления. Эта способность есть ценнейшее достояние людей, позволяющее человечеству «со временем, чрез сознание мировых законов» *«впол-*

* * *

²⁵ Настоящее издание, с. 167.

не соделаться властелином и устройтелем всей видимой природы, в которой нет ничего ему неподчинимого»²⁶.

Рассуждениям богословов о неспособности человека создать в мире что-либо помимо воли бога, о слабости человеческого разума петрашевцы противопоставляли идеи могущества человеческого ума и ценности научных знаний. «Знание есть могущество», — заявлял Петрашевский. Оно раскрывает человеку, что в мироздании «нет ничего такого, чего бы не заключалось в его природе и из нее не развивалось». Научное познание должно сочетаться с «совместностью», т. е. с коллективными действиями людей, а это в итоге обеспечивает благосостояние и могущество человечества. М. В. Петрашевский провозглашал: «Человек как индивидуум, поставленный лицом к лицу с природою, ничтожен. Человек же как род, могуч...»²⁷

Не зная реальных движущих сил развития исторического процесса, петрашевцы тем не менее были убеждены, что задачи, подлежащие разрешению людьми, ставит само общество, а не сверхъестественные силы, не бог. Примечательны слова Н. А. Спешнева: «Для человечества не существует никакого авторитета, никакого творца, никакого бога (...), оно ни от кого не получает приказов, его собственная добровольная детерминация, его собственная воля, его собственное стремление — это и есть его единственный закон»²⁸.

Но если не существует богов, то какие же причины породили среди людей представления о них и питают эти представления? В ходе оживленных дискуссий о происхождении религии некоторые петрашевцы вплотную подошли к выводу, что религия порождается и поддерживается условиями жизни людей и их взаимоотношениями, что религиозность не является врожденным чувством. Так, Ф. Г. Толль писал о происхождении религии: «Религии народов неразвитых проистекают единственно из чувства подавленности человека грубыми, но гигантскими силами природы (...), религии народов образованных имеют источник свой единственно в желании их

* * *

²⁶ Там же, с. 133.

²⁷ Там же, с. 127.

²⁸ Там же, с. 173.

основателей скрепить свои нравственные и гражданские кодексы внешним авторитетом»²⁹.

Петрашевцев интересовали вопросы об исторических формах религии, об ее приспособлении к условиям жизни. Они считали, что, с одной стороны, религия — социальное зло, так как «убивает» в людях всякое стремление к развитию и уверенность в своих возможностях, с другой — что она может выражать протест социальных низов. Понимая, что притеснение инаковерующих со стороны правительства и господствующей церкви, в частности старообрядцев-раскольников, является одной из предпосылок для революционного взрыва в стране, петрашевцы хотели привлечь раскольников и сектантов к борьбе против самодержавия и крепостного права. М. В. Петрашевский говорил: «Вот элемент, всегда готовый в русском обществе для ужасной *Jacquerie* — Пугачевский бунт — одно из его проявлений. Старообрядство, раскольниковство и рабство — вот его производи [те] ли»³⁰. В. П. Катенев, близкий А. В. Ханькову студент, интересовался, «где живут главные раскольники, сказывал, что надобно к ним ехать и склонить их к соединению... для чего... полагал заготовить предварительно к ним воззвание, объяснив в оном, что и здесь многие, в том числе и раскольники, вообще негодуют на государя императора»³¹. О союзе в революционной борьбе атеистов и верующих размышлял и Спешнев.

Наиболее сложным для петрашевцев оказался вопрос об отношении к западному христианскому социализму. Это был один из тех вопросов, по которому среди радикально настроенных посетителей «пятниц» не было единства мнений. В известной мере некоторые даже наиболее революционно настроенные из них до конца не преодолели влияние христианского социализма. Петрашевцы считали, что современное им христианство извратило образ Иисуса Христа — борца за интересы трудящихся, сделав его проповедником смирения, покорности и загробного воздаяния за земные муки. Так, В. Н. Майков писал, что «Христос, со стороны своего человеческого

* * *

²⁹ Там же, с. 175.

³⁰ Дело петрашевцев, т. I, с. 42.

³¹ Дело петрашевцев, т. III, с. 359.

существа, являет собою совершеннейший образец того, что называем мы величию личности», что «человечество до сих пор, в продолжение восемнадцати веков, не могло еще дорасти» до истинного понимания его благородных идей³². Идеи христианского социализма содержатся в статьях В. А. Милютина³³. Есть они и в работе В. А. Энгельсона «Философия революции и социализм», опубликованной А. И. Герценом в первой книге «Полярной звезды» на 1855 г.: «Средство обеспечения себе хлеба насущного указано в Евангелии. Прямой смысл его, после того, что он был утрачен на долгое время, ныне (...) снова найден». Энгельсон утверждал, что утопические социалисты Сен-Симон, Фурье, а также Кабе и Прудон разработали «то самое учение, которое древние начинали усматривать по указанию Христа»³⁴. В религиозно-нравственном совершенствовании видел главную предпосылку изменения общественных отношений и поэт-петрашевец С. Ф. Дуров.

Нуждается в разъяснении отношение петрашевцев к раннему христианству. Последнее было для них своего рода идеалом социалистического общества, более понятным, чем абстрактные схемы Сен-Симона, его последователей, Оуэна и даже особо ценимого ими Фурье. Однако, отмечая провозглашенные ранним христианством равенство и отказ от частной собственности, М. В. Петрашевский подчеркивал, что эти принципы остались неосуществленными.

Уход от действительности, идея компенсации социальной несправедливости в потустороннем мире делали христианский социализм в глазах Петрашевского бесполезным. Исканиям в сфере религии он противопоставлял утопический социализм, опирающийся на материализм и атеизм. Петрашевский был убежден, что религия в любой своей форме не может способствовать созданию общества без социального неравенства и эксплуатации. Считая, что революция — единственно возможный путь к социализму, он призывал молодежь отказаться от религии. Петрашевский говорил, что «слепая вера в бога

* * *

³² Майков В. Н. Соч., т. I. Киев, 1901, с. 58—59.

³³ См.: Володин А. И. Утопия и история. М., 1976, с. 162.

³⁴ Цит. по факсимальному изданию: «Полярная звезда» на 1855. Книга первая. Лондон. М., 1966, с. 35.

вредна, ибо она повергает человека в бездействие и косность»³⁵.

У него понятие «атеизм» было синонимом словам «наука», «знание», «прогресс».

Одним из первых поддержал М. В. Петрашевского В. Н. Майков. Он хорошо знал труды западных философов, читал работы А. И. Герцена и В. Г. Белинского. Разделяя мысль Петрашевского о необходимости пропаганды среди молодежи передовых, в том числе атеистических, взглядов, Майков в 1845 г. принял активное участие в издании «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка». Специально подобранные слова составили в словаре серии статей, содержащие в искусно замаскированной форме критику абсолютизма, разоблачали союз самодержавия и православия, критиковали религиозную мораль, прославляли борцов против мракобесия. В нем была предпринята попытка критики церкви как социального института, служащего интересам эксплуататоров, давалось обоснование атеизму — важной стороне научного мировоззрения.

«Карманный словарь» предполагалось издать несколькими выпусками. Однако свет увидели только два. Судя по составленному списку отсылок читателя к предполагаемым «Прибавлению» и к «Энциклопедии наук», по проблемам атеизма и религии было намерение к уже опубликованным добавить статьи «Атеизм», «Анабаптисты», «Вольтерьянизм», «Догмат», «Консерваторы», «Каноническое право», «Мистика», «Мифология», «Метафизика», «Неокатолицизм», «Пифагореизм», «Пирронизм», «Пессимизм», «Пелагианизм», «Пантеизм», «Религия», «Рационализм», «Скептицизм», «Секты», «Схоластическая философия», «Синод», «Скоттизм», «Теология», «Теофизия», «Фетишизм», «Фанатизм», «Фатализм», «Энциклопедисты».

Вышедший в свет в 1845 г. первый выпуск «Карманного словаря» получил высокую оценку передовой общественности. В. Г. Белинский в «Отечественных записках» писал: «Так как по новости русского образования новый русский язык еще не установился и, вероятно, долго не установится, то естественно, что в него вдруг вторглось множество иностранных слов. Это

* * *

³⁵ Дело петрашевцев, т. III, с. 28.

обстоятельство делало необходимым словарь таких слов. Наконец такой словарь является. Мы тем более рады ему, что составлен он умно, с знанием дела, словом, столько удовлетворителен, сколько от первого опыта и ожидать нельзя»³⁶. Он относил словарь к числу книг «серьезного содержания».

Судьба «Карманного словаря», второй выпуск которого вызвал неудовольствия председателя Петербургского цензурного комитета Мусина-Пушкина и был изъят, лишила М. В. Петрашевского надежды на издание в ближайшее время работ, излагающих революционно-демократические, социалистические, материалистические и атеистические взгляды. И он стал пропагандировать передовые идеи путем распространения книг. По его инициативе весной 1845 г. была создана коллективная библиотека посетителей «пятниц», избраны ее распорядители. Многие петрашевцы стали энергично пополнять личные библиотеки. Не случайно в ходе следствия была образована «Особенная комиссия» для разбора книг и бумаг арестованных.

Петрашевцы выписывали книги утопистов-социалистов, историков, буржуазных экономистов, философов-материалистов. У них имелись сочинения Сен-Симона, Фурье, «Энциклопедия» П. Леру, произведения Вольтера, Руссо, «Система природы» Гольбаха, «Энциклопедия» французских материалистов. О влиянии этих книг говорил во время следствия Д. Д. Ахшарумов: «Выписывать как можно больше книг и раздавать читать было первым и самым важным средством. Книги переходили из рук в руки, и таким образом затеяна была пропаганда чтением книг»³⁷. На «пятницах» шли оживленные обсуждения прочитанного. На собраниях у офицера Н. А. Момбелли много говорилось о взглядах Вольнея, а на квартире у А. Н. Плещеева вслух читалась статья А. И. Герцена «Москва и Петербург»³⁸.

* * *

³⁶ *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч. в 13-ти томах, т. IX. М., 1955, с. 61.

³⁷ Дело петрашевцев, т. III с. 115—116.

³⁸ См. там же, с. 60, 248, 276; *Дрыжакова Е. Н.* Статья Герцена «Москва и Петербург» в кругу петрашевцев.— *Достоевский. Материалы и исследования*, т. 2. Л., 1976, с. 169—174.

Зимой 1848/49 г. на «пятницах» преимущественно обсуждались «социально-политические вопросы»³⁹, связанные, в частности, с религией. От скептицизма радикально настроенные посетители «пятниц» в ходе дискуссий стали переходить к антирелигиозности и даже к опирающемуся на антропологический материализм атеизму.

Представляют интерес атеистические выступления петрашевцев на их собраниях. Особо следует отметить набросок речи Ф. Г. Толля о происхождении религии, содержание которой, по его признанию, было навеяно трудами Бр. Бауэра и Л. Фейербаха⁴⁰ и, конечно, А. И. Герцена. Ф. Г. Толль подчеркнул реакционный характер религиозной морали, направленной на то, чтобы «примирить» угнетенный народ «с существующим порядком вещей, найти точку соприкосновения рабства с свободой, братства с господством»⁴¹.

Следует отметить атеистические размышления Н. С. Кашкина в речи о задачах общественных наук, в которой он, опираясь на работу А. И. Герцена «Дилетантизм в науке»⁴², защищал позицию атеистов как логичную, последовательно вытекающую из критики теодицеи.

В несохранившемся следственном деле Н. А. Спешнева находилась рукопись его выступления на одной из «пятниц» «о религиозном вопросе с точки зрения коммунистов»⁴³. В докладе генерал-аудиториата приводится отрывок из этой речи: «...с тех пор как стоит наша бедная Россия, в ней всегда и возможен был только один способ словесного распространения... так как нам осталось одно изустное слово, то я и намерен пользоваться им без всякого стыда и совести, без всякого зазора, для распространения... атеизма.., всего доброго на свете и вам советую то же»⁴⁴.

Интересна мысль Спешнева о возможности привлечения революционерами-атеистами верующих для совместной борьбы во имя общих социально-политических целей.

Видя в народе главную силу революции, петрашевцы полагали необходимым подготовить для революционной

* * *

³⁹ См.: Первые русские социалисты. Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984, с. 180.

⁴⁰ См.: Дело петрашевцев, т. II. М. — Л., 1941, с. 165.

⁴¹ Настоящее издание, с. 178.

⁴² См.: Дело петрашевцев, т. III, с. 154 (примечание).

⁴³ См. там же, с. 29.

⁴⁴ Петрашевцы. Сборник материалов, т. III. М. — Л., 1928, с. 53.

пропаганды в народной среде специальных людей из учащейся молодежи. Инициативу на себя взял А. В. Ханьков. Вместе со своим другом И. М. Дебу он привлек группу студентов, среди которых вел разговоры «о французской революции, о равенстве, о свободе человека, об угнетении вообще всех сословий и о прекрасном управлении в республике»⁴⁵. Нередко петрашевцы произносили «возмутительные речи» и о религии. П. Г. Шапошников утверждал, что религия — «чистая выдумка ума человеческого, связывающая нас страхом наказания»⁴⁶, а А. В. Ханьков считал, что христианство изжило себя, «не есть окончательный момент в развитии человечества», а посему «падает»⁴⁷. Именно А. В. Ханьков и его друзья оказали влияние на формирование революционно-демократических и атеистических воззрений молодого студента Петербургского университета Н. Г. Чернышевского⁴⁸.

Ханьков отвергал религиозно-мистическую космологию Фурье и вместе с тем высоко ценил предложенную им систему организации труда. Но если Фурье считал, что сама организация производства способна не только поднять производительность труда, но и изменить социальный строй, то Ханьков был убежденным сторонником революционного преобразования действительности.

Петрашевцы мечтали об уничтожении привилегий церкви в России. В статьях «Национальное собрание» и «Нивеллеры», помещенных в «Карманном словаре», выдвигалось требование отделения церкви от государства, свободы совести, национализации церковного имущества.

Для приобщения масс верующих к революционным идеям петрашевцы считали полезным, а порой и необходимым использовать привычную для них религиозную аргументацию. С этой целью А. Н. Плещеевым и Н. А. Мордвиновым был подготовлен рукописный перевод книги французского христианского социалиста Ф. Ламенне «Слова верующего»⁴⁹. Как установлено, 23 главы сочинения (1—21, 33 и 42) переведены

* * *

⁴⁵ См.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Петрашевцы. М., 1965, с. 102.

⁴⁶ Дело петрашевцев, т. III, с. 356.

⁴⁷ См. там же, с. 365.

⁴⁸ См.: *Вороницын И. П.* История атензма. Рязань, 1930, с. 887; *Лейкина-Свирская В. Р.* Атеизм петрашевцев.— Вопросы истории религии и атеизма. Сборник статей, вып. 3. М., 1955, с. 228.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. 109, 1855, ед. хр. 269, л. 178—207.

Плещеевым, а 19 (22—32, 33—41) — Мордвиновым. Перевод книги Ламенне приходится на период наиболее активной деятельности петрашевцев. Возможно, что толчком послужило высказанное Н. А. Спешневым весной 1848 г. предложение о публикации зарубежной пропагандистской литературы, способной поднять революционное настроение определенных слоев населения России. По свидетельству Е. М. Феоктистова, один из авторов перевода, Плещеев, прибыв из Петербурга в апреле 1849 г., призывал студентов Московского университета «переводить на русский язык иностранные сочинения», приравнивая их к простонародному складу речи, и распространять их среди народа. По его словам, Плещеев рекомендовал использовать для пропаганды книгу Ламенне⁵⁰.

Ламенне привлекал петрашевцев резким осуждением властей, своими призывами к активным действиям. В переводе петрашевцев были такие слова: «Вижу, народ подымается с шумом и царей, бледных под короной своей. Война между ними. Война на смерть»⁵¹. Переводчики повторяли: «Будьте готовы, ибо время подходит»⁵². Они славил восставших «воинов новобранных», восклицая: «Благословенно твое оружие, воин новобранный!»⁵³ Они рисовали апокалипсические картины крушения монархий: «Цари заревут на тронах своих, обеими руками они схватят венцы свои, уносимые ветром, чтобы удержать их, и их сметет вместе с ними»⁵⁴.

Обращаясь к творчеству Ламенне, петрашевцы задумывались и над тем, как воспользоваться переводом для разоблачения реакционной деятельности православия, и в частности высшего духовенства. Пример подал А. П. Милюков. В кружке Дурова он прочитал свой перевод на церковно-славянский язык раздела книги Ламенне, назвав его «Новое откровение митрополиту Антонию Новг., Спб. и пр.»⁵⁵. Поскольку Антоний был известен раболепием перед самодержавием и личной

* * *

⁵⁰ См.: Феоктистов Е. М. За кулисами политических событий. Л., 1929, с. 165.

⁵¹ ЦГАОР, ф. 109, 1855, ед. хр. 269, л. 178 об.

⁵² Там же, л. 197.

⁵³ Там же, л. 202 об.— 203.

⁵⁴ Там же, л. 197.

⁵⁵ См.: Дело петрашевцев, т. I, с. 425 (примечание).

преданностью Николаю I, «Новое откровение», обращенное к нему, видимо, было политическим выпадом по отношению к русской православной церкви⁵⁶.

Наиболее инициативные петрашевцы из числа молодежи, воспринявшие пропагандистские замыслы, готовили собственные листовки-обращения к народу. Сохранился набросок листовки студента П. Н. Филиппова «Десять заповедей». Энтузиаст распространения нелегальной литературы, он составил документ таким образом, что каждую из христианских заповедей, издавна используемых для обоснования прав эксплуататоров, обращал в призыв к революционным действиям, к расправе с крепостниками.

Деятельность петрашевцев была прервана в самом разгаре. Многие из задуманного им осуществить не удалось. Не успели петрашевцы наладить работу тайной типографии. Не было у них и организационно оформленного тайного общества революционеров, хотя разговоры о нем и велись. Еще не настало время широкой пропаганды революционных идей в массах, о чем многие петрашевцы мечтали. Однако сделанное ими трудно переоценить. Петрашевцы разрабатывали революционно-демократическую теорию социализма, неотъемлемой составной частью которой был атеизм. Важной заслугой петрашевцев было распространение атеистических взглядов Герцена и Белинского и дальнейшее развитие их как целостной системы, вытекающей из научного знания, материалистической философии и народного свободомыслия.

Петрашевцы впервые в русской литературе стали открыто употреблять слово «атеизм» и доказывать его право на существование наравне с такими понятиями, как «прогресс», «новаторство», «наука». На пропагандировавшихся ими трудах Герцена, Белинского, утопистов и материалистов-атеистов воспитывалось последующее поколение революционеров-демократов России, «шестидесятников». В деятельности первых русских социалистов, по словам советского исследователя Б. Ф. Егорова, надо видеть «предвестье тех особенностей, которые в более глубоких и разнообразных видах проявятся в последующие десятилетия: политический радикализм и пафос

* * *

⁵⁶ См.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Атеизм петрашевцев.— Вопросы истории религии и атеизма, т. 3. М., 1955, с. 233.

социальных преобразований, демократизм, постоянное внимание к народу и его положению, максимализм требований и нравственная чистота помыслов, приводившие деятелей освободительного движения к неустанным поискам новых путей социалистического преобразования Отчизны»⁵⁷. Не случайно, узнав об аресте петрашевцев, студент Н. Г. Чернышевский записал, что «сам никогда не усомнился бы вмешаться в их общество и со временем, конечно, вмешался бы»⁵⁸. Осужденные, отправленные на каторгу или отданные в солдаты, петрашевцы стали для передовых людей России символом мужества, героизма и преданности народу. Недаром М. Е. Салтыков-Щедрин, сохранивший на долгие годы память о Петрашевском как о любимом друге и учителе, в последние годы жизни собирался «написать рассказ о трагической судьбе революционного деятеля и мыслителя, плененного царизмом». Приоткрывая содержание замысла, он замечал: «Чернышевский или Петрашевский, все равно»⁵⁹.

К. Маркс и Ф. Энгельс высоко оценили борьбу против царского самодержавия сосланного в Сибирь на каторгу М. В. Петрашевского. Основоположники марксизма отметили выступление «Колокола» Герцена в защиту Петрашевского⁶⁰.

Энергичные, полные замыслов и надежд на коренное переустройство Родины, не сломленные каторгой и ссылкой — такими остались Петрашевский и его единомышленники в истории революционного движения России.

* * *

Начало исследованию темы атеистических воззрений петрашевцев, их отношения к религии было положено прогрессивным русским историком В. И. Семевским, до революции первым получившим доступ к их следственным делам. В журнальных публикациях, позже вошедших в книгу, он отмечал атеистические идеи М. В. Петрашев-

* * *

⁵⁷ *Егоров Б. Ф.* Возникновение социалистической мысли в России. — Первые русские социалисты, с. 39.

⁵⁸ *Чернышевский Н. Г.* Избранные философские сочинения, т. III. М., 1951, с. 851.

⁵⁹ Цит. по: *Макашин С.* Салтыков-Щедрин на рубеже 1850—1860 годов. Биография, с. 379.

⁶⁰ См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 18, с. 428—429.

ского и его единомышленников, указывал на их стремление распространять антирелигиозные взгляды, приводил материалы следствия⁶¹. Об атеизме М. В. Петрашевского и петрашевцев писал в своей книге «История атеизма» один из первых советских исследователей истории атеизма, И. П. Вороницын. Новый этап в изучении атеизма петрашевцев начался после опубликования трехтомника «Дело петрашевцев». О связи атеизма петрашевцев с материализмом писали В. Е. Евграфов⁶² и В. Р. Лейкина-Свирская⁶³. Атеизм петрашевцев рассматривается также в трудах М. М. Григорьяна, А. Д. Сухова и др.

В настоящее издание вошли работы М. В. Буташевича-Петрашевского и его единомышленников по вопросам атеизма, антиклерикализма, критики религии. Оно состоит из основной части, включающей статьи, речи, записки петрашевцев и выдержки из их показаний во время следствия, и приложения. В приложении помещены выдержки из статьи В. А. Энгельсона о М. В. Петрашевском, написанной в 1851 г., и извлечения из «Настольного словаря» Ф. Толля. Издание имеет примечания и именной указатель. Все тексты даны по новой орфографии. Примечания петрашевцев печатаются под строкой. Заголовки, сделанные редколлегией, а также восстановленный текст и пропуски заключены в квадратные скобки.

* * *

⁶¹ См.: *Семевский В. И.* М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. I. М., 1922.

⁶² См.: *Евграфов В. Е.* Социально-политические и философские взгляды петрашевцев.— Философские и общественно-политические произведения петрашевцев. М., 1953, с. 86—98; История философии в СССР в пяти томах, т. 2. М., 1968, с. 417—418.

⁶³ См.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Атеизм петрашевцев.— Вопросы истории религии и атеизма, вып. 3; *её же.* Петрашевцы. М., 1965, с. 52—58.

Михаил Васильевич
Буташевич-Петрашевский
(1821—1866 гг.)

Родился в семье доктора медицины и хирургии. Дворянин. По окончании Александровского лицея с 1840 г. служил переводчиком в департаменте внутренних сношений Министерства иностранных дел, был вольнослушателем юридического факультета Петербургского университета, который окончил в 1841 г., получив степень кандидата прав. Уже тогда мечтал о социальных преобразованиях в России, об установлении республики и политических свобод, о создании журнала. Задумал написать работу о значении здравого смысла и критического направления в философии, «задержанного» средними веками. Намечал темы, в том числе «О влиянии духовенства на развитие России в умственном отношении», «О преобразовании духовенства в России», «О обложении земель церковных и монастырских податью». Размышляя о христианской религии, приходил к мысли, что она — предрассудок, суеверие, противоречащее разуму. В 1843 г. замечал: «Нет ничего труднее, как освободиться от вредоносного влияния преубеждений, предрассудков и суеверий всякого рода...»¹ Для предполагаемого журнала хотел написать работы на темы: «Об истинных началах так называемой христианской религии, или философии», «В чем состоит религиозное чувство и отчего тяжело расставаться с ним и с верою»². Последняя была выделена в специальном объяснении следственной комиссии к бумагам Петрашевского, изъятым во время ареста³.

Собрал редкую по тем временам библиотеку русской и зарубежной философской и социально-политической литературы. Читал В. Г. Белинского, А. И. Герцена, работы западных материалистов и социалистов, в частности Л. Фейербаха, Фурье, Сен-Симона и его учеников, Роберта Оуэна, Луи Блана. Следил за достижениями естествознания.

Пришел к идее создания теории, которая бы сочлала достижения русской и западной философской и общественно-политической мысли, материализма и утопического социализма, помогла бы понять действительность и определить пути по ее коренному изменению.

В 1844—1845 гг. организовал у себя — сначала нерегулярные, а затем систематические — встречи-«пятницы», собравшие передовых представителей петербургской молодежи. В 1845—1846 гг. активно участвовал в издании «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка», особенно его второго выпуска.

В феврале 1848 г. с целью привлечения внимания общественности к крестьянскому вопросу распространял литографированную записку «О способах увеличения ценности дворянских или населенных имений». Написал проект об освобождении крестьян.

Талантливый организатор, человек энциклопедических знаний, Петрашевский превратил «пятницы» в политический клуб, где в 1848—

* * *

¹ Дело петрашевцев, т. I, с. 552—553.

² См. там же, с. 555.

³ См. там же, с. 552—553 (примечание).

1849 г. обсуждались актуальные социально-политические проблемы, прежде всего об уничтожении крепостного права, где в процессе дискуссий шло формирование революционно-демократических, материалистических и атеистических воззрений наиболее активных его участников.

М. В. Петрашевский считал крестьянскую революцию неизбежной. Изучал движение декабристов. Участвовал в обсуждении вопроса о возможности создания подпольной организации революционеров. Выступил на обеде в честь Фурье с призывом: «Мы осудили на смерть настоящий быт общественный, надо приговор наш исполнить»⁴.

В ночь на 23 апреля 1849 г. Петрашевский был арестован и заключен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Мужественно вел себя во время следствия. «За богохуление, за злоумышленное покушение произвести реформу быта общественного в России, за участие в совещании... о составлении тайного общества с целью произвести восстание» военно-судная комиссия приговорила М. В. Петрашевского к расстрелу. В докладе генерал-аудиториата подчеркивалось не только «явное стремление его к перемене ныне существующего в России порядка», но и «отсутствие в нем религиозного чувства». По конфирмации М. В. Петрашевский был приговорен к бессрочной каторге в Сибири. Сначала находился на Шилкинском заводе Нерчинского округа, позже был переведен в Акатуй. В 1856 г. по амнистии вышел на поселение. Жил в Иркутске, сотрудничал в газетах «Иркутские ведомости» и «Амур», пытался организовать кружок прогрессивной местной интеллигенции, писал в Петербург протесты по поводу приговора петрашевцам, часть которых была опубликована в «Колоколе» А. И. Герцена, разоблачал местную царскую администрацию. Весной 1860 г. выслан из Иркутска. Некоторое время жил в Красноярске.

Умер 7 декабря 1866 г. в селе Бельское Енисейского округа.

Обскурантизм

В человеке или для человека полнота и степень совершенства знания и самосознания есть основа и залог его действительного могущества. Без всезнания всемогущество неудобомыслимо. Невзирая на то, что теперь общество еще не достигло нормальности развития и человечество еще далеко от полной сознательности¹, значение всякого человека, или степень его могущества, как одного из живых факторов общественной деятельности, всегда находится в прямом отношении к его *знанию* (достоинству — *valeur*), уменьшенное или увеличенное влиянием много-различных обстоятельств, условий гражданских прав, привилегий, или преимуществ, которые дают часто одному человеку в обществе значение иногда большее, а иногда меньшее, нежели какое ему следовало иметь по его

* * *

⁴ Там же, с. 518.

действительным достоинствам, иногда в ущерб ему самому, а иногда и в обиду другим членам общества. Признание того, что знание есть могущество², современно возрождению разумного сознания в человечестве. Немое признание могущества знания мы можем видеть в истории древней образованности, и памятники ее мы можем назвать безмолвными провозгласителями этого признания и возвестителями первых *обскурантных стремлений*³. Отсутствие *солидарности* [...] в жизни общественной, раздельность и противоположность интересов отдельных лиц были главными возбудителями эгоистических стремлений в сердце человеческом. Эгоизм не замедлил внушить людям мысль о обращении знания исключительно в пользу своей личности и важность его утайки от других. Это должно было тем более произойти и именно потому, что тогда всякая власть и властительство казались вожделенными, ибо высокое учение аристократического равенства было еще неведомо⁴. От сознания или уверенности, что знание есть основа могущества человека, легко сделать заключение, что его следует скрывать, дабы другие чрез его приобретение не сделались тоже могущественными и не получили возможность быть для доставателей им могущества (знания) гибельными чрез это самое могущество. Такая боязнь весьма простибельна и неизбежна при ненормальности общественного развития. По причине противоречия в интересах отдельных лиц могущество моего ближнего в большей части случаев должно явиться гибельным для моего личного благосостояния и, так сказать, его поглощающим. От этого не труден переход к *убеждению в необходимости для собственной своей безопасности от прочих людей скрывать* познания⁵, приобретенные самодеятельным опытом, и даже удерживать их (то-есть других людей) в невежестве. Вот начало *обскурантизма*. Обскурантизм вообще составляет важную составную часть во всяком религиозном или теократическом властительстве, или правлении: примером этому могут служить египтяне и другие народы древнего и нового мира (ламаизм, Китай). Стараться содержать знание в тесном кружке священнодействующих, употреблять самые знания как орудие для содержания народа в еще большем невежестве и унижении, представить ум человеческий ограниченным, божество — непонятным, а истину — недостижимой, устрашать пытливость ума сказанием, подобно сказанию о гибели юноши в Са-

исском храме, было всегда любимой уловкой обскурантизма.

В новейшие времена, когда знание низошло и обобщилось, обскурантизм не перестал тоже быть фактом действительной жизни, так сказать, но только соответственно духу времени переменил свою одежду.

Новейший обскурантизм, подобно древнему, считает образованность тайной монополией, которой подобает исключительно пользоваться тесному кругу счастливых, избранных, а что народ следует оставить в совершенном неразумии и неразумении всего того, что может касаться его интересов. Этот кружок гораздо ниже кружка древних, в него допускается всякий довольно богатый, чтоб принимать участие в государственном управлении, или по самому своему рождению призываем к оному. Обскурантам кажется почетнее владычествовать над рабами и кретинами, чем над действительными людьми, одаренными сознанием. Тщетно им представлять в пример императора Максимилиана⁶, поставившего свою славу в управлении и властвовании над людьми самостоятельными и сознающими свое человеческое достоинство.

Обскурантизм является достойным соперником иезуитизма на поприще подавления в человеке разумности!.. [...] Он хитро простирает свою власть на все и всех без различия полов, вероисповеданий, спешит всем воспользоваться и действует как случится — тайно или открыто чрез посредство выставленных им иногда важных лиц, которые очень часто все и не подозревают своего подчинения влиянию партии обскурантистов. Обскурантизм, стараясь поражать разумность в самом источнике, прибегает к различным средствам: в одних развивает восбращение без соответственного развития умственных способностей и готовит их в восторженные фанатики. Опасных по своей силе поборников истины он старается или приобрести к себе деньгами; в случае неудачи такой попытки он пытается уронить людей, не продающих свои убеждения, в общественном мнении, объявляет их и вообще всякого мыслящего человека рушителем общественного спокойствия. Одним из могущественных способов его действия на всех людей вообще должно признать его старание убить в людях всякое стремление к развитию и уверенность в его возможности. Для сего он твердит о необходимости нравственного уничижения (*Selbstvernichtung*), об ограни-

ценности ума человеческого, о неверности его суждений и повергает людей, незнакомых с законами их духовной жизни, в бесплодный скептицизм относительно верности восприятия ощущений. Иногда удается убить в своих жертвах всякое побуждение к мышлению и исследованию природы... Жалка судьба, они живут, а в [?] нету своей жизни... В их жизни все мертвенность и бессознательно. С этими мыслями он хочет затемнить в сознании человеческого уверенность в том, что в природе нет зла безусловного и что она до днесь столь же прекрасна и совершенна, как она вышла из рук творца⁷, и что все силы ее действуют неослабно в недрах ее с первого дня творения по законам математическим, однажды навсегда установленным волею всемогущего, что зло бывает только относительное, условное, и что зло нравственное преимущественно оно есть не что иное, как произведение неправильного устройства между человеческих отношений в обществе, что нет зложелательства в промысле всевышнего. Обскурантизм готов в христианское и даже человеческое верование включить как догмат — верование в вечность, неискоренимость или, так сказать, бессмертие зла! *Perpetuité de mal éternité du malheur**; обскурантизм, сознательный или бессознательный, обнимает частой сетью все европейское общество, к его проделкам должно приписать рассказы о голосах изпод церковного купола, грозивших несчастьем миру в Иерусалиме и Ватикане, также чудотворные медали, изображающие божью мать, которые с год тому назад наводняли Францию. Это было дело их и их собратий по духу — иезуитов. Чернь представляет обскурантам богатую жатву. Так местами это он возбуждает работника противу машин и хозяина, чтоб этими фактами убедить во вреде развития умственного; а с другой стороны, он всеми силами старается устранить рассмотрение вопроса об организации промышленности и коренных способах уничтожения⁸... пиетизм, аскетизм, а иногда и мелочная филантропия бывают тут лишними...

В сфере общественного образования он проявляется гонением на философию и вообще на все те науки, где может или должен вообще рассматриваться человек, как человек, без отношения ко времени и месту, и где показывается *солидарность*⁹ [...], зависимость благосостояния

* * *

* Постоянство зла, вечность несчастья. — *Ред.*

частного от общего и наоборот, и на все то, что убеждает человека в необходимости дружеского, братского между собою общения; даже с этою целью он препятствует изучению по источникам христианства и восстает против важности развития публичности и естественности в общественном быте (в этом случае очень часто люди образованные, но легкомысленные и тупоумные бывают его орудиями). Людей, принадлежащих к этой касте, к этой партии, мы находим везде в администрации, в войне, в церкви и в академиях (училище, университете), т. е. в сословии, призванном к нравственному и умственному образованию всех прочих. Этого ничего нет в России. Благодаря мудрости нашего правительства, давно изгнавшего иезуитов, у нас гибельность влияния обскурантизма значительно ослаблена сравнительно с прочими государствами Европы, как, например, Австрии¹⁰.

Обскурант

Обскурант, или обскурантист. Это слово происходит от латинского слова *obscurare*. Обскурант — помрачитель, затемнитель, всегда противуполагается просветителю; тогда как сей последний старается уяснить понятие людей о предметах мира физического, нравственного, религиозного и политического и [о] всех важнейших вопросах человечества в жизни общественной, второй (т. е. обскурант) старается не только всеми силами поддержать те превратные и ложные понятия, которые имеют об этих предметах люди необразованные, но даже заново их поселить в душах тех, коим их еще не удалось приобрести. Вообще обскурант ненавидит всякое верное и ясное мышление, безусловно верит или прикидывается верующим всему чудесному и противуестественному и требует, чтоб другие этому верили. Он — враг всякой *публичности* [...], как в судопроизводстве, так и в общественной жизни, и в выражении понятий он любит таинственность, привилегии, разъединение и вражду различных классов народа между собою, как и целых народов, для него непонятна или ему кажется невыгодным понять, а следовательно, и признать возможность мирных отношений всего человечества и утверждения на земле царства мира, гармонии и разума и самоузаконения [общезн]ительности.

Злобный обскурант... все, что может напомнить человеку о правах разума, о могуществе...

Объяснение, что такое социализм

[...] *Социализм* не есть изобретение новейшего времени, хитрая выдумка XIX века, подобная пароходу, паровозу или светописи, — он всегда был в природе человека и в ней пребудет до тех пор, пока человечество не лишится способности развиваться и усовершенствоваться.

Слабость при рождении, нужда посторонней помощи — вот что заставило человека спокон века, с тех пор как человек стал человеком, сойтись в общества. Человеку общество столь же необходимо, как пища, огонь и воздух... Чем ниже развитие человека, тем формы быта общественного и всех гражданских и хозяйственных и т. д. отношений проще... В непрерывных метаморфозах, перерождениях и преобразованиях и заключается вся жизнь природы — в ней нет покою, существует одно движение — от века равномерное. Человек тоже изменяется, потребности его — тоже, и общество должно тоже изменяться соответственно его потребностям¹. В человеке, как и во всех прочих существах природы, как в физическом, так и нравственном отношении находится *способность ассимиляции*, т. е. приспособления всего к себе*. Эта способность, это стремление приспособить общество к своим нуждам и потребностям и есть то, что называется социальное стремление, — стремление к усовершенствованию быта общественного. Оно-то и движет общественное развитие... Оно-то обществу дает силу, цвет и свежесть...

Не сразу понято было человеком правильное его отношение к природе. (Зороастр уже говорит о возделывании земли, насаждении дерев, как о деле благом и божеству угодном.) Долго люди, соединяясь в общества, еще пребывали между собою на военном положении — право личной мести служит этому подтверждением. Убеждение, что мир

* * *

* Без этой способности ни человеку, ни другому существу как индивидууму, как существу отдельному существовать не было возможности. Человеку пища не иначе может оказаться питательной, как приспособившись к потребностям его желудка посредством его пищеварения. Если этого не совершится, расстройство, страдание будет в его организме.

и согласие лучше войны и вражды, постепенно вырабатывалось в человечестве — тысящелетиями кровопролитий. Около времен Христа стало проникать в человеческое сознание это убеждение; сперва это выразилось отрицательно, как, например, в римском праве в форме нравственного предписания в словах «Neminem laede» (не делай вреда другому) ². Потом, когда уже человечеству мало стало довольствоваться одним таким отрицательным нравоучением, тогда был пророчен Христом догмат «любви к ближнему», «прощения обид» (подставь другую щеку, когда тебя ударили в одну) — «невменения преступления». С этих пор социальные стремления, скрывавшиеся в природе человеческой, получили для себя внешнее выражение, формулу, лозунг ³. Таинства элевзинские и Мемфиса разоблачились, покров с Изиды был снят, и загадке, тяготившей тысящелетия человечество, найдена разгадка. И социализм получил право полного гражданства в обществе человеческом...

Ничто не входит в разумение, не пройдя сперва чрез чувства. Это [т] вечный закон, обнаруженный Лейбницем ⁴, справедлив в отношении ко всем нравственным или умственным явлениям жизни человеческой... Социализм в своем развитии представляет собою подчинение этому закону.

Формула, данная Христом социализму, есть более желание, нежели предписание. К ней, как и ко всему нравоучению Христа, относятся слова его: «Могий вместити да вместит». Этими словами задача социализма определенно выразилась, т. е. чтоб в отношениях между людьми заменила любовь прежнюю вражду. Все последующее развитие христианства ⁵ и практической философии ⁶ есть не что иное, как стремление догмат этот сделать действительностью, желание — делом. Я говорю христианства, потому что костры инквизиции были не его дело, а тех, кто его употреблял как орудие.

Что первые христиане были социалисты по чувству (les socialistes par le sentiment), т. е. коммунисты,— прочтите Деяния апостольские ⁷, вы в этом убедитесь сами. Вы из них увидите, что у них существовал на деле коммунизм — общность владения, как и у ессениан, одной еврейской секты, им по времени предшествовавшей. Что основной догмат коммунизма — общность собственности — у них был вначале весьма строго соблюдаем, этому

подтверждением может служить то, что Анания и его жену за утайку небольшой суммы денег и при отдаче ими всей цены их имущества постигла смерть⁸. Но так как коммунизм первых веков христианства был только порыв доброго чувства, состоял в пожертвованиях богатых в пользу немущих братьев, но не проявлялся в виде правильных хозяйственных учреждений, не обнимал всех отправлений общественной жизни, оттого он и остался явлением или тенденцией, малозамеченной до последних времен в первобытном христианстве⁹.

Не надо силы ума необыкновенной или замысловатости воображения чрезвычайной, чтоб, остановясь на догмате «любви к ближнему, как к самому себе», суметь дойти до коммунизма; это должно совершиться само собою, если только в вас возникнет желание этому догмату добросовестно следовать... Если я люблю ближнего, как себя, разве могу ему отказать в праве пользования моим добром, собственностью, имуществом наравне с самим собою... Нападая на коммунизм, как на доктрину, нападают на догмат основной христианства и воспрещают его внешнее обнаружение... Осуждая его, вы лишаете человека права на доброе дело... вы вводите в общество мертвящий общество эгоизм... Зачем мне богатства, если сам ими пользоваться не стану и другим не дам?.. К чему они, к чему обилие всех средств к жизни, когда ими не в ком жизни поддержи [ва]ть?

Это же самое лаконически (Иннокентий, как говорят), обвиненный в проповедовании коммунизма¹⁰, выразил в этих словах: «Коммунисты говорят: что твое, то мое; я же говорю: что мое, то твое», т. е. признался в коммунизме и объявил этими словами, что он мирный коммунист, социалист по чувству, христианин времен апостольства.

С первых веков христианства по сие время всегда среди отцов церкви находились последователи, или приверженцы, коммунизма. Если б понадобилось подтвердить это цитатами, «*Le vrai christianisme*» и «*Voyage en Icarie*» Cabet* могут указать на множество их. Так, например, ими являются Августин в его соч [инении] «*Cité de dieu*»** и Феллон в его сочинениях.

* * *

* «Истинное христианство» и «Путешествие в Икарию» Кабе.— *Ред.*

** «Град божий». — *Ред.*

В жизни практической социальная тенденция, получившая со времен Христа право полного гражданства в обществе, обнаружилась разнообразно; так, напр., в соединении с аскетизмом, или учением об умерщвлении плоти, выразилась в разных монашеских орденах, рыцарских орденах; орден иезуитов следует считать тоже одним из ее обнаружений. Их колонии в Парагвае — опыт социальный неудачный, ибо индеец-колонист был принесен в жертву иезуиту и ордену иезуитов¹¹.

Со времени утверждения завета «любви» идет ряд утопий или теорий социальных, которые представляют идеал надежд и желаний заветных человечества. Все, что в человечестве было лучшего, будет ли то душа, сильно любящая ближнего, нежное сердце, будет ли это глубокий ум, желающий все взвесить и смерять, — все это тяготится его окружающей действительностью, стремится отыскать ту форму быта общественного, при которой блаженство для человека было бы возможным. Так всегда человек, недовольный действительностью, ищет в мечте утешения или, не имея силы из материалов настоящего создать лучшее, им желаемое, переносит свои желания в другой мир и в нем дает полный разгул своему творчеству. Вот вам психическое истолкование и Нового Иерусалима в Апокалипсисе Иоанна Богослова, и Сведенборга видений, и «*Agnes célestes*»*, мистической книги, довольно нелепой, в последнее время вышедшей¹².

Между этими всеми утопиями или теориями и их появлением современной действительностью находится органическая связь: в «Республике» Платона рабство — необходимое условие быта общественного, ибо во времена Платона везде оно было; в Морелли «*Basyliade*»** существует обязательность труда; в системе Фурье самый акт труда превращается в дело привлекательное, в наслаждение. Не буду вам описывать, как догмат любви христианской, в течение 1800 лет изменяясь, преобразился в формулы настоящего социализма, как явления политические, наука, промышленность и жизнь общественная вырабатывали то ту, то другую идею, вносили то тот, то другой

* * *

* «Небесные тайны». — *Ред.*

** «Базилиада»: полное название. «*Nahfrage des îles flottantes ou la Basiliade de célèbre Pilpai, Poème héroïque en 14 chants traduit de l'indien par Mr. M*****.*» Messine, 1753. — *Ред.*

элемент в сокровищницу нравственного достояния человечества. Для этого нужно изложить внутреннюю историю духа человеческого, представить пред вашими глазами весь органический процесс его развития. Это могло бы дать, быть может, несколько весьма интересных страниц, листов, пожалуй, книгу. Но чтоб писать о многих предметах важных — у меня только один лист этой бумаги. Вся библиотека в пособие к этому труду содержится в нескольких унц [ия]х [мозга], неприятно потрясенного настоящим делом... Что верить мне нельзя своей памяти — этому много и вы имеете доказательств. Обращусь прямо к социализму новейших времен.

Тихо и медленно развиваются идеи в человечестве... Не сразу признано человеком право своей личности во всех отношениях, отброшено в сторону умерщвление плоти, и всесторонность развития стала для него делом законным. Не вдруг понял он, что общество существует для человека, а не человек для общества, и получил правильное воззрение на отношения свои к обществу, уразумел естественную связь, существующую между всеми человеческими обществами; и только в последние сто лет наука указала ему на тесную связь, существующую между всеми явлениями природы, влияние их на него и дала знать ему в его очередь меру его влияния на природу¹³. С этих пор только человечество перестало во всем в природе видеть для себя присутствие враждебных ему сил, элементов, сговорившихся разрушить его брэнное существование, но стало видеть силы благодатные, готовые служить покорно, подчинясь велению его произвола, и избавить его от нужды в труде удручительном. Это было совершено XVIII веком, и вместе с тем задан на разрешение последующим векам следующий вопрос: «Поставить человека в правильное отношение: 1) к самому себе, 2) к обществу (другим людям), 3) к целому человечеству и 4) к природе»¹⁴. Нашему веку, как ближайшему, и следует приняться за разрешение этого вопроса. Социализм и есть попытка его разрешить. (По мнению моему, фаланстер Фурье, т. е. организация работ в общине, и вполне разрешает этот вопрос.) Поэтому, как вы усмотреть можете, социализм

* * *

* По Фурье, в фаланстере: 1. Человек делается человеком воспитанием, именно гармоническим развитием его способностей. 2. Тесная связь интересов приводит всякого ко всем в правильное отношение.

вообще не есть прихотливая выдумка нескольких причудливых голов, но результат развития всего человечества: это догмат христианской любви, ищущий своего практического осуществления в современной нам действительности... «Nonni soit qui mal y pense»*.

Так поставлен был этот вопрос в сфере философского мышления. Поглядим, как современная нам действительность наводила на разрешение этого вопроса человечество... Этим объяснится и разность социальных учений, и историческая необходимость их проявления.

В состоянии современной промышленности всего отчетливее обнаружилась еще не уничтоженная враждебность отношений, которая была при начале учреждения человеческого общежития. Борьба капиталов противу капиталов, так сказать, пожирание большими капиталами или капиталистами маленьких, принесение личности человека в жертву капиталу — вот что представляет собою настоящая промышленность взорам даже посредственного наблюдателя. Она являет собою анархию совершенную, т. е. применение совершенное начал либерализма¹⁵ и его правила: *laisser faire, laisser aller***.

Благодаря сему существует неправильное распределение произведений, т. е. богатств; мы видим совершенную нищету, отсутствие возможности удовлетворить первым нуждам при совершенном обилии средств к этому. Видим голод при урожае, дороговизну товара при существенной его дешевизне и т. п. *Социализм в современном обществе, вытекающий даже и не из общего философского воззрения, мною выше приведенного, но из простого наблюдения действительности, и есть не что иное, как реакция духа человеческого противу анархического, разрушительного для быта общественного влияния начал либерализма — выше означенных противуестественных явлений в жизни общественной... Социализм требует устранения этих явлений из жизни общественной. Вот почему большинство сочинений*

* * *

3. Все отношения между фаланстериями и вся де[я]тельность человечества — промышленная, мирная, дружеская, а не враждебная. 4. Земля должна быть и будет тогда правильно обработана и возделана.

* «Пусть будет стыдно тому, кто об этом плохо подумает». — *Ред.*

** Не мешайте каждому делать то, что он хочет, предоставьте все естественному ходу вещей. — *Ред.*

социальных и носят на себе названия «Organisation du travail», «Organisation de l'industrie», «Organisation de la production»* и т. п.

Причина, почему *социализм* при всей благодатности своего направления и стремления так много подвергался и подвергается еще поныне в Европе превратным истолкованиям и даже площадным ругательствам и насмешкам, заключается в том главным образом, что *он есть учение* (начало), *прямо противоположное либерализму*, и то, что, восставая противу тех злоупотреблений, тех законами дозволяемых по сие время разбоев, которые могут производить в настоящее время в обществе Ротшильды и другие владельцы капиталов в деньгах чрез *скупы* (assaragage), *биржевую игру* (agiotage), он таковые безнравственные действия представляет в настоящем их виде и вредит этим удаче их спекуляций подобного рода. Либералы и банкиры суть властители (феодалы) в настоящее время в 3 [ападной] Европе. Одни господствуют влиянием на мнение общественное, другие же чрез посредство биржи и промышленность по своему произволу распоряжаются явлениями жизни общественной. Нет ни одного волнения народного, от которого при видимой сперва потере не понажился хороший банкир, подобно Ротшильду, от одного уменья выждать время и возможности перенести потерю, для других разорительную, для него — ничтожную¹⁶.

Вот закулисная тайна либералов и банкиров — «Journal des débats», «Constitutionnel», «Presse»**, изъяснение действительной причины гонению, воздвигнутом [у] Thiers et C⁰*** на социалистов, — *его association de la propagande antisocialiste*****, которая для социализма — в чем я не сомневаюсь, да и все социалисты, вероятно, со мною согласны, — принесет более пользы, чем вреда, — его распространит более.

Все *социалисты* или *социальные учения* между собою в одном сходятся, именно они единогласно говорят: «До-

* * *

* «Организация труда», «Организация промышленности», «Организация производства». — *ред.*

** «Журналь де деба», «Конститусьонель», «Пресс». — *Ред.*

*** Тьером и К⁰. — *Ред.*

**** Ассоциация антисоциалистической пропаганды. — *Ред.*

жны же быть какие-либо неправильности в настоящей организации общественной (так говорят они, глядя на окружающую их действительность), ибо естественным потребностям человека нет соответственного удовлетворения; и что следует сделать общественные отношения более правильными». Во всем остальном они расходятся.

Все различие социальных систем проистекает от точки их исхода, от тех явлений жизни общественной, которые их поразили наиболее, от того взгляда, который они получили на причины таковых нерадостных явлений. Такой взгляд определяет и направление, и характер их систем, и способы, предложенные к разрешению общественных вопросов.

Так, например, коммунисты (их множество подразделений) — социалисты по чувству — мы выше об них уже несколько говорили, — горестно пораженные видом нищеты ужасной рядом с чрезмерным богатством, усмотрели в собственности, капитале главный источник всех общественных бедствий и в замене частной собственности общею увидели способ к уничтожению всех зол. Упустив из виду, что бедность не оттого происходит собственно, что есть богатые, а оттого, что в человечестве еще до сих [пор] производится менее ценностей, нежели сколько того общественные потребности требуют; и забыли еще необходимость скопления больших капиталов для изобретений и движения промышленности. Их формула: «à chacun selon ses besoins»*.

Так St. Simon'исты, видя, что множество людей способных и талантливых пропадает, не принося ни себе, ни другим пользы надлежащей, придумали для устранения этого иерархическое распределение людей по способностям их, предоставив право сего распределения главе их. В формулу же себе выбрали выражение: «à chacun selon ses capacités»**. А из их учения сделали нечто, подобное вероучению.

Réformist'ы и прогрессисты — тоже социалисты, но не имеющие определенного учения. Первые считают всякую реформу полезной, как пробуждающей общество от

* * *

* «Каждому по потребностям». — *Ред.*

** «От каждого по способностям». — *Ред.*

апатии, другие же говорят, «что задача общества есть беспрерывно усовершенствоваться, но что определенной формы быта общественного лучшей отыскать нельзя; что человечество, само развиваясь, должно ее самопроизвольно (*d'une manière spontanée*) произвести и в нее влиться». Их должно считать последователями учения Ferguson и Condorcet «*Du progrès indéfini*»*.

Во всех социальных сочинениях, к каким бы они школам ни принадлежали, находится весьма много предложений или мер прекрасных, удобоприменимых ко всем отраслям как частного хозяйства, так общественного и государственного. Можно положительно сказать, что всякая социальная книга, даже посредственная, если только не Селифаном Гоголя будет читаться¹⁷, может навести на множество полезных промышленных предприятий, весьма выгодных и для предпринимателя и для общества, часто не требующих значительных капиталов.

В защиту гг. социалистам против обвинений могут служить те же законы, на которые я ссыл [ал] ся в объяснении системы Фурье,— именно законы о собственности, относящиеся до прав состояний¹⁸, и, сверх того, законы, относящиеся до прав на обязательства в разных видах, как, напр., договор товарищества, круговой поруки и т. д.

Еще считаю долгом отстранить от социалистов обвинение, неправильно на них делаемое, что будто они произвели последнюю французскую революцию. Нет, произвела ее политика худая Louis Phillippe**, шедшая наперекор общественным потребностям, упорство Guizot*** против *réforme électorale*****, неуважение требования *de la petite bourgeoisie****** партии Odillon Barrot*****. Движением воспользовались *les républicains purs******. Louis Phillippe пал от общего к нему равнодушия. В будущей законодательной палате через 3 или 4 года от сего социалистов партия будет сильна. Еще ни один настоящий социалист в управлении не был.

Движение же национальностей произведено либера-

* * *

* Фергюсон и Кондорсе. «О бесконечном прогрессе». — *Ред.*

** Луи-Филиппа. — *Ред.*

*** Гизо. — *Ред.*

**** Избирательной реформы. — *Ред.*

***** Мелкой буржуазии. — *Ред.*

***** Одиллона Барро. — *Ред.*

***** Чистые республиканцы. — *Ред.*

лизмом, ибо социализм есть доктрина космополитическая, стоящая выше национальностей: для социалиста различие народностей исчезает, есть только люди. Движение национальностей естественно сосредоточиться вредно успеху социализма, как отвлекающие жизненные силы общества от предметов, могущих увеличить массу общественного благосостояния, и заставляющее прибегать к войне — оружию¹⁹.

Вот в главных чертах изображение того, что есть социализм и новейшего времени *социальные стремления*. Вы из предшествовавшего могли усмотреть, что это есть живая, творческая сила общества, гений усовершенствований, догмат христианства, внедряющийся в жизнь практическую, что, чем выше и совершеннее общественное развитие, тем более предметов *общего пользования, общего владения* (коммунистических учреждений) или тем дешевле пользование ими *складчиной* (par association, как, например, плата за места в театре). Бросьте ваши взоры на храмы божьи, где всякий бесплатно молится, гульбища, комнаты приюта, монастыри, казармы, публичные заведения для воспитания и т. д. — везде, где только есть какое-либо удобство, доступное многим, вы найдете дух социализма. Взгляните на ваши деревни, на вашего мужика, при всей нерадивости не дошедшего до той нищеты, которая бы его лени соответствовала; ищите причину — вы найдете, что передел полей — общее пользование землею — и есть этому причина²⁰.

Если мне удалось это разъяснить вполне, то льщу себя надеждой, что скажете тем, кто будет впредь нападать на социализм, что поступать так — значит нападать на все то, что есть живого и живучего в обществе, разрывать связи общественные, лишать всякого права на доброе дело, вводить мертвящий эгоизм в общество и в нем водворять тишину могилы и безмолвие кладбища!!! Скажите ему, что прошедшее невозвратимо, что ныне никого, даже киргиза, кочующего по широкой степи Барабинской, не прельщает доблесть Святослава — спанье в болоте на потном войлоке и питье вина пополам с кровью из черепа еще теплого неприятеля!.. что закон природы неизменен... Пагубна кичливая гордость быть фосенгаром в от-*

* Фосенгары — секта в Индии, обожатели богини смерти, убийство считают своим mission на земле.

ношении к целому обществу!.. *«Име[я]й уши да слышит»...*

Что же я делал, писавши о социализме,— я желал представить дело, как оно есть, в истинном свете, старался утвердить торжество истины над предрассудками. Я занимался *пропагандой*. В этом смысле, но не более, я считаю постыдным отречься от своего дела — от *пропагаторства*!.. «Nonni soit qui mal y pense».

Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка.

Выпуск первый

24 декабря 1844 г. в газете «Русский инвалид» сообщалось о предполагаемом издании «Карманного словаря», разъясняющем 4 тыс. слов. Одновременно газета писала о приложении — «Прибавлении» и специальной энциклопедии по истории наук. В апреле 1845 г. в Петербурге вышли в свет 2 тыс. экземпляров книги. На ее обложке сообщалось, что словарь — «не что иное, как краткая энциклопедия искусств и наук или, вернее сказать, краткая энциклопедия понятий, внесенных к нам европейскою образованностью».

Автором и редактором большинства статей первого выпуска был В. Н. Майков и его товарищ по университету Р. Р. Штрандман. Майкову принадлежат статьи словаря «Анализ и синтез», «Авторитет», «Идеализм», «Литература». В составлении словника принимал участие и М. В. Петрашевский, который редактировал, а может быть, и писал статьи политического содержания. Статьи «Анархия», «Аристократия», «Деспотизм», «Конституция», по мнению специалистов, «принадлежат скорее перу Петрашевского, чем Майкова»¹.

Прообразом «Карманного словаря» послужил Энциклопедический словарь П. Леру², в котором пропагандировались идеи утопического социализма. Еще в 1844 г. В. Н. Майков сделал попытку внести «дух Леру» в готовящийся словарь Края. Петрашевский разделял ориентацию Майкова. Позднее агент доносил о «Карманном словаре», что «эта книга была сочинена им (Петрашевским.— Ф. Н.) и двумя другими лицами, которых он, впрочем, не упоминал, под главною его с а м о г о редакциею»³.

В то время «Карманный словарь» был явлением исключительным. Для борьбы с цензурными преградами авторы словаря чаще всего обращались к истории. Так, симпатии к республиканским формам правления на Западе, выраженные в статьях «Авторитет», «Академический», «Индальгенция», «Инквизиция», «Конституция», воспринимались как осуждение русского царизма, а обличение инквизиции в средние века звучало как критика русского законодательства, предусматривающего суровые наказания за «богохульство».

Словарь был рассчитан на чтение статей по специально подобранным группам слов — гнездам, в результате чего давалось цельное

* * *

¹ Первые русские социалисты, с. 14.

² Encyclopedie nouvelle ou dictionnaire, philosophique, scientifique, litteraire et industriel offrant de tableau des connaissances. Paris, 1835 — 1838.

Новая энциклопедия, или философский, научный, литературный и промышленный словарь, предлагающий общую картину познания.— *Ред.*

³ Дело петрашевцев, т. III, с. 378.

представление по актуальным проблемам современности, обличались самодержавие, крепостное право, обосновывались материалистическое мировоззрение, атеизм, революционно-демократические и социалистические идеи. Немало было статей по анализу и критике религии.

АБСОЛЮТИЗМ. Слово, происходящее от латинского *absolutus* — безусловный, неограниченный, совершенный. Употребляется в различных науках и в разных значениях, всегда, однакож, более или менее удерживая силу своего настоящего значения. Так, напр., в философии абсолютизмом называют стремление к вечному и бесконечному, т. е. не подлежащему условиям времени и пространства. В политике оно употребляется для означения совершенно неограниченной монархии.

АВТОРИТЕТ. Сила мнения, которое принимается без проверки, без рассуждения, без критики. Такая доверенность бывает заслуженная и незаслуженная, а потому и авторитет может быть справедливым и несправедливым. Но так как очень часто приобретает он самым незаслуженным образом, то нельзя не приписать ему значительной части заблуждений, господствующих в человечестве. Многие умы способны доходить до заключений собственными силами; немногие имеют столько отваги, чтобы подвергнуть беспристрастному разбору то, что считается непреложным и однажды навсегда доказанным; немногие, наконец, решатся сносить гонения за свое беспристрастие от тех, которые привыкли жить наследственными и современными предрассудками, а не личными убеждениями. Такие *смельчаки*, или *высочки* (так большею частию величают современники всякого человека, решающегося размышлять по-своему, а не по чужой указке), составляют эпохи в истории успехов человечества. Так, напр., XVII век замечателен появлением таких гениев, пробудивших в целом человечестве свободное размышление, усыпленное в средние века религиозным изуверством (фанатизмом) и младенческою робостью. До сего времени приговоры пап и мнения древних греческих и латинских писателей составляли все содержание науки; никому не приходило в голову, чтобы Аристотель или латинская церковь могли в чем-нибудь заблуждаться. Немногие мыслители, усомнившиеся в некоторых мнениях, утвержденных этим *авторитетом*,

погибли на кострах. Декарт (род. во Франции 1596) первый стал проповедовать святость личного убеждения и указал человечеству средство сбросить с себя оковы наследственных заблуждений. Он первый доказал, что, приступая к изучению какого-нибудь предмета, надо вообразить, что мы решительно ни в чем не уверены предварительно и до тех пор не будем знать об нем, пока не убедимся в основных положениях и дальнейших выводах собственным своим умом. Это учение открыло человечеству новый мир и как бы заставило его прозреть. Множество умов устремилось по пути, указанному Декартом¹, и Европа дошла до того развития, которое так резко отличает историю последних столетий от истории средних веков. Впрочем, говоря таким образом, мы очень далеки от мысли, будто бы в наше время авторитет был бы совершенно низвергнут. Можно даже наверное сказать, что, при слабости человеческой природы, царство его никогда не будет разрушено окончательно. Три рода авторитета, кажется, никогда не исчезнут в человечестве: мнения *наследственные, современные и академические*. Ничего нет легче, как отказаться, вследствие давления размышлений, от понятия, до которого дошел собственными силами, не совестно, не страшно разрушить то, что создал сам и что потеряло цену в собственных глазах творца. Но отказаться от понятий, полученных от предков и от современников, необыкновенно трудно²: нам все кажется, что в таком своеволии мысли выражается неуважение к тем лицам, которые привили к нам эти понятия. Нам трудно уверить себя, что можно уважать человека и не соглашаться с его идеями; мы забываем, что убеждения человека и целого общества необходимо изменяются в течение жизни и что потому самому, уважая человека и общество, нет никакой нужды принимать все без всякого обсуждения, без всякой критики того, что необходимо изменится само собою. Есть еще авторитет *академический*, авторитет людей, признанных *жрецами науки*, публичных преподавателей, наставников целого поколения³. Само собою разумеется, что этот авторитет всех сильнее и что к нему всего более должно отнести сказанное об авторитете вообще.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ⁴. Это прилагательное [...] носит на себе отпечаток касты [...] людей, признанных поборниками, хранителями и распространителями наук и искус-

ства. Главный характер всего академического есть отделение наук от общего круговорота жизни, изъятие сих деятельностей человеческого духа от общей человеческой деятельности. Посвятив себя исключительно служению истине или изяществу, сосредоточив все свои мысли, чувства и желания на этом священнодействии, люди создают себе особенный мир, особенную жизнь и забывают, что истина и изящество не отвлеченные идеи, что они тесно слиты с действительностью, с *жизнью*, что само понятие о их существовании получает человек не иначе как посредством действительных явлений, в которых они выражаются [...]. Из этого ясно, что наука и искусство находятся в самом близком соотношении с жизнью, с действительностью. Человек, не знакомый с нею, отшельник, незнающий, что делается в мире, не может быть ни ученым, ни художником [...]. Вот что упускают из виду люди, составляющие общества для хранения и распространения наук и искусств [...]. В наше время понятия о науке и искусстве перестают быть отвлеченными, и самые академии начинают наконец проникаться сочувствием к жизни.

АНАЛИЗ И СИНТЕЗ⁵. Так называют два единственно возможные способа человеческого познания, две способности, служащие ему основой. История анализа и синтеза есть история человеческого познания, история наук, история понятий, история образованности. Поэтому мы сочли нужным развить этот предмет с некоторою подробностью.

Встретив какой-нибудь новый для нас предмет и желая ознакомиться с ним, *познать* его, мы достигаем этой цели не иначе как, во-первых, изучением его частей, во-вторых, познанием отношений этих частей между собою, в-третьих, определением отношений сего нового для нас предмета к другим, уже известным. Так, напр., найдя новое животное и желая изучить его, мы необходимо начнем с того, что рассмотрим все его составные части; потом постараемся составить себе понятие о целом, которое они составляют; наконец, постараемся определить, к какому из известных нам разрядов ближе всего подходит это новооткрытое животное.

Во всех этих приемах нашего ума цель достигается посредством двух способностей: 1) способностью мысленно различать познаваемый предмет на его составные части;

2) способностью мысленно соединять эти части в одно целое. Первая способность (и прием) ума называется *анализом*; вторая способность (и прием) называется *синтезом*. Без анализа мы вечно бродили бы в каком-то туманном представлении всего существующего, не отличая одного предмета от другого, как новорожденные младенцы; а без синтеза, при одном анализе, мы не были бы в состоянии понимать связи между бесконечным множеством явлений и предметов; ни один из них не представлялся бы нам как нечто целое, составляющее часть другого целого; во всем видели бы мы отдельные части, состоящие из других частей, и т. д. При отсутствии анализа мы не отличали бы человека от животного, животного от растения, растения от минерала и т. д. При отсутствии же синтеза вместо человека нам представлялись бы руки, ноги, голова, грудь и проч.; вместо растения — листья, стволы, ветви, корни. Напротив того, с помощью того или другого мы можем равно познавать и целое, и части.

Очевидно, что в науке, как в совершеннейшей форме человеческого познания, эти два способа, эти две деятельности ума должны находиться в самой тесной неразрывности для того, чтобы наука служила нам зеркалом существующего, изъяснением тайн его. Но история показывает нам, что в этом отношении человечество почти всегда шло ложным путем. Ум человеческий то, коснея в тумане синтеза, старался объяснить себе все тайны жизни одним каким-нибудь началом, то утопал в бездонном море анализа, изучая частные явления и отказываясь от постижения связи, существующей между частями мира.

До XVII столетия в науке преобладал синтез, вследствие чего она оставалась чем-то бесплодным и мечтательным. Основанием каждой науки служило какое-нибудь отвлеченное понятие, какое-нибудь ничем не доказанное, ни из чего не выведенное положение, которым объяснялись все явления, относящиеся к этой науке: никто не думал изучать самих этих явлений в их отдельности и от частного познания переходить к общему. Против такого ложного направления восстал английский философ *Бэкон (Bacon)*. Он доказал, что первым шагом к познанию должно служить опытное изучение частей познаваемого предмета. В самом деле, всякий знает по опыту, что, знакомясь с предметом, мы необходимо начнем с того, что рассмотрим состав его. Но, приступая к усвоению науки, мы забываем,

что в образовании ее мы должны руководствоваться теми же способами, как и в обыкновенном, ежедневном, обиходном познании. Ум наш не может измениться в силах и деятельности от того, что мы устремляем его на тот или на другой предмет. Поэтому-то, встретив, напр., в путешествии какое-нибудь растение, какого я до того времени никогда не встречал, и желая познакомиться с ним, я необходимо должен рассмотреть, какой у него ствол, какие листья, ветви, корни и проч.; то почему же бы мог я поступить иначе, принимаясь за изучение растительной физиологии, науки о законах растительной жизни? Не должен ли я в этом случае, так же как и в первом, ознакомиться прежде всего порознь со всеми явлениями, которые в сложности своей составляют *процесс растительной жизни*? Я изучу развитие зародыша в семени, изучу питание растения корнями и листьями, образование всех частей его, оплодотворение и тогда только получу понятие о жизни растения как о целом, состоящем из множества частей, имеющих между собою живую связь. Так и поступают *аналитики*. Но синтетика думают иначе. Они начинают с того, чем бы надо было кончить: без всякого опытного знакомства с частями предмета они произвольно, наугад составят себе общее понятие о целом, которое изучают, напр., о растительной жизни, и стараются объяснить себе этим призраком все явления, встречающиеся в процессе образования растения.

Со времени Бэка аналитики не перестают спорить с синтетиками. В течение половины прошедшего столетия и в течение всего настоящего анализ взял верх над синтезом. Но торжество его до сих пор более в науке, чем в действительной жизни: синтез так долго господствовал в человечестве, что большая часть понятий, составляющих наши наследственные убеждения и руководствующих нас в жизни, суть не что иное, как синтетические (априористические) идеи, укорененные в наших умах тысячелетиями⁶. Уничтожить эти призраки, освободиться от предрассудков, провести все, что составляет жизнь, сквозь спасительное горнило основательного размышления — вот задача, которую предложила себе современная цивилизация [...]. Противники успехов (прогресса) жалуются, что, анализируя жизнь, разбирая все явления, из которых она складывается, мы лишаем себя возможности ею *наслаждаться*, разрушаем множество пленительных обманов, словом, делаем себя

несчастливыми. Анализу приписывается современное *разочарование*, которым так колят глаза новым поколениям. Нельзя не сознаться, что, предавшись анализу, мы действительно не можем наслаждаться тем, что находим недостойным человека. Но в стремлениях к истине и к добру не должна ли поддерживать нас надежда на осуществление заветных наших мыслей?⁷ Кроме того, анализ не может переделать человеческой природы: никакая сила ума не уничтожит в человеке его *потребностей*, которых удовлетворение составляет жизнь и наслаждение. Так, напр., говорят, что анализ должен убить любовь и дружбу. Это неправда: он может разрушить разные нелепые понятия об этих чувствах, а убить самые эти чувства он *не в силах*. Притом вся неприятность разочарования (если кому-нибудь действительно неприятно расстаться с понятиями, которые он нашел нелепыми) падает на то поколение, которое испытывает его на себе. Следующему же поколению уже не приходится пить ту же горькую чашу; оно уже застаёт новые понятия, которые препятствуют ему очароваться и разочароваться в том, что служило предметом очарования и разочарования предыдущего поколения. Наконец, если б это разочарование и было так страшно, как его изображают, то спрашивается: неужели не стоит нести этот крест за все, что анализ сделал для человечества? Не он ли привел нас к изучению общества, к познанию его ран и болезней и изысканию средств их излечения? Синтетик равнодушно смотрит на такие явления; он даже редко замечает их; нищета, голод, разврат, невежество — все это такие явления, которые он спешит объяснить каким-нибудь мировым законом гармонии, какою-нибудь блестящею теорией необходимости зла⁸, а потому никто и не вздумает заняться их устранением.

Впрочем, при всей своей необходимости анализ есть все-таки односторонность. Мы сказали в самом начале, что он не может быть единственным способом человеческого познания, что сие последнее образуется из тесного соединения его с синтезом. Каждый предмет, доступный познанию нашему, состоит из частей и в то же время, в свою очередь, есть часть какого-нибудь высшего целого. Человек есть часть общества; общество — часть человечества; человечество — часть органической природы, часть живого населения земли; самая земля — часть солнечной системы и т. д. Потому и познание каждого предмета объемлет

собой познание частей и познание целого. Первое достигается анализом, второе — синтезом. Тем не менее, однако ж, непровержимо то, что начальное познание должно быть аналитическое. Посему, если смотреть на современную науку как на начальную деятельность ума, решившегося беспристрастно пересмотреть и переделать все, что до сих пор было им сделано, то нельзя не согласиться, что человечество решилось идти к истине самым прямым и естественным путем.

АСТРОЛОГИЯ. Искусство предсказывать будущее и определять судьбу человека по положению небесных светил. Начало свое получило это мечтательное учение в глубокой древности, вероятно в Вавилоне, Халдее или Египте. Особенно была в уважении астрология в средние века: даже великие люди того времени (напр., Валленштейн) часто прибегали к пособию астрологов (звездочетов). Она потеряла свою силу только в новейшее время, с распространением истинного просвещения.

АТОМИСТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА⁹. Так называется общепринятая гипотеза, которою в наше время объясняют состав материи. Учение ее следующее: материя вообще состоит из бесконечного множества бесконечно малых частиц, отстоящих друг от друга на некотором отдалении; кроме того, каждая частица состоит из отдельных частей, называемых *атомами*, которые держатся на весьма малом расстоянии друг от друга посредством притягивающей и отталкивающей силы;— точно так же взаимно держатся и самые частицы. Во всяком теле, при естественном его состоянии, притягательная и отталкивающая силы взаимно уравниваются, но если какая-нибудь внешняя сила станет действовать на тело, то произойдет изменение во взаимных расстояниях частиц; эти расстояния или уменьшаются, или увеличиваются, смотря по тому, будет ли действующая на тело внешняя сила стягивающая или растягивающая. Однако как бы ни была велика сжимающая внешняя сила, ни частицы, ни атомы не могут прийти к соприкосновению друг с другом, ибо по мере увеличения сжимающей силы быстро увеличивается в частицах сила отталкивания.

Отталкивающие и притягивающие силы увеличиваются с уменьшением расстояний между частицами или

атомами; но отталкивающие быстрее притягательных, на чувствительном же расстоянии как те, так и другие увеличиваются обратно пропорционально квадратам расстояний.

При сотрясении частиц и атомов происходят различные явления: так, сотрясения *одних частиц* производят *звук*, от сотрясения же *частиц и атомов* в одно время происходит *свет и теплота*. Сотрясения частиц передаются же нашими чувствами посредством атмосферного воздуха, а сотрясения атомистические посредством так называемого *эфира*, который состоит только из одних атомов.

Атомистическая система, как удобнейшая из всех существующих гипотез о составе материи, принята всеми учеными.

ВАМПИР¹⁰ [...]. Мертвец, который, по мнению простого народа, встает ночью из гроба, нападает на человека и сосет его кровь. Поэтому Бюффон и Линней дали это название некоторым породам плотоядных нетопырей или летучих мышей.

ВЕДА¹¹. Священный закон индов и древнейшее произведение санскритской литературы. Религиозное предание говорит, что эти книги были порождены Брамой и благоговение к ним народа до сих пор беспредельно [...], но еще до сих пор они по чрезвычайной трудности текста не переведены. Содержание вед объемлет сведения по всем отраслям наук, и вообще можно полагать, что эти законы почерпнуты из какого-нибудь древнейшего, неизвестного источника.

ВЕРТУМНАЛИИ. Празднества, отправлявшиеся в древние времена Рима в честь Вертумна, божества осени и покровителя садов. Так как этот бог, по римской мифологии, принимал на себя различные виды, то и название его происходит от глагола *vertele* — *превращать, изменять*. Это празднество отправлялось в октябре месяце, как в пору собирания плодов.

ВИКАРИЙ. В Римской империи был наместник, которого император посылал в провинции, которые, не управлялись губернаторами. Ныне *викарии* суть собственно те, которые помогают епископам и священникам в отправле-

нии их обязанностей. Папы в IX веке приняли титул *викариев св. Петра*, и первый украсился им Бенедикт III в 856 году; ему подражали некоторые из его преемников. Под конец XII столетия, когда этот титул был дан многим епископам, папы оставили его и приняли в XIII веке название *викариев* (наместников) Иисуса Христа.

ВИКТОРИАЛЬНЫЕ ДНИ¹². Дни, в которые по установлению Петра Великого ежегодно празднуются церковью победы, одержанные русскими войсками, как, напр., 27 июня — в память Полтавской баталии, 25 декабря — изгнания французов; также можно причислить сюда Дмитриевскую субботу (16 — 26 октября), в воспоминание Куликовской битвы.

ВУЛЬГАТА. Так называют латинский перевод Библии, который был одобрен и принят Трентским собором¹³. Он был сделан с исправлений, которые святой Иероним внес в старинную вульгату Ветхого завета, переведенную слово в слово с греческого семидесяти толковников и известную под названием *старого перевода*. Трентская вульгата есть тот перевод, который употребляют в католической церкви, с некоторыми незначительными изменениями.

ГНОСТИКА. Учение особенной религиозной секты II века по Р. Х. [...] Гностики не признавали, между прочим, воскресения мертвых, отвергали воплощение Христа, которое считали только кажущимся, и проч. Впрочем, эта секта отличалась строгостью правил и ученостью¹⁴.

ДЕИСМ. Учение, признающее одного истинного бога, сотворившего небо и землю, но отрицавшее все предания и откровение, неприкосновенность и святость закона божия. По их мнению, везде сущность и всемогущество божие познается только из видимых явлений природы. Тут естествознание почти равняется богопознанию¹⁵.

ДЕКАН¹⁶. В старину в Западной церкви был достоинством старшего в собрании духовных особ одинакового достоинства. В России звание декана существует только в университетах, где каждый факультет избирает из среды профессоров достойнейшего по их выбору [...].

ДЕМОКРАТИЯ¹⁷. Такая система управления государством, где каждый гражданин участвует в рассмотрении и решении дел всей нации. Формы такого правления могут быть различны, смотря по степени развития нравственных сил в народе и сознании истинной, разумной свободы. Чистую демократию представляют нам в древности Афины, в известном периоде, а в настоящее время Северо-Американские Штаты, некоторые Швейцарские кантоны и республики в Южной Америке, образовавшиеся в прежних испанских колониях.

ДЕМОКРАТ. Всякий гражданин того государства, где существует демократическое [...] правление. Также под этим словом разумеют вообще приверженца демократии; наконец, человек, стяжавший популярность в народе и горячо отстаивающий его права, называется демократом. Злостный демократ, который приобрел власть над умами своих сограждан, но руководящийся в своих действиях внушением личных интересов, называется *демагогом* [...].

ДЕМОНОЛОГИЯ. Учение о духах у народов, фантазия которых изобретала поэтические существа, приписывая им высшую силу и могущество. Вообще у всех древних народов существа эти разделялись на добрые и злые. Все вообще духи, которых почитали древние, назывались демонами, но по распространении христианства демонами называли только злых духов, под которыми разумелись все языческие духи.

ДЕРВИШИ. Так называется вообще всякий мусульманский отшельник или монах, к какому бы монастырю или ордену ни принадлежал. Все дервиши в большом уважении у мусульман, которые почитают их за строгую и благочестивую, по их понятиям, жизнь, как людей боговдохновенных, и потому дервиш необходимо находится при болезни и смерти мусульманина, благословляет его при начинании всякого дела: при отправлении в путь, на войну и т. п. За это он получает большие деньги и тем содержится. Вообще дервиши весьма хорошо пользуются отношением к ним и суеверием мусульман; заклинания, благословения и предсказания будущего они употребляют с большою для себя пользою [...].

ДЕСПОТИЗМ¹⁸. Правление, в коем безмерная власть государя переходит вся к тем, кого он ею облакает, а эти правители, не имея никаких правил, действуют согласно собственным прихотям, содержат народ в постоянном страхе казнями. В этом правлении нет суда и расправы. Повелителю вздумалось, повеление дано и — дело кончено!

ДОМИНИКАНСКИЙ ОРДЕН. Монашеский орден, учрежденный в 1216 году св. Домиником де Гузман, испанским дворянином, который был родом из Старой Кастилии (род. 1170). Первоначальная цель сего учреждения была уничтожение ереси альбигойцев. Действия его не всегда были согласованы с духом человеколюбия, хотя они вполне соответствовали видам Римского двора. С тех пор власть ордена стала возрастать; члены его заседали во всех инквизиционных судах, и от святого основателя до свирепого Торквемады и от этого первого великого инквизитора до нашего времени орден Доминиканский имеет исключительное право зажигать костры в честь милосердного и правосудного бога. Любопытно, что доминиканцев называли также *якобинцами* [...], потому что первоначальное их жительство в Париже было на улице св. Иакова [...]. Всем известна вражда, разделявшая последователей св. Франциска [...] и св. Доминика¹⁹.

ДРУИДЫ. Жрецы и философы германцев, британцев и галлов. Их законы не были писанные, они знали письмена греческие, сохранившиеся у них по преданию. Ученые нашли, что друиды имели свою иерархию, в которой особенно были замечательны *друиды*, *ейбаги* и *барды*, т. е. жрецы, гадалки и поэты. Служения свои они совершали в дубовых рощах, что ясно показывает, что имя происхождения друидов имеет началом древнее поклонение дубу, как божеству.

ЕГОВА. Еврейское слово, означающее высшее существо, *бога Израилева*. Вместе с Ветхим заветом оно было внесено в славянский язык и теперь употребляется у нас в богословских сочинениях или в поэтических произведениях духовного содержания: псалмах, гимнах, одах и т. п.

ЕЖДИРА или **ЕГИРА**. Мусульманская вера [...], состоящая в бегстве Магомета из Мекки в Медину в 611 году по Рождестве Христове. Событие это столь важно для магометан потому, что оно решило судьбу их религии; в Мекке ожидала Магомета смерть от жестокого преследователя Абу-Софиана, в Медине — слава. Жители этого города, грубые язычники, уже прельщенные поэтическим учением Магомета, ожидали его с нетерпением и, услышав его учение от него самого, признали его пророком. Здесь магометанство получило твердый оплот; отсюда оно с непостижимой быстротою распространилось сперва по Аравии, потом по Малой Азии.

ЖАНСЕНИЗМ. Ложное учение Ипрского епископа Корнелия Янсена (Cornelius Jansen ou Jansenius évêque d'Ipres), основанное на превратном толковании книг св. Августина и зараженное явным фатализмом [...]. Жансенисты не допускали в человеке *свободного произвола* (de libre arbitre), которого он будто бы лишился после грехопадения и с тех пор стал подчинен двум влечениям: или чисто духовному, которое делает человека добродетельным, или плотскому, которое состоит из удовлетворения грубых вожделений. Если последнее пересиливает первое, то неминуемо должно последовать зло, между тем как под влиянием первого в человеке господствует добро и благодать. Вся система жансенистов выражается в формуле, буквально переведенной из его книги: *мы необходимо делаем то, что нам наиболее нравится*. Его сочинение «Augustinus»*, запрещенное папой Урбаном VIII в 1641 году, увлекло, однако, многих, и борьба приверженцев жансенизма с Римским двором продолжалась и в XVIII столетии.

ИДЕАЛИЗМ. Система философии, подчиняющая внешний мир, природу, господству внутреннего духа и основанная не на наблюдении явлений, а на их идеях, врожденных в человеческий ум²⁰. Это учение совершенно противуположно материализму [...].

Идеализмом также называют особенное расположение человека к сверхчувственному²¹, умозрительному взгляду на вещи, не подчиняющемуся условиям обыкновенного опытного знания. В искусствах идеализмом назы-

* * *

* «Августин». — Ред.

вают недостаток изящной формы, когда сия последняя принесена в жертву беспредельной мысли.

ИДЕЯ²². Так называется признак, общий многим предметам. Например, чувство можно назвать главной идеей животного царства, ибо оно встречается у всех животных без исключения. Ум человеческий одарен способностью соединять в одно целое один и тот же признак, разбросанный по разнообразным предметам. Эта способность называется *синтезом*, обобщением или отвлечением. Чем больше обобщены в уме нашем признаваемые им явления (факты), тем выше наши идеи. Выражение *возвыситься до идеи*, значит познать нечто общее в предметах, которые, несмотря на это сходство, различны между собой. Так, напр., изучая животных, можно ограничиться изучением различных пород поросят. Но тогда мы не будем в состоянии отдать себе отчет в том, что такое животное вообще, в противоположность растениям и минералам. Для того, чтобы *возвыситься до этой идеи*, надо сравнить все породы животных между собою и отделить общие признаки от частных. Совокупность этих признаков и составит идею животного. Точно так же, напр., идея добра есть то, что сходно во всех поступках, называемых добрыми; идея прекрасного есть то, что составляет неизменный характер всех явлений, называемых прекрасными.

Но, кроме того, идеями называются также все вообще мысли, мнения, даже планы отдельного человека [...].

ИМАМ. Высшая духовная особа у мухаммедан, что-то вроде святителя у правоверных. Арабский халиф, как наместник пророка Мухаммеда, вместе с светскою властью *государя правоверных* имел и духовную — *верховного имама* — титул, ему одному принадлежавшее. Ныне его присвоил себе Турецкий султан, глава и покровитель правоверных суннитов. Для суннитов священна одна память — память Мухаммеда; свят один закон — закон его Ал-корана. Между тем как шииты кроме этого чтут память двенадцати *святых имамов*, во главе которых стоит Али, зять Мухаммеда, муж его дочери Фатимы. Это почитание Али и святых имамов составляет раскол шиитский [...].

ИНДУЛЬГЕНЦИЯ. Первоначально это слово означало отпущение грехов еще при жизни грешника, что, по

тогдашним понятиям, спасало его от временных мук в чистилище. Право давать индульгенции римское духовенство основывало на словах самого Иисуса Христа: «Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Матф., 18: 18). Уже в III веке началась борьба против индульгенций, что заставило усилить строгость церковных законов. Некоторые соборы и многие святые одобряли и поощряли индульгенции. Во времена гонений мученики, святители, находясь в заточении или в ссылке, испрашивали индульгенции кающимся, и церковь никогда им не отказывала в этом. Добродетели святых возмещали таким образом проступки грешников. Епископы нередко ходатайствовали о пощаде преступников у светских властей, а те, в свою очередь, часто получали у церковного начальства индульгенции грешникам. По водворении христианства этот обычай продолжался; индульгенция утратила свое первоначальное значение и получила вполне смысл безусловного отпущения грехов. Во времена крестовых походов мы встречаем отпущение грехов всем тем, которые пойдут в Палестину; таким образом, индульгенция в этом случае была заменю жалованья ратникам. Далее, они оставались в той же силе при Урбане VI, Александре VI и Юлии II. Их раздавали при политических видах и просто из корысти²³. Всем известно, что явная продажа индульгенций послужила толчком к Реформации²⁴; но ошибочно думают, будто бы именно это обстоятельство было причиной распада церкви, оно было только вопиющим, ближайшим к тому предлогом, и подобных можно было найти множество.

ИНКВИЗИЦИЯ²⁵. Религиозное учреждение, имевшее целью преследование и искоренение ереси и раскола в недрах римско-католической церкви. Начало инквизиции относится к XIII столетию, а именно, папа Иннокентий III положил ей основание во Франции, в царствование Филиппа II, для наказания непокорных альбигойцев²⁶. Учреждение Доминиканского ордена [...] было равным образом направлено и против ереси, и св. Доминик был первым великим инквизитором. Преемник Иннокентия, Гонорий III, при содействии императора Франциска II ввел инквизицию в Италии; Иннокентий IV основал постоянное инквизиционное судилище, и с тех пор власть светского и епископского суда почти совершенно утратила свою силу

и значение. Во Франции могущество инквизиции, видимо, возрастало под покровительством св. Людовика, но со времен Франциска I она совершенно исчезла, между тем как в Италии беспрепятственно держалась до тех пор, пока Французская республика силою оружия не водворила там свободу. Самая свирепая кровавая инквизиция была в Испании: *древняя*, которая в 1232 году была введена в Каталонию и оттуда распространилась по всему полуострову, и *новая*, основанная в 1481 году при Фердинанде и Изабелле. Покаяние обвиненным в ереси налагалось различно — от 5 до 10 лет; упорные еретики, равно как и отступники (*relaps*), гибли на кострах; все подлежали этому суду — цари и подданные, живые и мертвые: если усопший оказывался виновным, то его прах отрывали и сжигали; денежные пени тоже были в употреблении. Каждый город, каждая область имели своих инквизиторов, снабженных вооруженной стражей (алгвазидами) и собиравших доносы. Действия их были до того злостны и неумеренны, что в XV веке они уже не находили себе жертв. *Новая* инквизиция, при Фердинанде, направленная противу жидов, превзошла жестокостью прежнюю и стоила Испании 5 000 000 жителей. В Венеции также была инквизиция, которая мало-помалу получила характер чисто политический и своей неограниченной властью поддерживала олигархию. Самый дож мог попасть в руки этого судилища, которого приговор был или убийство, или ужасная тюрьма — колодцы и пломбы.

ИСЛАМ. Корень этого арабского слова есть глагол *саяма*, означающий *быть спасенным, быть здоровым, благоденствовать*. Отсюда и *саям* — *благоденствие, здоровье, приветствие*, т. е. *желание здравия*. Отсюда же общее всем мусульманам приветствие *саям-алейкум* — *здравие над тобой* (здравствуй). Ислам значит путь к спасению, к благоденствию. Так мусульмане называли исповедуемую им веру мухаммедову, которая, по мнению их, есть единственный путь, ведущий к спасению.

ИЕЗУИТЫ. Религиозный орден, возникший на Западе в XVI столетии, основателем и главою которого был испанский дворянин Игнатий Лайола (род. 1491, ум. 1556). Папа Павел III, известный буллою 1540 года, 27 сентября

Regimini militantes ecclesiae*, разрешил учреждение общества под названием *Общества Иисуса Христа* (Compagnie de Jésus). Собратия единодушно избрали его своим начальником, и он немедленно приступил к составлению правил и статусов. Верховный начальник (le général)** был облечен неограниченной властью; подданные обязаны были ему беспрекословным, слепым повиновением. Главные условия для вступления в общество составляли: здравый смысл, хорошее здоровье и красивая наружность. Ренегаты и еретики, люди бесчестные и слабоумные и др. не могли быть принимаемы. Исключения допускались только на основании высоких добродетелей или большого состояния желавшего вступить в братство. Испытание вновь принятого члена продолжалось два года; тогда только он произносил обет *нищеты, целомудрия и послушания*. Потом начинали его учить филологии, риторике, философии, богословию, церковной истории, св. писанию. Окончив образование и после неоднократных испытаний и искусов он произносил окончательный обет жить и умереть верным своему обществу. Главная идея ордена была утвердить и упрочить за собою неограниченную духовную власть над государствами целого мира. Лойола думал сделать Рим столицей верховного начальника и его ассистентов, а подданных рассыпать по всей Вселенной и учредить между ними постоянные сношения. Более всех государств занимала его Франция, где и действительно его агенты основались в том же (1540) году. С того времени у них началась неукротимая борьба: сначала с парламентом, потом с духовенством, а более всего с университетом. Апогей силы их был временно при Генрихе IV и Людовике XIV, хотя не раз издавались эдикты о изгнании их из Парижа и из Франции. Они основались было и в России, но покойный император Александр удалил их в 1816 году.

Под словом иезуит разумеют также иногда хитрого человека, скрывающего свои происки под личиной набожности, подобно тому, как *фарисеи* [...].

ИЕРЕМИАДА. Это слово имело началом известный «Плач пророка Иеремии»²⁷. В настоящее время так назы-

* * *

* Управление воинствующей церкви.— *Ред.*

** Генерал.— *Ред.*

вают толки о сочинении, до излишества наполненные плачевными возгласами о всеобщем упадке нравственности, забвении бога и т. п., и в такой же мере выражаемые жалобы и наставления людей, вечно сокрушающихся о согрешениях ближнего.

КАБАЛА. Мистическое учение евреев, которое образовалось от столкновения моисеевой теологии с восточным пантеизмом [...] и, должно полагать, со времени Вавилонского плена²⁸. Здесь должно искать начала *положительной кабалы* — ангелологии и демонологии, которая образовалась чрез смесь дуализма (*doctrine de deus principes*) и единобожия Моисея²⁹ [...].

КАБАЛИСТИКА. Мистическое или аллегорическое толкование Ветхого завета, которое передавалось у иудеев в изустных преданиях и, по их мнению, первоначально было открыто Моисею на горе Синае [...].

КАБАЛИСТИЧЕСКИЙ. Основанный на еврейской кабале, получивший от нее свое начало. Кроме того, под этим словом разумеют вообще все таинственное, предполагающее связь с невещественным миром, напр. знаки, слова кабалистические, которым учителя и приверженцы кабалы приписывают сверхъестественную, магическую силу.

КАРМЕЛИТЫ. Монашеский орден, основанный в XII столетии пустынноиком Бертольдом, родом из Калабрии. Местопребыванием сего ордена была гора Кармель в Палестине, на которой, как гласит предание, жил некогда пророк Илия, почему монахи и называли его основателем их ордена. В XIII столетии (1238 — 1244) сарацины принудили их оставить Палестину и переселиться в Европу. Устав их был в то же время значительно смягчен. При дальнейшем своем развитии орден Кармелитов разбился на четыре совершенно самостоятельных братства. Из них общества босоногих, одно в Италии, другое в Испании, соблюдали во всей строгости и суровые правила первоначального устава, усиленного нововведениями — постами, обетами молчания и т. п. Слепое повиновение начальнику и добровольные истязания не существовали ни в одном ордене в такой степени, как у кармелитов. Они имели обители в каждой провинции, и только немногие из

них были подведомственны епископам, все же другие непосредственно управлялись своим главою, или *генералом*. Так как образ жизни кармелитов отвергал всякую общепользную деятельность, то правительство воспретило принятие новых послушников в этот орден, и теперь они удержались только в Испании, Португалии, Сицилии и Америке.

КАРТЕЗИАНИЗМ³⁰. Под этим словом разумеют учение французского философа Декарта, родившегося в 1596 и умершего в 1650 году. Главная заслуга его состоит в том, что начал рассуждать о предметах, входящих в философию, независимо ни от какого общепринятого мнения. Это же самое вооружило против него католическое духовенство. Но учение Декарта быстро разлилось по Европе, и имя его произносится историей наравне с именами величайших философов [...].

КАРТЕЗИАНСКИЙ ОРДЕН. Основатель сего ордена был святой Бруно, который построил свой первый монастырь в 1084 году. Монахи этого ордена отличаются суровой жизнью и всегдашним молчанием, которое дозволено им прерывать только для пения молитв. Папа Александр III буллою 1170 года принял их под свое покровительство и утвердил правила ордена. Перед французскою революцией картезианских монастырей было до 68. Центр управления и место пребывания приора находится около Гренобля, в тамошнем Картезианском монастыре.

КОНКОРДАТ³¹. Собственно это слово означает условие, заключенное на взаимном согласии договаривающихся сторон. Но в более тесном смысле под ним разумеют договор, заключенный римским первосвященником, как главою церкви, с каким-нибудь светским правительством для утверждения прав церкви и отношений ее к светским властям. Напр., конкордаты ашафенбургские (или правильнее — венские), которые были заключены папой Николаем V и императором Фридрихом III, сначала без ведома императорских чинов [...], но вскоре были признаны сими последними.

КОНСИСТОРИЯ ДУХОВНАЯ³² (в России). Присутственное место, чрез которое под непосредственным на-

чальством епархиального архиерея производится управление и духовный суд в поместном пределе Православной Российской Церкви, именуемом епархией. Консistorия, вместе с епархиальным архиереем, состоит в ведении святейшего синода, яко представительствующего российской церкви собора [...]; от одного синода принимает указы, и, кроме синода и епархиального архиерея, никакое другое правительственное место, или начальство, не может непосредственно входить в ее дела, ни останавливать ее решений и распоряжений во всем том, что принадлежит к кругу действий духовного ведомства. Как по 35 правилу св. Апостол иерархическая власть епископа простирается не далее границ вверенной ему епархии, то и ведомство консистории заключается в тех же границах. Консistorия в исполнении своих распоряжений действует через подведомственные ей места и лица, каковы суть: духовные правления, благочинные, настоятели и настоятельница монастырей и прочие лица, имеющие особые должности. Отношение к консистории мест и должностных лиц епархиального ведомства, обязанности их и круг действий определяются особыми постановлениями. Основания епархиального управления и суда суть: а) закон божий, в свящ. писание переложенный; б) каноны [...] или правила св. Апостола, св. соборов Вселенских и Поместных и св. отец; в) Духовный Регламент [...] и последовавшие за ним высочайшие указы и определения святейшего правит. синода; г) уставы гражданские (Устав духовной консистории. Раздел I, ст. 1 — 6).

КОНСТИТУЦИЯ³³. Слово это в обширном смысле значит государственное устройство, организм государства. В этом значении всякое государство, т. е. всякое общество, признающее над собою какую-нибудь власть, имеет конституцию. В тесном же смысле под конституцией разумеется в виду такой образ правления, в котором верховная власть разделена между монархией и *выборными* от народа. Последние называются *представителями*, или *депутатами* (les représentants, les députés), а потому и самое конституционное правление носит также название *представительного* (gouvernement représentatif). Совокупность депутатов составляет *парламент*. Сей последний обыкновенно разделяется на две палаты — *верхнюю* и *нижнюю*; первая состоит из представителей высшего сословия, арис-

тократии, а последняя — из представителей остальных классов народа. Этот образ правления в западных государствах был следствием сильного развития сословий. Преимущественно же принадлежит он Англии, где развился исторически с XII столетия до нашего времени. Монтескье, знаменитый автор «*Духа законов*» (*Esprit de lois*) пленился им и немало содействовал и тому, что он принят большею частью европейских государств. Защитники его доказывают, что он основан на праве каждого члена общества участвовать в управлении того целого, которого он часть, а на практике это начало неосуществимо в больших государствах; везде необходимость заставляет ограничивать число лиц, имеющих право выбирать депутата от провинции или от сословия. А так как единственная мера (масштаб), которою везде руководствуются, состоит в количестве имущества гражданина, то на практике до сих пор это хваленое правление есть не что иное, как аристократия богатства. Так, напр., если положено, что участие в выборе депутата может принять только тот, кто имеет не менее 400 руб. дохода, то гражданин, получающий дохода 350 руб., уже ничего не значит в политическом смысле. Защитники конституции забывают, что человеческий характер заключается не в *собственности*, а в *личности* и что, признав политическую власть богатых над бедными, они защищают самую страшную деспотию! Двести тысяч богатых, управляющих 33-мя миллионами бедных и нищих — то же самое, что каста афинских или римских граждан, которые утопали в неге и роскоши, попирая личность миллионов людей, формально называвшихся вещами*.

КОРАН. Книга закона Мухаммедова. Это арабское слово, происходя от глагола кара (читать), значит вообще: *чтение, книга*. Частица *ал*, которая часто стоит пред словом коран, есть член определенный, подобный французскому *le* или английскому *the*. Коран разделяется на 30 *джузов* (равных частей) и 112 *сур* (глав). В нем изображены все догматы мухаммеданской веры, все обязанности истинного мухаммеданина. Главнейшие идеи, которые преимущественно развиваются в коране, суть: единобожие; бес-

* * *

* Здесьразумеются рабы.

смертие души; неизбежность предопределения в настоящей жизни, награды или наказания — в будущей; божественность посланничества пророка Мухаммеда; работа его веры. Там же пышные обещания райских наслаждений верным и страшные угрозы нечестивым; упреки иудеям и христианам за то, что они (будто бы) исказили первобытную, данную им от бога веру, для воссоздания и очищения которой послан Мухаммед. При жизни Мухаммеда суры его не составляли одного целого; он писал их в разные годы своей посланнической жизни, часто на известный случай: на победу над врагом, на новый успех проповеди, в похвалу подвижникам, в обличение козней нечестивых. Многие, по уверению хитрого пророка³⁴, писал он со слов ангела, иное ниспослано было ему с неба уже готовое. Вообще коран служит неопровержимым доказательством тому, что Мухаммед превосходно уразумел своих земляков. По смерти его халиф Абубекр собрал разбросанные творения законодателя и таким образом составил книгу закона.

КОРДЕЛЬЕРЫ, или *les frères mineurs**. Монахи, принадлежавшие к Францисканскому ордену [...], который был уничтожен, подобно всем монашеским и религиозным обществам, во время революции 93 года³⁵. Кордельеры носили платья из толстого серого сукна с маленьким капишоном, также шапку и плащ, а на ногах сандалии. Но главным отличием их костюма была веревка (*corde*), которую они употребляли вместо пояса и завязывали в три узла; отсюда и происходит название кордельеров (*cordeliers*), полученное ими во время войны св. Людовика с неверными. Они причислялись к университету и имели титулы докторов, держались мнения Иоанна Скотта³⁶ и потому получили название *скоттистов*. Члены этого ордена достигали иногда высоких духовных должностей, некоторые из них были даже папами.

КОРДЕЛЬЕРЫ³⁷. Общество Якобинцев [...], называвшееся по месту собрания их в Париже, в Францисканском монастыре кордельеров (1792 — 1794), и отличавшееся беспокойным духом своих членов, самых пламенных демократов. В этом клубе сильно действовали Марат и Ан-

* * *

* Младшие братья.— *Ред.*

дре. Таланты Дантона доставляли клубу всеобщее уважение, а Камилл Демулен издавал даже газету под названием «Le Vieux cordelier»*, в которой он, после казни Людовика XVI, преследовал резкими выходками ультрареволюционеров [...] и старался обличить бесчестного Геберта и его сообщников. Но так как он вслед за Дантоном был арестован и казнен, то и общество кордельеров пришло в упадок и даже после закрытия клуба Якобинцев было забыто.

КОРЕЙШ, КОРЕЙШИТЫ³⁸. Древнее аравийское семейство, составлявшее до Мухаммеда тогдашнюю духовную аристократию. Корейшиты, подобно колену Левитову, были блюстителями веры, стражами и покровителями храма Каабы [...]. Когда в этом семействе родился Мухаммед и над ним, как гласит предание, еще в младенчестве стали показываться предвестия будущей великой судьбы, родственники, опасаясь за прочность своего влияния, вознегодовали. Мать Мухаммеда стала жертвою их опасений (она казнена). Со временем корейшиты явились заклятыми врагами Мухаммеда, посягали на жизнь его:— почему он и совершил свое знаменитое бегство из Мекки в Медину, послужившее началу мухаммеданскому исчислению (геджра) [...]. Корейшиты вели продолжительную войну с Мухаммедом, кончившуюся торжеством новой проповеди и уничтожением власти его противников.

КОСМИЧЕСКИЙ³⁹. Это прилагательное значит то же, что «мировой», ибо на греческом языке, с которого оно взято, мир — *космос*. Так, напр., мы говорим *космические законы бытия*, разумея под сим то, что законы эти объемлют не одни земные явления, но и всю вселенную.

КОСМОПОЛИТ⁴⁰. Греческое слово, значащее «гражданин мира». Иногда означает оно человека, равно любящего все народы, все человечество, не имеющего привязанности к одному какому-нибудь государству исключительно; иногда же космополитом называется тот, кто не любит своего отечества, более чем другие государства, потому только, что не имеет сочувствия к человечеству и частям его.

* * *

* «Старый кордельер». — *Ред.*

КРИТИКА⁴¹. Всякая деятельность человека, как частная, так и общественная, все, что он создает на основании своих потребностей и способностей,— все это подчинено известным законам, от которых он не должен уклоняться и потому самому подлежит разбору, суждению, анализу. Этот суд ума над деятельностью и называется критикой. Ясно, что критика ничего не создает, но она пролагает путь созданию. Жить без критики, без обсуждения дел своих и чужих — значит прозябать, подобно растению, *жить очертя голову*, как говорит русский народ. Большая часть человечества живет таким образом, т. е. не рассуждая о том, *как надо жить*. Напротив того, каждый народ, развивающийся, переходящий периоды младенчества, юношества и мужества, непременно имеет в своей истории эпоху *критическую*, время, когда вдруг пробуждается размышление; он одумывается и спрашивает себя: разумны ли были до сих пор его жизнь и деятельность, согласны ли с здоровым смыслом понятия..? Наш век есть век критический, но, наученные примером предков, мы критикуем, анализируем, имея в виду не одно разрушение старого, но и создание нового. Такая критика достойна одобрения.

В тесном смысле под критикой разумеется разбор какого-нибудь произведения искусств или наук, на что, впрочем, нет никакого основания. Еще более ошибаются те, для которых слово *критика* означает то же, что брань, злостное, пристрастное осуждение. Если бы оно действительно имело такой смысл, то нелепо было бы сказать: «добросовестная критика, справедливая критика» и т. п. Повторяем, что критика есть суд над деятельностью, разбор, анализ [...].

ЛАМАИЗМ⁴². Ламская, или далай-ламская, вера, вера Будды. Эта вера, как утверждают, произошла из Индии и имеет сродство с брахманизмом (верую индийцев). Основателем буддизма надо признать *Будду Сякамуни*, хотя последователи этого учения считают его только возобновителем религии, которой они приписывают глубокую древность. Буддизм, называемый буддистами «внутренним учением», основан на двойственном начале духа и материи. Верховное существо есть свободный дух, высочайший разум. Все прочие существа — более или менее свободные духи, задержанные материей, которые все подвержены переселению душ и, смотря по делам каждого,

переходят в более или менее свободных. Вселенная прористекла из страны света или высшей сферы, находящейся над всеми другими, постепенно возвышающимися сферами или небесами. Несмотря на свою отвлеченность и пустоту, это учение значительно распространено в Северной и Средней Азии. В России исповедуют буддизм калмыки и байкальские буряты. Далее, буддистов много и в Восточной Азии — в Китае и Японии; считают всех последователей этой религии до 2 миллионов [...].

Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка.

Выпуск второй

Во втором выпуске «Карманного словаря» М. В. Петрашевский выступил как редактор и автор статей по социологии и политике, В. Н. Майков — автор статей по философии, литературе и мифологии. Статьи М. В. Петрашевского придали второму выпуску политическую остроту и публицистическую направленность.

Еще более тонкими, чем в первом выпуске, были приемы, использовавшиеся для обхода цензуры. Отточия, вставленные в текст, напоминали о цензуре, и это свидетельствовало о том, что не во всех случаях авторам удалось сказать все, что хотелось. Внимание цензора, к примеру, привлекли слова: «В христианском обществе должно быть равенство, потому что религия христианская есть религия братской любви». Он понял их иронический смысл. Несмотря на предостережения, М. В. Петрашевский оставил эту фразу в статьях «Нивеллеры», «Натуральное право», «Неохристианизм» и «Оракул».

В словаре были прокомментированы важнейшие декреты Великой французской революции о правах человека, о передаче церковных и монастырских имуществ в государственную собственность и др. Агент Наумов доносил, что, давая ему читать какую-то статью, Петрашевский замечал, что под Францией надо понимать Россию¹.

Попытки авторов словаря скрыть истинный смысл статей возмутили цензора. В марте 1846 г. он докладывал в Петербургский цензурный комитет о «вредном» направлении статей словаря «против существующего порядка в общественной жизни». На заседании комитета 14 мая 1846 г. его председатель Мусин-Пушкин заявил, что в этой книге «многие мысли и выражения» могут привести к толкам и заключениям «лживым и вредным». Цензору было указано на необходимость более строгого отношения к текстам, а продажу книг распорядились приостановить. Из отпечатанных 2 тыс. экземпляров было продано около 400, остальные были изъяты. В 1849 г. Бутурлинский цензурный комитет, созданный для борьбы с революционными идеями в литературе, объявил словарь «противоречащим» духу правления России. Его не спасло даже специальное посвящение великому князю Михаилу Павловичу. Оба выпуска словаря были конфискованы и позднее сожжены. Но отдельные экземпляры дошли до передовых людей России. Словарь был известен А. И. Герцену, который в «Былом и думах» писал: «Петрашевцы ринулись горячо и смело на деятельность и удивили всю Россию «Словарем иностранных слов»². А. И. Герцен не ошибался. «Карманный словарь», особенно его второй выпуск, принадлежит к лучшим пропагандистским произведениям революционно-демократической литературы конца 40-х годов XIX в., в котором петрашевцы выразили свои революционно-демократические, социалистические, материалистические и атеистические взгляды.

* * *

¹ ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, 1849, ед. хр. 55, ч. 3, л. 13 об.

² Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. X, с. 344.

МАТЕРИАЛИЗМ¹. Материализмом называется, во-первых, такой взгляд на вещи, по которому все *духовное*, сверхчувственное, считается вымыслом, по которому человек есть не что иное, как усовершенствованное животное, не имеющее иной цели, кроме удовлетворения своих телесных потребностей, но отличающееся от прочих животных искусством умножать и утончать эти потребности, предвидеть их и удовлетворять им с расчетом и соображением. Само собою разумеется, что этот взгляд свойствен всякому неразвитому и грубому человеку. Внешний мир, видимая, чувствуемая природа, поражает его прежде всего; он необходимо знакомится с нею, привывает к физическим явлениям и научается даже объяснять их. Многие навек остаются с таким ограниченным взглядом, не подозревая, что кроме явлений, познаваемых телесными чувствами, есть явления духовные, которые не занимают пространства, которых нельзя ни измерить, ни ощупать, которые не поддаются ни зрению, ни слуху, ни обонянию, ни вкусу. Таковы, например, явления нашего воображения, памяти, ума, воли и т. д. Если же кому и случится подумать об этих таинственных, невидимых явлениях, то, желая разгадать их, он не может не объяснить их себе, подобно явлениям видимым, которые ему уже знакомы. Так, например, память представляется ему каким-то вместилищем, в котором расположены в последовательном порядке впечатления и понятия, накопленные им в жизни. По этой же причине люди воображают, что душа должна помещаться в одной какой-нибудь части тела. Но таких людей, неразвитых и грубых, ошибочно называют часто материалистами. Это название, по-настоящему, идет только к таким людям, которые размышляли равно и о материи, и о духе и уверились, что в мире нет ничего, кроме материи. Напротив того, ребенок и дикарь думают так поневоле, потому только, что им еще никогда не приходило в голову, что существует мир духовный. Таких людей не следует называть материалистами, ибо еще бог знает, что из них выйдет — с дитятей, если он возрастет не только телом, но и душою, и с дикарем, если он образуется, т. е. если он не только оденется во фрак и наденет желтые перчатки, а если он действительно перестанет быть скотом. А между тем многие ученые впадают в эту ошибку, называя материализмом младенческий

взгляд на вещи. Так, напр., Кузен, создатель эклектической философии [...], утверждает, что философия во всяком обществе начинается материализмом, что материализм есть необходимо первая философская система, за которой следует *идеализм*, потом *скептицизм*, наконец, *мистицизм* [...]. Но сказать, что в такой-то стране господствует такая-то система, такой-то взгляд на вещи — значит сказать, что люди, держащиеся этой системы, этого взгляда, предпочли его другим взглядам, выбрали его из нескольких. А можно ли это сказать про таких людей, которые по естественному ходу развития не могут еще выбирать между различными взглядами один такой, который бы казался им разумнейшим, про тех, которые сходятся с материалистами единственно потому, что не имеют еще понятия о духе, как о существе, не подлежащем понятиям пространства?

МЕТОДИСТЫ ². Первоначально так называли католических писателей XVII столетия, успешно состязавшихся с протестантами. Впоследствии под этим словом стали разуметь членов религиозной секты Веслея (Wesley) и Витфильда (Whitefield), которая образовалась в первой половине XVIII столетия в Англии, а оттуда перешла в Северную Америку. По смерти Веслея (1791) секта его распалась на основании нескольких спорных богословских вопросов, образовалась секта *новых методистов* и, таким образом, в настоящее время существует три категории методистов: последователи первых двух учителей (Веслея и Витфильда) и отпадшие от Веслея. Число последователей этого учения весьма значительно, тем более что значительная часть их принадлежит к низшему классу народа.

МЕТОД, или **МЕТОДА** ³. Слово это может быть переведено по-русски словом *способ*; преимущественно употребляется оно в смысле способа изложения науки. В этом смысле говорится метод *аналитический*, *синтетический*, *критический*, *скептический*, *исторический*, *догматический* и проч. Напр., если какая-нибудь наука изложена так, что ученый, не развивая собственных понятий о предмете, рассказывает, как понимали его другие в различные времена и в различных государствах и из чего, наконец, вытекло современное об нем понятие, то можно сказать, что эта наука изложена по историческому методу. Напротив того,

если автор, не обращая внимания на исторический ход понятий, которые излагает, выражает об них свое собственное мнение,— это будет метод изложения догматический.

Учение о методах в науке составляет часть логики.

МИСТИФИКАЦИЯ ⁴. Искусство привести суеверного или просто доверчивого человека в заблуждение относительно какого-нибудь предмета или обстоятельства с тем, чтобы воспользоваться его простодушием или просто посмеяться над ним, в чем особенно легко успевают, замешав в речь побольше таинственности, придавая словам и поступкам значение темное и двусмысленное и приводя таким образом слушателя в недоумение и заблуждение насчет действительности.

МИСТИЦИЗМ ⁵. Это слово употребляется в трех значениях. Во-первых, так называется *таинственность* того, что выходит из ряда явлений, допускающих объяснение нашего ума. Так, напр., мистицизм господствует в народных сказках о духах, мертвецах, волшебниках и т. п. Во-вторых, мистицизмом называется также особенное расположение, настроение души к впечатлениям таинственного: можно не принимать его за действительность, отвергать его умом и в то же время иметь склонность упиваться этим обманом воображения, отдыхая в этом упоении от впечатлений мира действительного, понятного нашему уму, не кажущегося нам чудесным, *мистическим*. Наконец, в-третьих, мистицизмом называется целое учение, которого сущность заключается в убеждении в недостаточности обыкновенного пути познания (посредством анализа и синтеза) и в возможности другого, высшего познания, которое открывает нам мир тайны. Мистицизм в этом смысле есть величайшее заблуждение, существующее с незапамятной поры и более всего препятствующее успехам человеческого ума ⁶. Всего неосновательнее в нем то, что, отказываясь от обыкновенного пути разума, мистики хотят, чтобы мы считали в высшей степени разумным то, что создает их воображение, что не основано на опыте, что противоречит всем убеждениям разума. Нельзя не согласиться, что человеческое познание ограничено, как и все человеческое; но как бы ни был слаб наш разум, все-таки мы не можем иметь убеждений, противоречащих его доводам. Мистики сами не

могут внутренне отказаться от этой мысли: чтоб доказать необходимость высшего познания и недостаточность обыкновенной деятельности разума, они сами же должны употребить то средство, которое так презирают: они должны *доказать* нам, что мы заблуждаемся, а чтоб доказать, надо употребить в дело разум, ибо иначе доказательство не может возникнуть. Из этого ясно, что мистицизм есть система нелепая и сама себе противоречащая. Господство же ее как в понятиях одного человека, так и в понятиях целого общества означает или неразвитие разума, или разрушение его. Все дети, так же как и все младенческие народы, в высшей степени склонны к мистицизму, потому что воображение берет у них верх над силою ума. Сюда же относятся и те люди, которые по особенному темпераменту всю жизнь остаются мечтателями. Точно так же, наоборот, к мистицизму часто приводятся люди, истощенные трудом мысли, люди, стремившиеся всю жизнь к познанию того, чего недопознать человеку, люди, убедившиеся в слабости ума, не удовлетворенные тем, что посредством его познали. Вот почему Кузен весьма справедливо называет мистицизм *«отчаянием разума»* (dernier coup de désespoir de la raison). ¶

Мистицизм как система развился на Востоке. Греческие философы, даже положительнейший из них — Аристотель, не могли совершенно освободиться из-под его власти. Полнейшее же свое развитие получил он в Александрии, куда удалилась древняя ученость для того, чтобы противоборствовать христианству. Греческая философия перемешалась здесь с множеством восточных суеверий. Более всего александрийцы следовали Платону и Пифагору, отчего и явились две новые системы — *неоплатонизм* и *неопифагореизм*⁷. Возникли и другие системы, из коих *каббала* и *гностика* перешли в Европу и держались там в продолжение всех средних веков. Быстрое развитие разума в течение четырех последних столетий утомило человечество. Поэтому и в наше время об руку с анализом начинает развиваться мистицизм.

МОДА⁸. Свойство природы человеческой, многообразие ее требований, постоянное их развитие, неподдаемое никакими формами общежития, хотя бы оно было основано на безусловных началах квиетизма⁹ [...], побуждая человека к вечному прогрессу и движению, делает для него

опостылыми издавна установленные формы быта общественного; заставляет его не довольствоваться однажды придуманными способами удовлетворения его потребностей, но заботиться непрестанно об отыскании новых, более соответственных с его природою; заставляет его смотреть с улыбкою презрения на все, освящаемое более стародавним преданием, чем живой, изменчивой потребностью минуты, глядеть на пережитое, как на несвоевременное, негодное, как на стеснительное для свободного развития его деятельности; побуждает его искать всего прекрасного в будущем и ждать всего хорошего в новом. Это стремление к новизне, многообразное выражение жизненного принципа природы человеческой, обнаруживает свое преобразовательное влияние также и в так называемых мелочах общественной жизни (которые, как, напр., одежда, приемы, интонация голоса, более способны к изменению) и создает *моду* и *модничанье*. Выражения же «в моде» или «не в моде» могут быть отнесены ко всему, и нет пределов царству моды. На все быть может мода: на ученость, как и на невежество, на умственный квиетизм, как и на полное развитие мысли. Но выражение *мода* преимущественно употребляется для обозначения особых форм покроя одежды и образа жизни, господствующих в известном обществе или в кругу общества. Слово *мода*, рассматриваемое с этимологической точки зрения, означает вообще способ, или образ, или форму совершения чего-нибудь и более относится к оболочке явлений, к формам их внешнего обнаружения, нежели к самой сущности их. И всякая, какая бы ни была, *мода* — принимая это слово в обширном его значении — не есть явление случайное и беспричинное в круговороте общественной жизни, но необходимое, обуславливаемое ничем не подаваемыми требованиями природы человеческой на изящество и удобство способов их удовлетворения. Этим мы нимало не защищаем многие уродливые, антиизящные моды, вводимые часто новейшею промышленностью для сбыта своих произведений, или грубые вкусы дикарей (напр., сдавливание головы и т. п.). Абсолютного тождества между людьми нет и быть не может, и общие требования природы человеческой в каждом индивидууме являются различными; по этому уже видно, что стремление к однообразию, *монотонности* [...] неестественно и что мод должно быть бесконечное множество по существу самой природы человеческой и что

они должны не только изменяться соответственно с изменением общих требований человечества, но даже соответственно с требованиями отдельных лиц. Так что, собственно говоря, при настоящем развитии общественной жизни в странах действительно образованных каждый человек для полного и всестороннего развития своего должен необходимо руководствоваться собственным сознанием в избрании способов удовлетворения своих нужд и изменять их постоянно, соответственно развитию своих требований. Господство моды всемирно, власть ее проявляется и у народов, обреченных вечному застою (китайцев и т. п.) и неподвижности благодаря началам религиозным и политическим их общественного быта. Но истинной почвой, срединной для проявления господства моды со всеми ее прихотливыми и разнообразными требованиями могут быть те общества, где промышленность достигла значительного развития, где творческая мысль человека покорила уже своей власти силы природы и сделала их покорными орудиями своего произвола, где все — металл, камень, огонь, воздух — привыкло менять свои первобытные формы на искусственные, чтоб только сделаться более способными к удовлетворению причудливых желаний человека. Степень бессознательной привязанности какого-либо народа к прежним формам одежды или быта общественно-го, отчуждение его от новизны и боязнь нововведений могут служить удостоверением незначительности его развития нравственного и промышленного и совершенного подчинения его духа грубой и животной материи.

Однообразие и тождество всего во всем прямо противно жизненному принципу природы. Мода, побуждая человека не довольствоваться одними старыми формами, но жить, так сказать, общею современною жизнью, поддерживает и развивает в нем благородное стремление к усовершенствованию, мирит с действительностью, заставляя его считать возможным осуществление абсолютно прекрасного в настоящей жизни. Так, благодаря ей (моде) и причудливой воле человека материи, служащие для удовлетворения нужд его чисто физических, получают изящные формы и являются единовременно средствами к удовлетворению его животных и эстетических требований, как, напр., это бывает в одежде и т. п. Очевидно, что приискание таких способов для удовлетворения своих потребностей, равно как и самые способы, нимало не заслуживают порица-

ния, но полного поощрения, как ведущие к облагорожению, утончению чувствований и самых органов их восприятия.

Слово *мода* получило право гражданства в русском языке не ранее конца царствования Екатерины II, когда произошло значительное развитие промышленности и общественного быта [...].

МОДЕРАНТИЗМ¹⁰. Под сим именем разумеют философское учение [...] об умеренности, или о способах согласования в человеке противоположных требований его духа и тела. Оно вмещает в себе единовременно учение спиритуализма¹¹ и сенсуализма¹², не впадая ни в одну из их предосудительных крайностей¹³. Оно признает законность и святость удовлетворения всех нормальных [...] требований природы человеческой и, вменяя в обязанность каждому человеку стремиться к полному, совершенному и гармоническому развитию его способностей, полагает только ту форму общественного быта совершенною и истинно соответственную природе, где не только нимало не стесняется развитие человека, но неполное и [не]всестороннее развитие человека делается, так сказать, невозможным.

МОДЕРАНТИСТЫ¹⁴. Этим именем обыкновенно означают в государствах, допускающих формы представительного правления, людей, соглашающихся только на постепенные преобразования общественных установлений, вынуждаемые самой вопиющей необходимостью. Это партия во всех представительных правлениях составляет промежуточное звено между *консерваторами*, т. е. безусловными охранителями старого порядка вещей [...], и *радикалами* [...] — партией ожидающих осуществления блага общего под условием полных и коренных общественных преобразований. В первый раз это слово (модерантисты) стало употребляться для означения людей умеренных (партии умеренных), собственно говоря не составлявших никакой партии, заседавших в *Constituante* во время французской революции и подававших свои мнения, руководствуясь более личными убеждениями и требованиями справедливости и истинности, чем пристрастием к той или другой из партий, разделявших *Constituante*. Партия умеренных также была известна под именем центра (*du cent-*

ге) и называла себя *партией беспристрастных* (partie des impartiaux). Основала [в] 1789 г. клуб того же имени — des impartiaux, которого был президентом Малуэ (Malouet). Этот клуб никогда не имел значительного влияния. В Assemblée législative (Законодательном собрании) и в последующих за ним собраниях эта партия совершенно утратила свою независимость и характер беспристрастия и получила презрительное прозвание брюха (du ventre). Лица, принадлежавшие к этой партии во все время ее существования, были все почти без исключения люди посредственные, не отличавшиеся ни своими способностями, ни талантами. После гибели *жирондистов* [...] она стала более походить на партию и в Convention nationale* имела своим представителем Thuriot**. К ней присоединились все прежние приверженцы Жиронды и все контрреволюционеры. Повод к обвинению и казни Дантона, Камилла Демулена и других заключался преимущественно в том, что они симпатизировали с этой партией, на которую тогда всеильные *якобинцы* [...] смотрели, как на контрреволюционерную. После девятого термидора дух этой партии проявился в так называемой *раззолоченной молодежи* (jeunesse dorée), среди которой m-me Tallien*** играла такую же роль, как и m-me Roland**** в партии жирондистов. Эта jeunesse dorée напала на утративших свою прежнюю силу якобинцев и стремилась возобновить аристократические нравы времен регентства. При дальнейших переворотах эта партия теряет почти всякое самобытное значение и держится мнения большинства; и теперь она называется тоже центром и juste milieu***** и чаще поддерживает предложения консервативные, чем радикальные.

МОЛИНИЗМ, МОЛИНИСТЫ. Под именем молинизма известно учение иезуита Людвига Молина, появившееся в Нидерландах в 1588 г. Это учение есть не что иное, как с весьма малыми изменениями возобновленное учение *пелагианизма*¹⁵ и *семипелагианизма* [...]; так же как они, оно, признавая в человеке свободу произвола, стремится

* * *

* Национальный конвент.— *Ред.*

** Тюрио.— *Ред.*

*** Госпожа Таллиен.— *Ред.*

**** Госпожа Ролан.— *Ред.*

***** Золотая середина.— *Ред.*

согласить его с понятием о божественном предопределении и предведении и считает спасение человека более делом его личных сил, нежели действием божественной благодати. Учение, совершенно противоположное этому, было учение *жансенистов* [...] ¹⁶.

МОНАДА ¹⁷. Монадою в учении Лейбница называется неделимый, простой атом (субстанция), из которого составляются все прочие атомы. От такового обозначения основных сил природы и самое учение Лейбница об них получило название *монадологии*. Действительность существования монад он доказывает следующим образом. Все тела природы не могут делиться до бесконечности, ибо тогда должно бы было предположить все тела состоящими из бесконечно великого числа частиц, что также неудобномысленно. И те части, далее которых не может простирается деление, и суть монады. Так как в понятии о монадах отрицаются все понятия о теле, то они никак не могут иметь никаких свойств тела — ни протяжения в длину, ни в ширину, ни в высоту, ни подлежать разрушению, ибо не состоят из разлагаемых частей. Таким образом, монады являются живыми, действующими силами природы. И что эти монады беспрестанно стремятся изменить свое положение (восприятия, *perceptions*) относительно всех прочих монад. Сам бог, по его словам, как монада монад (*deus monas monadum*), приводит из себя все прочие. Второстепенные монады отличаются качеством и количеством явлений, в них происходящих, а именно: он делит монады на монады, не обладающие способностью восприятия, или *тела недвижимые*, и на монады, одаренные способностью восприятия,—*души*; на монады, имеющие темное сознание,—*души животных*, и на монады, обладающие ясным сознанием,—*души разумные*, или *духи*. Всякая монада есть не что иное, как зеркало, одаренное внутренней способностью отражать в себе всю вселенную в перспективе, ей особенно свойственной, и что это отражение природы происходит в ней соответственно общему плану вселенной. Субстанции, вещества простые, не производят одни на других непосредственного действия (*influxus physicus*), между ними существует идеальная связь, т. е. такое гармоническое расположение всех внутренних изменений в каждой монаде, которое вполне соответствует всем изменениям, происходящим в монадах, с которыми она находится

в соприкосновении. Эта-то ответственность, по мнению Лейбница, не есть следствие тесной связи между ними, а дело мудрости и всемогущества божия, существует с самого начала бытия природы, потому что богу так хотелось. Он именует ее *заранее преопределенной гармонией* (*harmonia praestabilita*).

МОНИТОР. Взято с латинского *monitor*, происходящего от *monere*, что означает «увещевать», «предупреждать»; в русском оно употребляется для означения наставника, учителя и т. п. [...].

Под именем «*Moniteur*»* известен знаменитый журнал, появившийся 27 ноября 1789 года, где подробно изображены все события Великой французской революции, совершавшиеся в то время во Франции и в прочих государствах. Это важнейший материал для всех, кто желает изучить эту знаменитую эпоху в истории человечества.

МОНОГАМИЯ¹⁸. Браком в естественных науках вообще называется соединение существ двух различных полов с целью произведения потомства. Форма брака, рассматриваемая в отношении к человеку как установление гражданское и положительное, не повсеместно одна. И как установление формы его было более результатом столкновения случайностей, общественных, политических и экономических нужд известных народов и их религиозных предубеждений (как, напр., у римлян, греков, евреев и т. п.), нежели делом полного сознания истинных потребностей природы человеческой, то мы находим во всех формах брака без различия, установленных положительно разными законодательствами, введение многих посторонних элементов, нисколько не вытекающих из сущности самого брака и делающих этот священный союз *любви* (каким впервые бог провозгласил его) тривиальным орудием достижения разных побочных целей. Так что *любовь* — высокое правило, провозглашенное христианством для междучеловеческих отношений, а тем уже более для супружеских, — является почти совершенно позабытым и изгнанным в настоящих брачных отношениях, — так что брак, рассматриваемый каким он является в жизни действительной, есть

* * *

* «Указатель» — газета; полное ее название — «Национальная газета и всеобщий указатель». — *Ред.*

договор более соединения хозяйств, чем святого единения и осуществления слов бога: и сего ради оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей и будет два в плоть едину (книга Бытия, гл. 2, ст. 24). Так что мы ни одну из положительно существующих форм брака не можем почесть удовлетворяющей рациональным требованиям природы человеческой, ибо при установлении ни в одной из них не было истинное знание биологических законов природы человеческой (да и самые эти знания еще не достигли полного совершенства) принято за положительное основание для точного определения естественных форм супружеских отношений. Все они, как не основанные на общем воззрении на сущность природы человеческой, грешат односторонностью и требуют взаимного дополнения и исправления. Допущение более или менее развода в *моногамии* или *моноандрии* — бесспорно совершеннейшей из настоящих форм брака — может служить сему доказательством. Моногамия и моноандрия (единоженство и единомужество) противуполагаются обыкновенно полигамии, полиандрии и бигамии [...]. Она господствует в землях христианских и основывается на внесенном в новый мир божественном учении Христа сознании о равенстве прав человеческой личности и проистекшем отсюда признании одинаковости и тождественности прав мужчины и женщины, как необходимых (друг друга взаимно дополняющих) членов какого бы то ни было общежития, бытие которых равно необходимо для его целостности и существования; и совершенное исключение из среды общества одного из них делает бытие его невозможным. При таком воззрении всякая другая форма брака при настоящем положении общественной организации, хотя бы и более соответствующая природе, должна необходимо показаться несогласной с общепринятыми ныне понятиями (официально в Европе) о законных способах удовлетворения любви и стремлении человеческого духа к *фамилизму* [...].

МОНОТЕИЗМ ¹⁹. Учение, признающее и почитающее одного бога, противуположное *политеизму*, но отличное от *пантеизма* [...]. Оно признает божество отдельным от прочей природы и творцем ее. Это учение должно считать коренным религиозным учением человечества, из которого постепенно развились все прочие существовавшие и существующие религиозные учения. Следы его находим

мы в древнейших памятниках (индийских и еврейских). В книгах Моисея изображается бог творцем неба и земли. Древнейшее браминское учение признает одно высшее божественное начало над тремя главными божествами, которые, собственно говоря, не что иное, как олицетворение трех различных сил божества. У евреев в талмуде содержалось довольно очищенное учение о едином боге. Монотеистическое учение из иудаизма вошло в христианство и получило в нем разнообразное развитие.

МОНОФИЗИТИЗМ ²⁰. Под этим именем известно появившееся в Египте в V веке по р. х. учение о том, что Иисус Христос не есть бог, а собственно только человек, богу уподобившийся. На халкидонском соборе в 451 г. оно осуждено было как еретическое, но нашло множество последователей: марониты на Ливане все ему следуют, и на западе Европы оно имеет последователей.

МОНТАНЬ (La montagne), **МОНТАНЬЯРЫ** (Les montagnards)*. Под этими именами известна одна из важнейших партий, господствовавших во Франции во время великой революции. Прозвание это дано было ей еще во время Законодательного собрания, потому что большая часть приверженцев ее, занимая левую сторону залы, сидели на скамьях более возвышенных, чем другие. Приверженцы этой партии также были известны под именем *якобинцев* [...]. Название *montagne* она сохранила и в *Assemblée nationale*** . Главными предводителями ее были Робеспьер, Марат, Дантон. Эта партия отличалась крутостью мер, предпринятых ею для поддержания начал, провозглашенных французской революцией.

МОРАЛЬ ²¹. Принимая в смысле правоучения, есть совокупность правил, признаваемых за истинные в известном обществе (или между последователями ее учения) и служащих для руководства при определении практической годности человеческих деяний. *Истинная мораль, или правоучение,— одна; ею может быть названа только та, которая выводит свои положения не из многих предположений априорических, по-видимому необходимых*

* * *

* montagne — гора; монтаньяр — член партии «Гора». — *Ред.*

** Национальное собрание. — *Ред.*

для успокоения духа человеческого, *но из опытного исследования природы человеческой и строгого анализа всех ее потребностей*, — та, которая, не отвергая ни одного из ее, по-видимому, противоположных, но тем не менее *нормальных* [...] требований, ставит в священную обязанность всякому человеку всестороннее их развитие. Таково должно быть истинное *человеческое* нравоучение. Но от него весьма далеко отстоит большая часть нравоучений, имеющих силу в различных обществах. Так, положительных моралей, или нравоучений, бесчисленное множество, и все они изменяются соответственно местным религиозным, политическим и социальным убеждениям и вообще направлению духа времени и общественного развития. Отличительная черта всех положительных нравоучений, *преимущественно основывающихся на религиозных учениях*, есть односторонность, или исключительность и *нетерпимость*. Главнейшие нравственные учения были: *рационализм, эвдемонизм* ²², *стоицизм, материализм, модерантизм* и др. [...].

МУЗЫ ²³. Богини изящных искусств и наук. О происхождении их, равно как о числе и именах, древние писатели повествуют различно. Вначале были известны только три музы: Мелета (размышление), Мнема (память) и Эда (пение), но поэты постепенно возвысили их число до девяти, которые и почитаются дочерьми Юпитера и Мнемозины. Имена их: Клио, Эвтерпа, Талия, Мельпомена, Терпсихора, Эрато, Полигимния, Урания и Каллиопа. Обыкновенным их местопребыванием были высоты Парнаса. Они участвовали на пиршествах богов, присутствовали на состязаниях Аполлона с сатиром Марзиасом и сами одержали победу над сиренами и старым певцом Тамирисом. Общим и обыкновенным их занятием были музыка и пляска. Уже в позднейшее время приписали каждой из них особую сферу деятельности, чего не было у древних. Так, Каллиопа, имя которой означает «прекрасный голос», была первенствующею музою и почиталась покровительницею царей, которые получали от нее дары красноречия и пения, в то же время богинею героической поэзии; Клио (слава) — богинею истории; Эвтерпа (уменье нравиться) — изобретательницею математических вычислений и физических розысканий, а в особенности музыки; Талия (процветать) поощряла земледелие и вдохновляла ко-

мических поэтов; Мельпомена (пою) — была муза трагедии и оды; Урания (созерцание неба) — астрономии, астрологии и математики; Эрато — нежных песнопений или так называемой эротической поэзии; Полигимния — муза божественных гимнов и памяти, укрепляющейся размышлением; Терпсихора предводила танцами и хорами [...].

МУХАММЕДАНСТВО ²⁴. Религия, основанная Мухаммедом в Аравии в начале VII века по р. х. Мухаммед происходил от фамилии *Гашем*, из племени *корейш*, — племени, составлявшего в языческой Аравии духовную аристократию. Родиной его была Мекка. В то время Европа, полная христианского энтузиазма, гнала евреев; из Восточной империи вследствие богословских споров бежали еретики христианские: иудейство и арианство занесено было в Аравию; от близкого соприкосновения с ними первобытная религия арабов пришла в упадок. Мухаммед, по природе преобразователь, обнял своим светлым и тонким умом нестройную смесь догматов, открыл в них много истины и много заблуждений и решился основать новую религию, которая была бы совершенно согласна с понятиями и характером арабов. Он начал проповедь, основною мыслью которой было то, что истинная вера — поклонение единому богу — была некогда у евреев, но со временем исказилась и потом перешла в христианство, что и Моисей, и Иисус — пророки, люди божии, но что он, Мухаммед, есть величайший из пророков, посланный богом обновить искаженную религию и восстановить ее в первобытной чистоте. Корейшиты, чувствуя опасность своего положения, вознегодовали, возненавидели проповедника; вражда дошла до покушения на его жизнь, но Мухаммед проник в эту тайну и — 17 июля 621 г. по р. х. — убежал в Медину. Этот год принят мухаммеданами за начало их летосчисления, названного *геджрою* (что и значит — бегство). С этого времени начинается кровавое распространение новой веры, кончившееся полным ее торжеством. Эта проповедь заключается в одной книге, составленной уже по смерти Мухаммеда [...]. Духовно-светскую власть Мухаммеда наследовали его наместники [...]; основался знаменитый *халифат* [...], и мухаммеданство распространилось на пол-Азии, проникло и в другие части света. Впоследствии оно разделилось на две секты, ненавидящие одна другую [...].

НАЗАРЕИ²⁵. Так назывались первые христиане своими противниками; и доселе еще находятся в Западной Азии общины, известные под сим именем. Но собственно под назарейми должно разуместь секту, возникшую в христианстве во II веке по р. х. и старавшуюся согласить обрядовый закон евреев с учением Христа; она преимущественно *держалась первоначального еврейского евангелия Матфея*, и некоторые из них даже *отвергали божественность Иисуса Христа и считали его только за философа*.

НАТУРА²⁶. Природа имеет множество значений; в обширном значении она синоним с словами: мир, вселенная, творение и все сущее вообще. В смысле более тесном оно означает предметы, подлежащие чувствам, весь мир явлений бессознательных, для отличия от мира так называемого идеального, разумного или духовного. Слово это иногда означает только телесное сложение человека или его *темперамент* [...]; так, в этом смысле оно употребляется в выражениях, подобных сему: «У него сильная или слабая натура». Одним словом, слово *натура* употребляется для выражения различных и часто между собою неудобосогласимых понятий. В большей части случаев оно принимает значение, соответственное частному настроению духа созерцателя природы, отношению его к природе, воззрению его на природу и жизнь. Так, для одного сущность природы и жизни будет благосклонно представляться в веренице вкусных обедов и осушенных бутылок; для другого все таинственные загадки открываются при узнании возможности играть чуть не каждую игру 10 в червях и прожить весь свой век в почете, не отягчив свою голову ни одной человеческой мыслью. Натура для горшечника — сухой кусок глины, из которой нельзя сделать и порядочного горшка, не размочив ее предварительно хорошенько. Все таковые односторонние воззрения на природу имеют некоторую истинность относительно степени умственного развития созерцателя. Чем полнее и многостороннее будет умственное развитие какого-либо человека, тем более точек соприкосновения с природою должна представлять жизнь его, тем больших и разнообразнейших наслаждений будет для него она источником,— о таком человеке можно сказать с Баратынским:

С природой одною он жизнью дышал:
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье.
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна,
Изведен, испытан им весь человек ²⁷.

Причудливое, мечтательное разъединение духа и материи не найдет места в его сознании, развитом в гармонии с целой природою,— и все явления природы, без различия, будут представляться ему тесно между собою связанными и проникнутыми одной всеобщей и всемогущей жизненной силою. Для него божество не будет тем, чем, может, оно представляется для ума обыкновенного и чисто эмпирического. Оно будет для него не злой и разрушительной (каким оно иногда представлялось древним), но благодатной и зиждительной силою, полною мудрости, благодати и разума, обнаруживающегося во всяком явлении природы; и *весь мир жизненных проявлений природы будет для него священною книгою непосредственного откровения божества. Сознание господства в сфере явлений физических и нравственных одного общего закона мировой (космической) необходимости послужит примирением его с действительностью и многими антилогическими явлениями жизни практической.*

НАТУРАЛИЗМ ²⁸. [...] В смысле вероучения означает учение, считающее возможным для человека достижение путем одного мышления, без всякой помощи предания, откровения или самоличного явления божества, и осуществление в действительной жизни вечного и будущего блаженства чрез полное, самостоятельное и самодеятельное развитие сил природы своей. Натурализм в низших фазах своего развития откровения божества в положительных религиях считает ложными, созданиями не божественными, а чисто человеческими. В дальнейшем своем развитии это учение, вмещающая в себе *пантеизм и материализм* [...], *считает божество не чем иным, как общей и высшей формулой человеческого мышления*, переходит в *атеизм* [...] и даже, наконец, преобразуется в *антропотейзм* [...], т. е. в учение, *признающее высшим существом только человека в природе*. Натурализм, находясь на этой степени своего рационального развития, *считает всеобщее призна-*

ние божества в положительных религиях происшедшим от обоготворения человеком своей личности и общих законов своего мышления; все религии, которые представляют нам историческое развитие человечества, считает только постепенным приготовлением человечества к антропотеизму или полному самосознанию и сознанию жизненных законов природы.

НАТУРАЛИСТ. Это слово имеет три значения. Во-1-х, оно означает человека, занимающегося вообще испытанием природы чисто эмпирически, без всякой заранее составленной системы воззрения на природу. Во-2-х, оно означает человека, занимающегося собственно естественными науками и наблюдением явлений природы, руководясь указаниями теории и науки. В-3-х, — человека, следующего пантеистическому учению [...] и видящего божество действующим в лоне природы, обнаруживающимся в ее явлениях, и не признающего никаких других посредственных проявлений божества.

НАТУРАЛЬНОЕ БОГОСЛОВИЕ ²⁹. Учение о божестве, выведенное не из слов предания или откровения, но из начал разума и знания природы. Оно считает вовсе не нужным непосредственное откровение для узнания свойств божества [...].

НАТУРАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ. В обыкновенном смысле есть повествовательное изображение развития существ или тел природы с обозначением всех разнообразных форм, в которых оно проявляется. Если при таком изображении различных предметов природы показываются причины, почему именно формы развития известных предметов именно те, а не другие, тогда естественная история получает характер *философской натуральной истории* и даже название философии природы. В этом случае вся природа и все предметы природы, все, что обнаруживается явлением во внешности, вмещается в ее сферу. Натуральная история, принятая в смысле более ограниченном, может делиться на 4 главные науки: 1) геологию — естественную историю земли, рассматривающую ее со всеми ее произведениями как одно целое; 2) фитологию, или ботанику — как естественную историю растений и вообще царства растительного; 3) зоологию — естественную историю жи-

вотных и 4) антропологию — естественную историю человека в обширном значении этого слова.

Аристотелю мы обязаны первыми основаниями натуральной истории.

НАТУРАЛЬНОЕ ПРАВО ³⁰. Натуральным или естественным, правом называется та наука, которая из начал чистого разума или идеи о справедливости выводит все права и обязанности человека как человека и как члена человеческого, разумно основанного общества. В этом смысле натуральное право противуполагается законодательству положительному, развившемуся под влиянием совершенно разнородных случайностей. У римлян содержанием праву натуральному (*jus naturale*) служило изложение тех требований природы человеческой, которые общи человеку с животными. Вообще основные начала натурального права, его определение зависят от того понятия, которое имел писатель о натуральном, нормальном или естественном состоянии человечества [...], так что мы не можем указать ни на одно сочинение о натуральном праве, как на удовлетворяющее абсолютным требованиям разума. Одною из главных причин неразвития натурального права должно считать странное мнение: будто бы безусловное принятие законов правды и справедливости (без применения к личностям) при определении внешних форм междулических отношений неудобосогласимо с действительными интересами целого общества!?. точно так, как и то мнение, что справедливость и истина никогда не может соделаться всеобщим достоянием человечества (духа человеческого) и что для счастья большинства людей невежество и заблуждения необходимы!!. Без содействия начал натурального права или философии права невозможны: ни разумная, ни систематическая кодификация законов, ни отыскание начал для разрешения многообразных коллизий, встречающихся между различными частями администрации, неизбежными вследствие самого ее исторического развития и проистекающего отсюда недостатка теоретической сознательности; ни органическое развитие законодательства, соответствующее истинным требованиям человеческим; ни издание постановлений, предупреждающих общественные нужды и прямо благоприятствующих развитию жизни общественной. Впрочем, для натурального права, в смысле науки, совершенство недостижи-

мо до тех пор, пока будут в мире юридическом различаться обязанности юридические от нравственных; сила физического принуждения будет занимать место разумного убеждения, пока в основу его, равно как и всякого философского учения, не будет положено естествознание. Впрочем, и теперь некоторые положения натурального права можно считать абсолютно верными, как, напр., следующее: «что человек имеет, подобно всякому другому существу, право (*par le fait même*) * и обязанность на жизнь, которая для него, как и для всего в природе, состоит во всестороннем развитии, соответственно требованиям или законам его природы»; «что на человека самым фактом его рождения возлагается прямая обязанность гармонического развития духа и материи»; «что жизнь человека всегда и везде и для всех безусловно священна»; «что всякое благоустроенное общество должно стремиться к тому, чтоб не было никакого противоречия или разногласия между интересами различных его членов, чтоб не Галлерово: *bellum omnium contra omnes*, т. е. не вражда всех противу каждого, но общее и единое стремление всех содействовать к полному благосостоянию и благоденствию каждого было бы общим законом для всех гражданственных отношений и чтоб самое общество было практическим осуществлением завета братской любви и общения, оставленного нам спасителем; одним словом, чтоб каждый сознательно *полюбил ближнего, как самого себя*. Так тождественны истины положительной философии с истинным учением религии! «Что всякая война перед судом разума есть зло, указывающее на неестественность общенародных отношений, пристекающее от неодинаковости развития народов,— зло, которое должно прекратиться совершенно, когда человечество вступит в эпоху полного своего развития»; «что всякое установление положительное, препятствующее свободному развитию человека (напр., установление 10 000 церемоний в Китае), есть вопиющая несправедливость»; «что формы быта общественного постоянно меняются и должны изменяться соответственно развитию требований в человеке и что сравнительная степень совершенства быта общественного определяется количеством и разнообразием средств или способов, доставляемых им для удовлетворения различных требований человеческой природы»; «что

* * *

* фактически.— Ред.

всякое общество, не доставляющее положительно всех нужных средств для всестороннего развития его членов, есть форма быта общественного, преходящая, несовершенная и предуготовительная для другой, более совершенной», как, напр., варварство приготовило феодализм, и он в свою очередь установил цивилизацию³¹ [...]. Гроциуса и Пуфендорфа следует назвать отцами натурального права. Весьма важно для успехов развития права натурального было старание Канта и Фихте вывести начала его непосредственно из начал практического разума и свободы воли³². Еще важнее попытки новейших мыслителей установить его безусловно на началах разума³³, без всякого отношения к известным и определенным формам государственного или общественного быта, и даже из начал его определить самые формы оного. Они признают вообще необходимость общежития, общественности и общежительности (*société*, *socialibilité* и *socialité*), а государство, каким оно является в настоящее время у народов образованных, считают формой быта общественного сравнительно совершеннейшей с другими формами, предшествовавшими государству в историческом порядке развития человечества — как, напр., варварством, патриархальностью, — но не считают его достигшим полного своего развития, ибо оно еще не доставляет человеку вполне всех способов удовлетворения разнообразных требований его природы вследствие самой неполноты развития различных основных элементов государственной жизни, как, напр., промышленности, образованности, общественности, публичности и солидарности всех интересов.

НАТУРАЛЬНАЯ СИСТЕМА³⁴. Это слово означает расположение предметов в науке по их естественным признакам. Она противуполагается системе искусственной или ученой, где распределение предметов зависит более от взгляда на них, нежели от их существенных свойств и признаков [...]. Это слово иногда неправильно употребляется вместо слов: *система природы* или *система природы*, т. е. для означения природы во всей ее целостности и связи. Таковое употребление этого слова было установлено знаменитым сочинением барона Гольбаха: «*Système de la nature ou lois du monde physique et du monde moral*»*. Оно было важно

* * *

* «Система природы или законы мира физического и мира морального». — *Ред.*

в свое время и поныне замечательно как памятник, выражающий умственное направление прошедшего века.

НАТУРАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ. Это выражение вообще употребляется для означения состояния какого-либо предмета, соответственного с законами его природы. В этих случаях оно заменяет слова *природный* и *естественный*. В смысле более тесном выражение «натуральное состояние» употребляют для означения *естественного и первобытного состояния человечества*. Употребленное в этом смысле слово это представляет человека и человечество стоящими на заре их сознательной жизни, на первых ступенях их всестороннего развития, еще не привыкшими для искусственных потребностей, возбужденных и развитых в них *цивилизацией* [...], пренебрегать и даже жертвовать удовлетворением действительных требований своей природы. Сказание об этом первобытном состоянии сохранилось в преданиях почти всех народов и послужило канвой для изображения разными поэтами *золотого века*. Эти поэтические изображения первобытных времен человечества увлекли многих мыслителей, не сознавших возможность бесконечности развития человечества*, и заставили их принять это первоначальное, натуральное состояние человечества, соответствующее его младенческому возрасту, за *нормальное* [...] во все периоды его развития, за общую формулу человеческих отношений, выше и лучше которой ничего не в состоянии придумать человечество. Нам, их потомкам, разубежденным действительностью и опытами в их заблуждениях, может показаться смешным то, что они, худо поместив их идеал благосостояния человеческого, хотели вместить в рамки прошедшего грядущее развитие человечества, влить живое и живущее своей органической жизнью в мертвые формы отжившего, приняли мертвое за тип совершенства для всего одаренного жизнью. Они забыли, что в природе ни для чего нет полных повторений, нет воскрешения, полного воспроизведения форм, однажды отбывших свою чреду. К распространению такого понятия о натуральном состоянии человечества всего более содействовал Ж. Ж. Руссо. Пораженный бесчислен-

* * *

* Англичанин Прейс первый высказал ясно эту мысль; Кондорсе и Кант обобщили ее. Ныне она принята всеми мыслителями³⁵.

ными противоречиями, представляемыми действительностию (совершенно неудобосогласимыми при состоянии тогдашней организации общественной), он напал на ложное заключение, что соглашения этих противоречий должно ожидать не от развития человека, не от совершенного удовлетворения его нужд, но от приведения человека к *бессознательности первобытной*. Жизнь всего в природе обнаруживается и действительно состоит в непрерывном преобразовании внешних форм, замене одних явлений другими. В этом смысле все, одинаково мыслящие с Руссо, правы, утверждая, что *преобразование общественного быта соответственно требованиям природы человека* безусловно нужно и что оно действительно постепенно происходит вследствие самого развития общественного быта, и совершение этих преобразований в нем есть *sine qua non* * для самого его существования. Но они неправы в том отношении, что утверждали, будто бы тип, идеал, первообраз общественного благоустройства и человеческого счастья должно искать в мире прошедшего, а не в будущем; в сфере пережитых человечеством явлений, на страницах истории, а не в разумном сознании человеческом, очищенном от влияний местных предубеждений всякого рода (?!). Не преданием о прошедшем, но сказаньем о *грядущем* должно считать в этом смысле золотой век. Осуществление его практическое или содеяние общества живым орудием полного благоденствия и счастья всякого человека принадлежит будущему и составляет еще неокончательно разрешенную общественную задачу. В различных новейших сочинениях, особенно социальных, как, напр., у Charles Fourier в его «*Traité de l'association domestique et agricole*», или в «*Théorie de l'unité universelle*» **, изд. в Париже в 1841 г., для означения этого состояния употребляются слова *эденизм, отаитизм* *** [...].

НАТУРАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ — иначе *философия природы*. Введение этого названия, как бы для означения особой науки, принадлежит Ньютону. Эта наука уже предполагает заранее установившимся правильное фило-

* * *

* Необходимое условие.— *Ред.*

** У Шарля Фурье, «Трактат о домашней земледельческой ассоциации», или в «Теории всеобщего единства». — *Ред.*

*** По терминологии Фурье, эти слова означают «райское состояние» первобытного общества.— *Ред.*

софское воззрение на природу [...]; собственно говоря, философия природы есть не что иное, как всестороннее, систематическое представление или стройное проследование этого воззрения на природу во всех ее явлениях, или *наука о природе* в обширном значении этого слова. В этом смысле оно противуполагается простому, наглядному, эмпирическому ведению природы и вмещает в себе самую философию. Несовершенные начатки философии природы находим мы у греков, преимущественно в учении Пифагора, который первый пытался изложить математически свое философское воззрение и первый указал на глубокое значение чисел или законов математических в природе. В новейшее время восстановителем философии природы должно считать Шеллинга, в дальнейшем своем развитии она весьма много обязана Окену.

Натуральная философия по самому существу может подлежать следующему разделению: в бытии, или существовании, всякого предмета природы ум человеческий не может не отличить три следующих момента: 1) внешнюю, или телесную, форму предмета, со всеми ему принадлежащими вещественными, или материальными, свойствами, 2) самый состав его тела (химический состав тела и отношение его различных частей между собою) и 3) самую его жизнь или последовательность развития его в природе как одного целого. Соответственно исследованию, рассмотрению и определению этих трех моментов, которые в бытии каждого предмета природы неизбежно повторяются, сама наука о природе может разделиться на три следующие отдела: 1) на науку о формах предметов, или *морфологию*, 2) на учение о составе или сущности предметов, или *химию*, 3) на науку о жизни — *биологию* или *физиологию*. Каждая из этих частей естествознания может подразделиться снова [...]. Такое деление можно простираť до бесконечности, и содержанием для разных таковых отделов будут служить предметы, взятые из различных наук естественных. Так, напр., в *натуральной истории* [...] зоология и антропология отделяются одна от другой, в биологии многие предметы, им обоим принадлежащие, соединяются как бы в одно целое, проникаясь единством мысли созерцателя природы, и в учении *о жизни вообще* — учение *о жизненном духе человека и животных*. *Психология* в обширном смысле этого слова [...] будет только одним из отделов. Для человека, смотрящего на природу с философской

точки зрения, сущность жизненного духа природы везде одна и та же, как в человеке, так и в животных; но только формы обнаружения его во внешности различны. Изображение внешних форм и свойств предметов в этом случае принадлежит собственно зоологии, биология же заимствует это из зоологии в той мере, как это бывает нужно для объяснения сущности жизненной, или творческой, силы природы.

НАЦИЯ³⁶. Это слово часто употребляется вместо слова *народ* в тех случаях, когда имеют в виду обратить внимание читателя или слушателя на племенную родственность членов какого-либо народа, на происхождение их от одного общего родоначальника или указать на происхождение оттуда общности языка, обычаев и нравов, имеющих силу в каком-либо народе. Всякий народ или нация, рассматриваемая с гуманной точки зрения, является в тех же отношениях к целому человечеству, как вид — в отношении к роду, и, только постепенно развиваясь, т. е. *утрачивая свои индивидуальные, частные признаки или прирожденные свойства, он может стать на высоту человеческого, космополитического развития (s'élever au degré du perfectionnement humanitaire)**, тогда только может настать для него время постижения общечеловеческих интересов, тогда только развитие его жизненных сил будет совершаться гармонически с требованиями целого человечества. Тогда только может какой-либо народ внести свою собственную лепту в сокровищницу человеческих знаний, дать самостоятельный толчок общечеловеческому развитию, когда будет им усвоена, вместится в нем совершенно вся предшествовавшая образованность и будут поняты все интересы жившего до него человечества и пережиты им все его страдания путем собственного тяжелого опыта. В этом смысле Россию и русских ждет высокая и великая будущность.

НАЦИОНАЛЬНОСТЬ. [...] общие отличительные черты, по которым можно узнать, к какому народу принадлежит по своему происхождению известное лицо, и называются *типическими* или *национальными* признаками. Совокупность таковых типических признаков (как, напр., образ

* * *

* Подняться на степень человеческого совершенства.— *Ред.*

жизни, нравы, социальные убеждения, религиозная настроенность духа, обычаи и т. п.), отличающих один народ от другого и даю [ших] ему как бы самостоятельное значение среди человечества, и называется его *национальностью*. Чем на низшей степени своего нравственного, политического или религиозного развития находится какой-либо народ, чем менее способен к всестороннему и разнообразному удовлетворению его потребностей представляет ему развитие у него промышленности, чем менее находится он в дружественном общении с прочими народами, чем предосудительнее и даже чем незаконнее для него кажутся сношения с чужестранцами, усвоение себе их идей и форм их быта общественного, чем более положено преград положительных безусловно ко всяким таковым заимствованиям и сообщениям (как, напр., в Китае), тем более должны признавать мы таковой народ находящимся под влиянием материи, тем более будет дух его, так сказать, овеществлен и поставлен в зависимость от грубой и безорудной природы, тем далее отстоять он будет от идеала общечеловеческого развития, тем менее будут подходить по своему нравственному достоинству члены его к высокому типу истинного человека, принимаемому в космическом и космополитическом смысле, тем резче будет выказываться его национальность (овеществление в нем общечеловеческого духа), тем резче будет он отличаться от других народов, тем будет он *национальнее* и *уединеннее* среди общения общечеловеческого, тем более отпечатков дикости и варварства будет носить в себе его национальность, и тем с большим *фанатизмом* [...] будет он ее держать и даже будет бессознательно готов принести в жертву благосостояние других народов для торжества своей национальности, погубить плоды тысячелетних трудов человечества, сровнять с землей памятники наук и искусств и на развалинах их гордо и самодовольно раскинуть свою кочевую палатку и рассадить капусту... все это и даже еще более ужасное будет он готов совершить во славу своей национальности! Арабы в начале введения у них магометанства могут служить сему примером. Мы, русские, вправе теперь гордиться Петром, разом извлечшим нас из варварства, и нашей способностью заимствовать и себе совершенно усваивать все хорошее иностранное, поверенное и испытанное на Западе тяжелым, а иногда даже и кровавым опытом. Мы должны благодарить Петра

и мудрых его наследников, что они приблизили нас к идеалу государственной, общественной и человеческой жизни, в котором все стараются более подчинить не случаю, не обстоятельствам, не старине, а идее истинного и прекрасного, и что в нашей администрации уже нет места (как это было до Петра) господству привычки, рутины и бессознательно принятых предрассудков, и что наука, знание и достоинство ею руководят!! [...] ³⁷.

НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ³⁸. Это слово употребляется преимущественно для обозначения народного собрания. Если не прямое, то по крайней мере посредственное участие целого народа, чрез его представителей, в положении решений на таковых собраниях всегда более или менее вмещается в самом понятии о национальном собрании. Таковые собрания бывают постоянными или случайными. В странах, где жизнь общественная находится на высшей степени развития, так, напр., [в] Северо-Американских штатах и т. п., они суть явления не случайные, а постоянные или периодические. Примеров таковых национальных, или общенародных, собраний — как чрезвычайных, так и постоянных — можно найти весьма много в древней и новой истории. Так, в России примером таковых собраний может служить земский собор, избравший на царство ныне царствующий дом Романовых. Слово *национальное собрание* обыкновенно употребляется для обозначения двух собраний, бывших во время первой, или великой, французской революции; преимущественно же это наименование присвоится *первому Законодательному собранию* (Constituante), самодеятельно заступившему место Генеральных штатов [...], созванных 5 мая 1789 года Людовиком XVI. Национальное собрание, как и Генеральные штаты, состояло из представителей трех тогда признаваемых во Франции сословий: духовенства, дворянства и среднего сословия (tiers état, bourgeoisie), которое и было посредственно представителем всего народа. Среднее сословие имело сравнительно с количеством представителей прочих сословий большее количество представителей, бывших в то же время представителями целого народа, почему и самое собрание получило название народного или *национального собрания* (Assamblée nationale). Это собрание замечательно тем, что в нем впервые *законно и законодательно* выразилась сознательная мысль народа.

французского, и его можно принять за начало рационального развития общественности у сего народа. Труды этого собрания, созванного Людовиком XVI с истинно благородными и народолюбивыми намерениями, отличаются человеколюбием, благонамеренностью и духом истинно философским, почему отнюдь не должно смешивать его с прочими собраниями подобного рода, бывшими во время французской революции. Так что можно сказать утвердительно, что если б Людовик XVI последовал вполне благо-разумным решениям сего собрания, советам Неккера и других просвещенных своих министров, то историку во-все бы не пришлось упоминать о многих ужасах этой ре-волюции, и самое политическое преобразование Франции, как желал этого сам Людовик, да и самое возрождение народа французского совершилось бы тихо, мирно, без потрясений. Важнейшими декретами этого собрания, имевшими великое и благодетельное влияние на последующее за сим нравственное развитие Франции, были следующие: 1) Объявление прав человека (*Déclaration des droits de l'homme*). 2) Уничтожение рабства (*L'abolition de la qualité de serf*). 3) Уничтожение феодальных судов (*L'abolition des juridictions seigneuriales*). 4) Постановление уравни-тельности раскладки налогов и подчинение им всех сословий (*L'égalité des impôts*). 5) Уничтожение продажности мест (*L'abolition de la vénalité des offices*). 6) Уничтожение провинциальных и городских привилегий (*La destruction de tous les privilèges de villes et de provinces*). 7) Допуще-ние евреев и протестантов к пользованию всеми правами гражданскими и политическими наравне с католиками. 8) Обращение церковных и монастырских имуществ в госу-дарственную собственность для уплаты государственного долга. 9) Преобразование многих церковных постановле-ний согласно общим требованиям века; сближение духо-венства с прочими сословиями и подчинение его общим государственным постановлениям.

Все, что носило на себе печать духа средних веков, в государственных, в гражданских постановлениях было если не совершенно уничтожено декретами *Constituante*, то по крайней [мере] так преобразовано, что с тех пор воз-рождение всего этого в первобытных формах времен фео-дализма стало совершенным анахронизмом для Франции. Важнейшим трудом *Constituante* было составление и изда-ние конституции, которая послужила образцом для всех

последующих французских конституций, так что все они являются только различными преобразованиями этой. Вот главные ее пункты, сохраненные в последующих конституциях без всяких изменений [...].

Глава I, § 1. Все граждане имеют одинаковые права на занятие всех должностей без различия, соответственно их талантам и достоинствам.

Глава I, § 2. Всякий гражданин может пользоваться полною свободою, почему и имеет право избирать место жительства и странствовать без всякого помешательства с стороны местных властей. Также имеет полное право свободно выражать свои мнения, писать и печатать, не подвергаясь никакому суду или цензуре. Всякий гражданин имеет полное право следовать обрядам какой ему угодно веры и переходить из одной в другую по своему произволу.

Издавши эту конституцию, установивши новый порядок во Франции, это собрание, как исполнившее свое назначение, объявило себя уничтоженным.

Источниками для изучения истории сего собрания могут служить: Thiers. «Histoire de la révolution française» [...]

НЕГРОФИЛ³⁹. Так называют благородных поборников правды, принимающих живое, деятельное участие в судьбе несчастного племени *негров* [...] и доблестные усилия которых в новейшее время увенчались успехом. [...]

Несмотря на разумность и святость уничтожения подобного рабства и угнетения, в то самое время, когда европейские дворы были заняты вопросом о неграх, а доблестные друзья человечества напрягали все силы ума и красноречия для его разрешения, нашлись люди... и, что всего удивительнее, люди ученые, занимавшие кафедры и известные в литературе, которые *возвысили голос в пользу невольничества*, основываясь на истории римлян и греков и тому подобных доводах... [...] ⁴⁰

НЕКРОМАНТИЯ. Так называли у древних особый род предсказания будущего и вопрошения мертвых. Это обыкновение, подобно и всем суеверным обычаям, получило начало на Востоке или в самых северных странах, и происхождение его теряется в глубочайшей древности. Некоторые утверждали, что некромантия впервые появилась

в Греции, в противоположность мнению других, которые полагают, что она внесена была туда из Персии и Египта, но доказать это трудно. Примеры некромантии мы видим и в Ветхом завете, напр. в I кн. Самуила ⁴¹, гл. I, ст. 28, а в 5 кн. Моисея, гл. 18, ст. 11, она воспрещается, как искусство злого духа. Во II кн. «*Одиссеи*» [...] Улисс вызывает из преисподней тень Тирезиаса. Обряды, которые при сем описывает Гомер, не заключают в себе ничего чародейственного и в сущности состоят в принесении с особенной торжественностью жертвы. Но самое это описание показывает, что обычай вопрошать усопших существовал в Греции и гораздо прежде. В некоторых местах этой страны существовали с незапамятных времен оракулы смерти (Todten-orakel), и самое сошествие *Орфея* [...] в преисподнюю некоторые ученые применяют к некромантии и полагают, что часто встречаемое в преданиях о героях выражение: *они низошли в преисподнюю*, значит: *они спросили оракул [а] смерти*. Впоследствии, когда некромантия вывелась в Греции, она нашла убежище в Фессалии — отчизне волшебства и суеверных обычаев, которые постепенно дошли до изуверства. Чародеи, приписывая человеческой крови и телу, исторгнутому из могилы или снятому с виселицы, чудодейственную силу, позволяли себе самые возмутительные обряды, для того чтобы поразить и увлечь умы легковверных. Так, например, они снимали с костра полуобгорелого человека, зарывали живых в землю, вырезывали из утроб матерей неразвившихся младенцев, иногда нарочно убивали человека, чтобы спросить дух его прежде, нежели он отойдет в преисподнюю. Некромантию как искусство вызывать тени и души усопших называли также скиомантиею или психомантиею. Она существовала даже и после совершенного падения язычества, но вопрошатели довольствовались ответом, слышавшимся из-под земли, на могиле покойника.

НЕОЛОГИЯ ⁴². Это слово употребляется иногда для означения слова или речения, вновь введенного в какой-нибудь язык и не имевшего прежде в нем права гражданства, но вообще оно обозначает *нововведение* и также самый *акт нововведения*, или *нововводительства*. Ныне, хотя и с меньшим предубеждением и ненавистью, чем во времена большого варварства и невежества, смотрят на неологию, неологизм и неологистов, но все еще для них

не совершенно прошла пора гонения, преследования и не настал век мудрой терпимости и всеобщего благорасположения. Так, император Наполеон не понял Фультона!?. И не стратегии и тактике Наполеона, а силе сжатого пара суждено преобразить землю и возвысить человечество!..⁴³

У нас официально в литературе, т. е. в схоластических руководствах к познанию словесности (*иных покуда еще не имеется*), вопрос о праве и законности неологии и неологизма в словесности не решен положительно. Неологию, как в литературе, так и везде, преследуют люди устарелые и преимущественно отсталые, не могущие ни следовать за современным развитием человечества, ни ему сочувствовать. Монотонность и даже пошлость явлений, среди которых бывает суждено большей части людей провести свою жизнь, нимало не возбуждающая к деятельности их ум, повергает его в апатию; от этого происходит то, что разность между общим ходом человеческого развития, жизнью таких людей и ее развитием будет все более и более увеличиваться, так что всякое новое явление, чем яснее и полнее будет оно выражать действительные требования природы, т. е. [чем] большего взаимодействия различных сил природы будет потребно для явления его в мир действительной жизни, *чем будет оно необходимее, а не случайнее, тем случайнее, страннее, чудеснее будет оно им казаться*. Для таких людей, у которых разумность младенчеству от устарения, всякое *нововведение будет казаться нелепостью*. К этим людям принадлежат литераторы-пуристы⁴⁴, посвятившие себя в рыцарей — защитников первобытной чистоты форм языка. Такие люди готовы преследовать все не освященное столетним употреблением, не обращая нимало внимания на то, что нововведение будет прямым результатом необходимости выразить в новых и определенных формах вновь возникающие разумные потребности в народе. Ум этих людей не может возвыситься до сознания развития не только нравственного или умственного, но даже физиологического (растительного), — от этого их близорукому взору вся жизнь природы кажется вмешенной в тесный круг возвратных и беспрерывно повторяющихся явлений!! Им от этого вовсе не кажется, чтоб развитие жизни в природе постоянно вносило в мир явлений действительных новые, сравнительно лучшие и совершеннейшие формы для своего обнаружения; *что беспрерывность нововведений, новизны, нововво-*

дательства была внешним выражением жизненного принципа в природе и что жизнь сама в себе есть не что иное, как ежесекундная неология. Остановись это преобразование, эта замена одних форм обнаружения жизни другими, прекратись неология,— тогда помертвление будет уделом всего сущего. Если для жизни природы безорудной *sine qua non** будет непрерывное изменение ее форм или внешних знаков ее обнаружения, то этот общий закон преобразования форм будет иметь еще большее значение относительно разумной стороны человека, наиболее полное свое обнаружение он должен и будет иметь в сфере человеческого мышления и творчества в обширном значении этого слова.

Язык вообще, как совокупность известных знаков, принятых для обозначения определенных проявлений или требований, как духовных, так и материальных, природы человеческой, должен неизбежно подчиняться сему закону и органически развиваться и преобразовываться соответственно развитию человечества. Высший идеал, к практическому осуществлению которого следует стремиться языку как знаку, как материальной оболочке мысли,— это точная и верная дагерротипировка мысли во всех ее многообразных изгибах и положениях, столь совершенная и полная, чтоб форма являлась вполне соответствующей содержанию, так, чтоб при виде ее не оставалось никакого недоумения в самом содержании. Развитие нравственное, промышленное и политическое какого-либо народа, братское и дружественное его общение с другими народами необходимо вносят в средину его вседневного быта (общественного) новые потребности, для обозначения которых, как фактов действительных, безусловно необходимо введение в язык новых слов или путем этимологического образования из прежде бывших в употреблении слов, или чрез прямое заимствование из других языков, почему скорее следует осуждать писателей за их робость, за боязнь относительно нововводительства, нежели за самые нововведения, как это делают присяжные господа пуристы, не видящие в языке ничего, кроме мертвой буквы, предполагающие человечество и все народы, вопреки истории, вошедшими в мир с полным развитием их сил. До тех пор нельзя ожидать сознательности в развитии народа и раци-

* * *

* Непременное условие.— Ред.

ональности в его общественной жизни, пока язык его не приобретет способность выражать вполне все разнообразные требования рационально развитой природы человеческой. Такое старание о развитии языка, нам кажется, скорее должно быть занятием истинного литератора, желающего быть национальным, чем сомлевание от восторга при разборе заунывной бессмысленности какого-нибудь напева, вроде *ай-люли*!!.

Разрешение вопроса о праве и законности неологии в языке или в языках приводится к разрешению следующих вопросов: достигло ли человечество полного своего развития? Совершился ли в нем вполне акт самосознания или сознания природы?.. Достигла ли в нем жизнь природы до своего высшего проявления?.. Содержат ли настоящие языки — органы или знаки проявления разумности (сознания) в человеке — все потребные формы для обозначения многообразных обнаружений сознания и сознательности в человеке? — На все эти вопросы мы должны сделать ответ отрицательный, убеждающий *в абсолютной необходимости неологий и нововведений* всякого рода для развития общественного [...].

Слово *неология* употреблялось многими теологами, приверженцами католицизма, для означения *антикатолического* или, так сказать, неправославного учения, — а самых преподавателей этого учения неологами [...] ⁴⁵.

НЕОПИФАГОРЕИЗМ. Учение *новопифагорейцев*, философов, которые возобновили учение Пифагора о числах [...]. Повод к этому подал иудейянин Филон ⁴⁶, изучавший Пифагора. Когда именно и как возобновилось это учение, мы не имеем достоверных известий. В нем нет простоты Пифагоровой, но видно мистическое направление ⁴⁷, происшедшее от столкновения Запада с Востоком. Замечательное лицо между неопифагорейцами — Аполлоний Тианский (из Туапа) ⁴⁸, родившийся при Августе. Биография его *преисполнена деяниями сверхъестественными*. Впоследствии, когда возгорелась вражда александрийской школы с христианской религией ⁴⁹, чудесные дела Аполлония Тианского были еще более преувеличены и *противопоставлялись чудесам новозаветным*. Повествуют, что Аполлоний путешествовал к магам и в Верхний Египет; что источник мудрости Пифагоровой он нашел в Индии; что

Сам Пифагор, посвященный в таинства египетских жрецов, познал их мудрость, заимствованную ими из Индии.

НЕОПЛАТОНИЗМ⁵⁰. Христианская религия явилась в такую эпоху, когда древний мир одряхлел и разрушался. Греческие идеи еще с Аристотеля остановились в своем развитии вместе с распадом общества, в котором они развивались. Смутное время народного упадка вполне отразилось в философии: мыслители, следовательно, люди, постигавшие быт современного общества, видели, что вековые понятия этого общества теряли свою силу, что политический и нравственный порядок исчезал, верования слабели, одним словом, языческий мир был в полном и неисцелимом расстройстве. Эти люди со скорбью отвернулись от возмутительного зрелища и стали искать утешения в самих себе; стали искать средства отрешиться от общества, привести себя в независимое положение; таковые были *стоики и эпикурейцы* [...], сходные в основной цели, но противоположные в средствах, в путях, которые они избрали к достижению этой цели. Те и другие, поставляя мерилom истины свою собственную личность, развили догматику, постоянные, неподвижные правила и тем вызвали против себя скептицизм Пиррона [...]. Нападения этого скептицизма были страшны: он подрыл и разрушил все, что до него было создано, и тем приготовил торжество мышления в последующих веках. Между тем вся политическая жизнь тогдашнего мира сосредоточилась в Риме: внутренняя пустота прикрылась блеском всемирной империи; роскошь, утонченная нега и разврат царствовали среди беспечного веселья, а неизлечимый смертный недуг общества таился под этой пышной наружностью. Существование этого общества было уже измерено; оно должно было скоро прейти, ибо в нем уже не было жизни. Но из него суждено было возродиться новому порядку вещей...

В этот век безумного деспотизма и рабского унижения явилось учение новое, могущественное, *возвестившее нравственное равенство*, основанное на началах неслыханных, непонятных для древнего мира, *на началах любви и равенства по духу*. Невидимо для гордых всемирных граждан, оно разливалось по земле... Проповедь назаретянина спешно сзывала избранных под крестное знамя, а Рим еще не догадывался, что это победоносное знамя скоро водрузится на его развалинах, что дикие, страшные

толпы которых он давно завидел на своих северных границах, что эти свежие, полные юных сил народы готовятся стать его преемниками в мировой жизни!

Когда Рим собирал последние остатки своих политических сил, чтобы удержать грозящий напор варваров, в то же время в Александрии собирались последние силы умирающих идей древнего мира на свою защиту; там образовались *неоплатоники*, философы, которые стремились к поддержке упавшего язычества, старались поновить его, придать ему новую форму и новое значение. Александрия стояла на рубеже трех частей света; цветущее состояние, в которое привели ее лагиды, знаменитая библиотека привлекали ученых и любознательных отвсюду, тем более что при недостатке книгопечатания собранные там рукописи были единственные в целом мире. Там, в этом богатом, разноплеменном городе, сталкивались разные мнения, направления, понятия. Вопрос об *определении отношений частного к всеобщему, мира явлений к началу являющемуся, человека к богу* составлял главную задачу александрийских мыслителей; он не мог быть решен иначе, как путем чистого разума. Так как главная их цель была — доказать рациональность политеизма, то они прибегали к памятникам, и потому существенный характер их школы — эклектизм, и они внесли его в греческую философию. Замечательная черта александрийцев есть космополитизм в религии⁵¹. Из первых философов этой школы известен *Аммоний Саккас*, но он известен почти только по имени. Из последователей его преимущественно развил неоплатонизм *Плотин*, который жил спустя около 200 лет по р. х. Сочинения его, названные *Эммеадами*, состоят из отдельных рассуждений или даже просто отрывочных сентенций. В одном месте Плотин высказал мысль, которая может дать понятие о том, как занимали этих мыслителей истины новой религии, *христианские понятия о божестве*, и как эти истины *сливались у них с учением древних*. Он говорит: «Для достижения возможности постигнуть высшее начало надо быть в экстазе». Экстаз принимает он в смысле стремления духа к единому вечному глаголу (Logos)⁵² и состояние восторга объясняет так: «Когда душа, отрешась от материи, удерживает одно представление чистого бытия, тогда она приближается к божеству и приходит в восторг». После Плотина были еще: *Порфирий*, *Ямблих*, отличавшийся страстью к чудесному, и, наконец, *Прокл*, проявив-

ший преимущественно религиозный космополитизм; у него заметна попытка создать определенную систему и значительно развита диалектика, но он не мог оторваться от поэтической прелести греческих преданий, и страсть к мифам и метафорический язык сильно затемняют его учение.

Призвав на помощь Пифагора, Платона и Аристотеля, вызвав давно утратившие свое значение мифы и прибавив к тому новый восточный элемент, неоплатоники при всем желании остались древними язычниками являлись в этом отношении неверными самим себе: древняя мысль не могла вынести заданного ей вопроса, и они против воли подчинились влиянию христианского учения, с которым вступили в борьбу... в этой борьбе они взялись за оружие, им не свойственное — *мистицизм*, что и было причиной гибели древнегреческого язычества, ибо для него прошел век чудесностей, наставал век рационализма, *чего не было и тогда еще не могло быть для христианства*.

В 529 году Юстиниан велел закрыть Александрийскую академию и выгнать всех языческих философов по просьбе отцев церкви. Этими гонениями заключился век греческой философии, и началось гонение на всякую философию. Изгнанники нашли прием в Персии у Хосру. Впоследствии они воротились в Европу, но век их не воротился с ними!.. Последовавшие за сим века уже не были временами чистого мышления, но фанатизма, или безусловного верования*.

* * *

* Под влиянием стремления, подобного неоплатонизму, развились почти в то же время два других учения: *каббала* и *гностицизм*. Первая (в переводе — «тайная премудрость»), игравшая важную роль в средние века у алхимиков, была не что иное, как попытка объяснить иудейскую религию спекулятивно. Мысль облечь еврейские догматы в философскую систему, слить эти догматы с учением древних философов принадлежала иудеянину Филону; впоследствии она получила дальнейшее развитие в каббале, которая заключается в двух книгах: «Иезирах» и «Зогар». О происхождении этих книг неизвестно ничего положительного. Книга «Иезирах», по мнению некоторых, была дана богом Адаму при изгнании его из рая; другие, умереннейшие, приписывают ее какому-то равви Якибу. В ней рассуждается о сотворении мира. «Зогар» сочинена евреем равви Шемеолом. Эта книга в XVII столетии была переведена на латинский язык под заглавием *Porta coelorum* (врата небесные). Мистицизм — господствующий характер каббалы. Гностики старались христианские догматы облечь в форму аллегорий [...], *сомневались в действительности жизни, страдания и воскресения Христа*; утверждали, что *все это было только кажущееся*.

НЕОХРИСТИАНИЗМ ⁵³. В Западной Европе вообще под неохристианизмом понимают учение христианское, очищенное от всяких предубеждений ⁵⁴, вошедших в него от влияния разных народностей путем исторического развития, и развивающееся соответственно общему ходу развития человечества и разумности. Это понятие утверждается на том, что религию и религиозные убеждения отнюдь не должно рассматривать отдельно от жизни человека и человечества и что она во всех своих проявлениях находится в тесной и полной зависимости от всех обстоятельств, имеющих или могущих иметь влияние на самый быт человека. Одним словом, религия не есть явление случайное, но необходимое и неизбежное в разумной жизни человечества, не выдумка чьего-либо досужего воображения, но *выражение действительного требования определения причинности явлений*; она есть *не что иное, как мирозозерцание, соответствующее различным степеням умственного развития различных народов*. Этому общему закону органического развития подчиняется также и христианство как нраво- и вероучение. Основная идея христианства — *любовь*, выразившаяся в этих многозначительных словах Христа: *возлюби ближнего, как самого себя*, — подобно всякой другой идее, являющейся практической формулой для определения разнообразных отношений жизни общественной в известном обществе, должна была подчиниться общему закону органического развития; значение и практическое действие этой идеи должно сохранять до тех пор всю свою целостность, пока все возможные выводы из нее не будут проверены действительной практикой и пока все постороннее, примешанное к основному догмату, не будет от него отделено путем сознательного анализа и опыта. И только потом может начаться круг действий *другой, новой и более разумной идеи*. Проникновение общества идеей христианства, или *любви*, совершалось медленно и постепенно, пока, наконец, не достигло оно полноты и не проявилось, по мнению неологов, в неохристианизме [...].

НЕПОТИЗМ ⁵⁵. Это слово произведено от латинского слова *peros* — племянник и употребляется в русском

* * *

На сем основании завязался у них жаркий и продолжительный спор с отцами церкви. Из гностиков замечательны: Базилид и Марк.

так же, как и во французском языке, откуда оно заимствовано, для обозначения особенного покровительства, оказываемого своим родственникам людьми, занимающими важные должности в государственном управлении, равно как и разнообразных злоупотреблений, губительных для благосостояния общественного и развития народного, проистекающих от такового пристрастного покровительства, оказываемого людям недостойным и неспособным во имя их родственных связей, часто во вред людям истинно способным, достойным и действительно любящим свое отечество. Первоначально это слово употреблялось, собственно, только для обозначения обычая пап раздавать духовные и светские должности своим родственникам. В странах, где *выбором общественным* определяются все лица к отправлению их должностей, nepотизм меньше имеет места, ибо он был бы губительным для лиц, чрез меру подчинившихся влиянию родственности, ибо занятие должностей людьми, неспособными и не имеющими гражданских добродетелей, послужило бы не опорой для лиц, им проложивших к ним дорогу, но прямо повлекло [бы] за собою утрату общественного доверия и уважения. Развитие nepотизма в государственном управлении весьма вредно для общественного благосостояния, ибо лишает народ всякого доверия к правительству и отклоняет людей, истинно способных и достойных, от посвящения своей деятельности пользам отечества и развивает ужасное зло лихоимства, наущничества и производит самое нерадение к пользам общественным и народным [...].

НЕСТОРИАНИЗМ. Сириянин Нестор, патриарх константинопольский (428 г. по р. х.), ученик Диодора Тарского и Феодора Мопсуэстского, известный своею *ученостью, разумностью и благодушием*, вместе с пресвитером Анастасием *не хотел признавать деву Марию богородицею* и потому навлек на себя обвинение Кирилла Александрийского в том, что он *излишне различает двойственную природу Христа*, за что был на эфесском соборе (431) как *еретик* лишен своего сана и умер в изгнании. Он не основал никакой секты, но мнение его сделалось известно под именем «несторианизма» и нашло *множество* последователей, которых называют «несториадцами».

НИВЕЛЛЕРЫ ⁵⁶. Наименование *нивеллеров* (уровнителей) присвоилось многим *партиям и сектам* [...] в разных странах; так, напр., в Англии под этим именем иногда разумелась партия *левеллеров* (levellers) [...]. Преимущественно так называли из анабаптистов приверженцев и последователей Мюнцера, бывшего главным предводителем нивеллеров во время так называемой Крестьянской войны. Учение нивеллеров, по словам Sleidan'a в его «Истории веры и государства», состояло в следующем: 1) все лица к отправлению духовных или церковных должностей определяются общим народным избранием; избраны к отправлению этих должностей могут быть все без различия; 2) слово божие должно быть проповедуемо и объясняемо, следуя прямому внушению своей совести и разума, нимало не заботясь о применении его к положительным гражданским или политическим учреждениям; 3) так как учение Христа есть учение равенства, то рабство должно быть уничтожено в христианском мире; 4) многообразные подати, которыми отягчен был народ со времен феодализма, должны быть уничтожены, и единственно десятинный сбор с зерновых произведений может быть сохранен; 5) все помещики или землевладельцы должны предоставить принадлежащие им воды и леса в общее пользование; 6) все же земли, не принадлежащие кому-либо в особенную исключительную собственность и на право владения которых не имеется особенных законных и положительных доказательств, должны поступать в общее владение. Некоторые из их требований в течение времени были исполнены в Германии, но не без кровопролития, ибо *нет примера восстания утраченных прав без жертв кровавых и гонения!!*.

Учение нивеллеров значительно распространилось в Германии; главная причина его успехов, так [же] как и самой *Крестьянской войны*, с которой его история тесно связана, были те ужасные угнетения, которым подвергался в то время в Германии низший класс народа от высших классов. Это учение нашло такое сочувствие в Германии, что последователи его успели завладеть несколькими городами в Германии, как, например, Мюнстером, где на некоторое время нашло себе почти совершенное осуществление учение нивеллеров. Соединенными силами имперских князей они были разбиты, изгнаны из городов, которыми им

удалось завладеть. Этим окончилось политическое существование общин, организованных в духе учения Мюнцера. Умереннейшие из нивеллеров, более следовавшие религиозной стороне этого учения, чем политической, известны под именем *анабаптистов* [...].

НИГИЛИАНИСТЫ. Так назывались Петр Абелард (1180) и его последователи, *сомневавшиеся в историческом существовании Христа*. Учение их называлось *нигилианизм*.

НИКОЛАИТЫ. Основываясь на обыкновенном, не символическом толковании того места в «Откровении Иоанна» (гл. 2, ст. 6), где упоминается о «николаитах», и свидетельстве отцов церкви Ириней и Климента Александрийского, под сим именем должно разуметь *еретиков* (?!), которые в I столетии распространили свое учение в Сирии и Малой Азии. Они проповедовали *неограниченное, полное удовлетворение всех требований человеческой природы*.

НОМИНАЛИСТЫ. Одним из главных учений, образовавшихся по распадении *схоластической философии* [...], был так называемый *номинализм*, которому компьенский каноник Россен дал определенное значение. Он, между прочим, говорит, что «общие понятия (идеи) суть только простые слова (*nomina rerum* или *flatus vocis*)*, которым в действительном мире нет ничего соответствующего». Далее, последователи его утверждали, что «истинно и действительно (реально) только единичное и подлежащее чувствам, а что общее производится только тождественными впечатлениями в глазе». Противуположное сему учение *реалистов* [...] утверждало, что общие понятия «не сами собою образуются в уме, но возбуждаются в нем фактами мира действительного и вполне им соответствующего». Приверженцы сего последнего учения были единственные идеалисты, которые так далеко простерли значение «отвлеченного» (*abstrait*). Номинализм был осужден в Соассоне в 1092 г.; и учение реалистов сделалось господствующим. В свою очередь оно распалось на новые школы: томистов, скоттистов и т. п. Между тем в XIV столетии францисканский монах Вильгельм Оккам

* * *

* Название вещи или порыв голоса.— *Ред.*

(родом из Суррей), ученик знаменитого Дунса Скотта, возобновил спор номиналистов с реалистами, из которого первые вышли победителями. Он нападал особенно на отстаиваемую реалистами «предметную реальность, пробуждающую в уме общие понятия, которые, по мнению Оккама, имеют только субъективное значение и суть проявления отвлекающего ума (*abstrahierend*)» [...]. Номиналисты, хотя и часто бывали сильно преследуемы (в Париже 1339—40, 1409—73), но зато и они, как то доказывает осуждение Гуса, не слишком кротко поступали с реалистами, которые по временам получали перевес как во Франции, так и в немецких университетах. В истории философии средних веков эти споры особенно замечательны тем, что они пробудили в ученых того времени дух свободный и не стесняемый современной теологиею, который открыл путь к знаменательной философии следующего столетия⁵⁷.

НОМОКАНОН. Собрание законов гражданских и церковных. Первоначальное составление его приписывают Иоанну Схоластику, жившему при Юстиниане юрисконсульту, впоследствии вселенскому патриарху. Еще во время пресвитерства своего он собрал правила 4 вселенских и 6 поместных соборов и 68 правил св. Василия Великого*.

Это собрание, в соединении с выписками, сделанными из *Кодекса Юстиниана* [...], касающимися дел церкви, и с присоединением к каждому титулу соответствующих постановлений закона гражданского, получило название «номоканон»**. В IX веке патриарх Фотий расширил объем этого церковно-гражданского уложения. В России уже в XIII столетии существовал перевод номоканона, а при Алексее Михайловиче он издан с прибавлениями под именем *Кормчей книги*⁵⁸. По издании Уложения по правилам номоканона повелено было воеводам судить дела уголовные, и поныне Кормчая книга принимается за руководство в духовно-судных делах.

* * *

* Впоследствии прибавлены были правила последующих 3 вселенских и 9 поместных соборов и другие церковные постановления.

** От греч. *nomos* — закон гражданский и *kanon* — з[акон] церковный [...].

НОРМАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ⁵⁹. Это выражение буквально означает: *правильное состояние*, т. е. состояние известного предмета, *соответственное законам его природы*. В этом смысле оно не может быть употреблено вместо выражения *естественное состояние** или *положение*, ибо вообще в природе никогда предметы не бывают в неестественных, или ненатуральных, положениях или состояниях, хотя и могут некоторые из них являться взору наблюдателя неправильно или ненормально развивающимися, находясь под влиянием сильнейших действующих сил природы, нежели те, которыми определяются формы их органического развития. Нормальных, или правильных, состояний будет столько, сколько находится в природе различно организованных существ; поэтому и формула нормальности развития будет различна для различных существ. Выражение «нормальное развитие» или «нормальность развития» без большой ошибки может быть употреблено вместо «нормальное состояние», ибо в понятии о состоянии предмета всегда заключается понятие о постепенности его развития.

Выражение «нормальное состояние» во многих новейших философских сочинениях, особенно социальных, употребляется как техническое для обозначения *нормальности развития общества, человека и человечества*.

Нормально развитым человеком обыкновенно называют того, в котором все силы его природы, все страсти, гармонически развитые, являясь вполне свободно-деятельными, пробуждая его к деятельности, непосредственно ведут его к исполнению его высокого назначения. Такое нормальное развитие, всего менее зависящее от лица, им пользующегося, всегда предполагает определенную массу средств, доставленную обществом для удовлетворения нужд человека (*minimum de l'existence*), без которой акт его жизни или жизненного развития являлся невозможным, так что нормальность развития или нормальное состояние человека находится не только в связи, но и в полной зависимости от нормальности развития самого общества.

Нормально развитым, или благоустроенным, обществом — обществом, находящимся в нормальном состоянии, — будет то, которое *доставляет всякому из членов своих средства для удовлетворения их нужд пропорцио-*

* * *

* Для большей ясности советуем прочесть ст. *Натуральное состояние* [...].

нально потребностям и поставляет всякого человека в такое положение или отношение к целому обществу, что он, предаваясь вполне влечению естественных своих побуждений, нисколько не может нарушать гармонии общественных отношений, но будет деятелем, не только полезным самому себе, но и целому обществу без самозаклания личности.

Человечество тогда только можно почесть достигшим *нормального развития* или *состояния*, когда дух единства и единения проникнет всех людей... и будет едино стадо и один пастырь (ев. Иоан., гл. 10, ст. 16). Когда физические и нравственные силы отдельного человека достигнут апогея их возможного развития и для человека вообще настанет пора самосознания, самозакония, общности и общительности; когда человек войдет в непосредственное общение с природою и *все люди в совокупности явятся полными властелинами* живых действующих сил ее (земли), и они будут покорными орудиями человеческого произвола; когда все, что считается трудом удручающим, отвратительным... обратится в *источник непосредственного наслаждения жизнью*. [...].

НОВАТОРСТВО⁶⁰. Это слово очень часто употребляют вместо слова «нововводительство». Так как значение этого слова положительно не установилось, то мы займемся его определением.

Масса действующих сил в природе от вечности постоянно одна; разнообразие явлений, в ней замечаемое, есть не что иное, как произведение многообразной комбинации этих постоянно действующих сил природы. Эти положения новейшая наука признала истинными и положила в основу своего мирозозерцания. Из них прямым выводом будет утверждение, что в природе нет и не может быть ничего совершенно нового, то есть такого, чего прежде не существовало под другими формами, и что все вообще изменения природы (состоя в перестановке действующих сил) имеют значение только относительно известных, определенных точек мироздания, мысленно принятых за неподвижные и за точки опоры для обозрения мира и его явлений.

Поэтому «новаторством», «нововводительством» в применении к человеку называется акт его как существа самозаконного и самосознательного, приводящий [в дви-

жение], на основании более общих законов мироздания (нежели те, коими доселе направление их определялось), действующие силы (предметы) в природе или в человеке, доступные его владычеству и управлению, и чрез это сочетание вносящий в сферу мировой жизни новый ряд или род явлений, необходимость происхождения которых нельзя [было] бы вывести логически, непосредственно из общего хода предшествовавших и присущих явлений, в бытии которых он является первой, главной причиной и творческой силой. Почему, чем полнее, рациональнее будет акт новаторства, чем наибольшее количество действующих сил в природе обнимет он и приведет в движение, тем многообразнее может быть и будет сочетание действующих сил, тем чудеснее, поразительнее и разнообразнее должны быть результаты новаторства, тем наибольшее противодействие он должен встретить в прежде установленном сочетании сил. Чем важнее будет новаторство в сфере быта общественного, тем большее количество интересов оно должно потрясти, тем наибольшую реакцию встретить в нравах общественных, так что сила противодействия новаторству будет находиться в прямом отношении к его полезности. Примером новаторства истинно социального может служить реформа Петра I. Мы пользуемся плодами возбужденного ею разумного движения в России именно потому, что творческая обновительная его деятельность коснулась всех частей организации общественной и во всем нравственно-живом и живущем возбудила стремление к *прогрессу* [...], наперекор многим, желавшим остановить в закоснении невежества разумение народа. Примером смелого новаторства в быте общественном могут служить системы Овена, Сен-Симона, Фурье, где аналитическая мысль, с большей или меньшей точностью пройдя по всем составам общественного организма, пыталась вычислить все, даже сколько биений потребно в секунду для правильности и нормальности его отправлений.

НОВАТОР ⁶¹ (novateur). Это прозвание дают и можно давать без различия всякому нововводителю; так что «новатор» под пером иного узколобого *публициста* [...] или писателя может явиться укоризною, которою он хочет отличить нововводителя от прочих людей за странно иногда обнаруженную, высокую всегда по своему началу, потребность — внести усовершенствование в избранную им

сферу деятельности — и предать ее за высокие ее порывы на поругание толпе, привыкшей следовать рутине принятых убеждений, страшась всякого, даже неизбежно требуемого общим развитием человечества, отклонения от мелочных форм прежде установленного порядка, как требующего большей энергии деятельности и мышления, и ведущей за собою многие такие явления, которым образца нельзя встретить в сфере замеченных накануне явлений. Впрочем, отрядным доказательством развития разумности в Европе может служить то, что прежде инквизиция (к счастью, *de facto* везде уничтоженная ныне в Европе), руководимая изуверством, готова была во славу господню, как она мыслила, возвести всякого на свой костер и предать сожжению не только за действительное новаторство, но и за помысл о нем; ныне же *только отсталая половина человечества* глумится над смелым нововводителем и иногда имя его обращает в смешное прозвище. Точно так же слово «новатор» может быть синонимическим выражением для обозначения всего прекрасного, высокого, благородного в природе человеческой, доблестно приносимого в жертву на пользу человечества... Слово сие должно приятно раздаваться в ушах тех людей, для сердца которых дороги высшие интересы человечества и его интегральное развитие. Теперь, пред нелицеприятным судом истории, венец славы принадлежит уже не смелым или кровожадным проливателям крови ближних, но скромным новаторам в области науки и искусства, не мечу окровавленному, но мирной гражданской доблести и мудрости законодательной, не животненной силе, но светлому и ясному разумению. Теперь разрушение перестало быть геройством, и описание станка Аркрайда, или паровой машины Фультона, или какого-нибудь другого нового усовершенствования практического скорее возбудит удивление в сердце читателя, нежели описание знаменитой победы Наполеона, для которой этот гений крушения безжалостно устилал трупами своих соотечественников поле сражения, говоря: *mais c'est de la chair à canons...**

Высока, тяжела миссия всякого новатора и новаторства! К ней можно подготовиться только глубоким и долгим учением, ждать в ней успеха — только при точном знании законов природы. Неудача, страдания, гонения

* * *

* Но это — пушечное мясо.— *Ред.*

были доселе уделом всякого новатора, не льстившего невежеству, но который, руководясь истиною, стремился усвоить ее человечеству. Христос (для евреев, его не признававших...) был только новатором — умер на кресте и стал божеством, спасителем (для верующего в него человечества...). Так таинственна воля господня!!! — и крест — орудие позорной казни — стал знамением и заветом спасения, вечного блаженства и *жизни!*

НОВАЦИЯ⁶² (novation). Происходит от латинского слова *novus* и употребляется в разговоре вместо слов «обновление», «возобновление», хотя, собственно, оно значит новление или акт новления. Иногда *новацию* (обновление) употребляют вместо *реформа* (изменение), но этим отнюдь нельзя заменить *революцию* (преобразование), ибо понятие, представляемое словом «новация» — «новление» и «подновление», — включает в себе представление об изменении или преобразовании, произведенном в данном предмете с целью привести его в прежнее *нормальное положение* [...] и чрез то увеличить его прочность и срок его целесообразного существования. Действительно, в идее реформы также заключается представление об известном преобразовании, менее касающемся основных, существенных начал какого-либо общественного учреждения, нежели второстепенных, т. е. о преобразовании форм, а не сущности.

ОВЕНИЗМ⁶³. Так называется, от имени ее творца, Роберта Овена (Robert Owen, род. 1771 г.), *система взаимного содействия и общей собственности* (*systeme de la coopération mutuelle et de la communauté des biens*), возникшая в Англии в первых годах XIX столетия и возбуждавшая на Западе всеобщее внимание. Основная идея овенизма следующая: «Истинное назначение человека на земле есть жизнь, сообразная с законами его природы, т. е. полное удовлетворение ее требований, выражающихся в потребностях, наклонностях и вкусах. Содействовать человеку в таковом удовлетворении потребностей — значит содействовать ему в достижении *счастья* — высшей, конечной цели всей его деятельности». Отсюда непосредственно выводится разумная необходимость «уничтожить во всех видах его проявления зло, как начало, противоборствующее счастью человека». «Зло и вред, — учит Овен, — могут

причинять человеку самые явления природы; но по мере того как мысль человека подчиняет себе силы природы, раскрывающиеся в *феноменах* [...] земного шара, вредные для человека обнаружения оных постепенно должны умаляться, так что зло физическое потеряет всякую реальность со времени установления верховного преобладания человека над всем составом планеты; к такому результату, очевидно, ведет развитие науки и промышленности. Зло может также иметь своим источником действия других людей; но и в этом виде своего проявления оно должно по необходимости уничтожиться с удалением причин, побуждающих к таким деяниям». Далее Овен старается следующим образом доказать, что последнее *возможно*. «Источник деяний, которые имеют своим следствием зло, должно, — говорит он, — искать не в мнимой испорченности человеческой природы [...]».

Признав полную зависимость деятельности человеческой от обстоятельств, овенизм отвергает свободу человеческого произвола и *всякую ответственность человека за причиняемое им зло, а принуждение и наказание признает средствами несправедливыми и недостаточными к искоренению зла в союзе общественном*. Почему он должен был искать радикального излечения всех недугов общества в *изменении формы его организации* [...]. Овенизм приписывает эти явления влиянию: «1) различных *предрассудков, предубеждений, поставляющих людей в зависимость один от другого*, не вытекающую нимало из естественных законов его природы, или разъединяющих и вооружающих их друг против друга, или же предписывающих человеку, как неперемennую обязанность, неудовлетворение известных безусловных требований его природы и чрез то поставляющих его в тягостную борьбу с самим собою; 2) *неравенства людей по состояниям или положению их в обществе*, откуда проистекает разделение их на касты, разъединенные различием интересов, из которых каждая смотрит на все прочие, как на орудие своего благосостояния, и за общее благо принимает свое частное; 3) *исключительной частной собственности*, которая, развиваясь исторически под влиянием начал наследства и фамильного эгоизма, сосредоточила в руках немногих плоды человеческой промышленности и право на счастье соделала *монополиею* [...] нескольких людей во вред прочим» [...].

ОДА [...] ⁶⁴ На пути всякого развития необходимы крайности: мысль, пока она не обошла своего предмета со всех сторон, попеременно увлекается то той, то другой стороной; в этих-то отклонениях и состоит процесс развития. В первый период жизни неделимого общества или целого человечества чувство, не сдержанное мыслию и усиленное фантазиею, царствует вполне. Весь мир, еще неузнанный, непостигнутый, следовательно, полный чудес, поражает воображение и сильно возбуждает чувство. Порыв взволнованного чувства изливается из души свободно, горячею струею. И все, каждый неделимый предмет, каждое отдельное явление в тот период может быть источником такого сердечного излияния, предметом первобытной, естественной оды.

Далее пробуждается мышление: отдельные предметы и частные явления обобщаются, возводятся в отвлеченные понятия. Воображение, освещенное мыслию, поражается реже, ибо бесконечное множество предметов и явлений, сливаясь в понятия, так сказать, входят в определенные сферы. Естественно, что в дальнейшем ходе по этому пути мысль временно должна была увлечься в синтетическую крайность, впасть в так называемые «общие места». А между тем первый шаг ее деятельности отозвался везде, следовательно, и на произведениях слова: свободные создания воображения частных личностей возводятся в общие понятия, образуются роды словесных произведений и их теории. Но и здесь — тот же закон отклонения: создание мысли — теория, переходя в крайность, превращается в догматику, в неподвижные правила. Эти правила, отвлеченные от частных, случайных явлений, налагаются, как цепи, и на то, что не терпит никаких цепей: воображение, сила чувства, вдохновение подводятся под мерку, ставятся на определенные, заранее назначенные места [...].

Но мысль по существу своему не может оставаться в покое. Она, наконец, отказывается от невозможного, спускается на землю и принимается за строгий разбор того, что ей доступно, что у ней, так сказать, под руками. Это — период разумно-положительный, период анализа. Перед силой анализа рушатся прежде установленные начала; авторитет, общие места, догматика исчезают. Вера остается за тем, что разобрал и одобрил разум; восторг возбуждается тем, чем сознательно поражен разум. Недоступного уже нет для мысли: для нее осталось одно чудо — «начало

всех начал», но она от исследования его отказалась однажды навсегда⁶⁵; все же прочее ей доступно, доступно ее разбору. Как бы ни было материально громадно явление, разум отыщет его исходный пункт, разложит на составные начала,— и громада распадется [...].

ОККАЗИОНАЛИЗМ⁶⁶, или «Система случайных или побудительных причин», есть метафизическое воззрение на проявление предметов в их отношении к божеству, как то излагается в учении Декарта. До него господствовало мнение, что «тело действует на душу и наоборот», и, таким образом, каждому из сих двух начал приписывали способность производить перемены в другом начале. Это мнение о *непосредственной* связи души с телом по законам причинности (*causalitas*) образовало «систему физического влияния» (*systema influxus physici*). Декарт, как более пламенный учитель дуализма, опровергая это положение, объясняет взаимодействие духа и тела «посредствующим влиянием божества, как причины всякого движения» (*assistentia dei*). Впрочем, объяснение его по сему предмету не довольно ясно и определено. Последователь его Luis de la Forge* равным образом признает божество «общую причину всего сущего», но полагает, что взаимодействие духа и материи совершается так, что хотя каждое из двух начал действует отдельно, но оба постоянно пребывают деятельными, ибо каждому дана способность возбуждаться другим. Еще далее развил «систему случайных причин» Arnold Geulinx** (род. в Антверп. 1625, ум. 1669), который говорит, что бог производит все явления, происходящие в том или другом начале. В силу этого учения, не по моей воле, напр., движется мое тело, но «богу угодно, чтобы оно двигалось именно в тот момент, когда хочет того мой дух». Эту гипотезу о взаимной зависимости души и тела расширил Лейбниц в своей «Предопределенной гармонии» (*harmonia praestabilia*).

ОККАМИСТЫ. Последователи философского учения, которое основал Вильгельм Оккам⁶⁷, прозванный *doctor singularis**** или *invincibilis* (непобедимый), жив-

* * *

* Луи де Форш.— *Ред.*

** Арнольд Гейлинкс.— *Ред.*

*** Доктор единственный.— *Ред.*

ший в XIV столетии. Знаменитый Иоанн Дунс Скот был его учителем теологии и философии, которую он начал сам читать в Париже с 1300 года. Он восстановил Филиппа Красивого и немецкого императора Людовика Баварского против тогдашнего папы Иоанна XXII, доказывая, что *папа, как и другой человек, может заблуждаться и что он отнюдь не поставлен главою над светскими властями* *, за что, как водится, римский двор и поразил его отлучением от церкви. Но это не слишком его потревожило: живя при дворе императора, который держал его сторону, он находился в полной безопасности. Дух учения его был совершенно противоположный доктрине *скотистов* [...], и он, будучи представителем *номинализма* [...], искусно опровергал некоторые до того принятые в философии положения.

ОНТОЛОГИЯ ⁶⁸, или «учение о бытии». Так называют ту часть метафизики, в которой исследуют «сущность предметов или свойства, без которых вещь не была бы тем, чем она есть». Она составляет первую часть общей *метафизики* [...], названную Хр. Вольфом *Philosophia prima metaphysicae universalis*** . В область онтологии входит все, что вытекает из понятия о предмете и что, не противореча главнейшим его условиям, приписывается ему как существенный признак. В ней рассуждается: 1) о бытии вообще, его возможности, действительности и необходимости; 2) о существенном и случайном, о причине, действии и взаимодействии; 3) о качестве и количестве, о подобии и сходстве; 4) о пространстве и времени и 5) о простом и сложном, о конечном и бесконечном, о материи, форме и т. д. С тех пор как Кант вызвал вопрос о положительности метафизики и исследовал годность ее оснований для uznания сущности бытия, онтологию заменил анализ понятий и всей представительной способности, названный Кантом *трансцендентальною философию* [...]. Усовершенствователи Кантовых исследований поставили на место

* * *

* Так, напр., в своем «Tractatus de jurisdictione imperii in causa matrimonii» («Трактат о судебном разбирательстве в причинах семейных». — *Ред.*) выводит права государя в деле развода, а в «Dialogus inter magistrum et discipulos» («Диалог между магистром и учеником». — *Ред.*) — превосходство прав короля пред папскими относительно судебной власти.

** Первая философия универсальной метафизики. — *Ред.*

онтологии «критику познавательной способности». В философии Гегеля она является как логика, в которой субъективному мышлению противопоставляется предметное условие мысли. В новейших сочинениях по части спекулятивной философии онтология излагается вместе с метафизикой, хотя и рассматривается с иной точки зрения и в другом смысле⁶⁹.

ОНТОЛОГИЧЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО. Так называется доказательство бытия божия, выведенное из понятия о божестве, как о существе абсолютном⁷⁰. Нечто подобное этому доказательству находится даже у стоика Клеанта. На основании учения Августина особенно развили его Ансельм Кентербурыйский и Декарт. Более замысловатая форма этого доказательства состоит в том, что «мысль и бытие (не чувственное) в понятии о боге тождественны». Критика онтологического доказательства, преимущественно по Декарту, помещена у Канта в его «Критике чистого разума», а у Гегеля — в «Чтениях о философии религии», в начале отдела о доказательстве бытия божия.

ОППОЗИЦИЯ⁷¹ [...] Оппозиция столь же древняя, как и конституция, как признание власти закона, а не произвола чуждого началом регулятивным в обществе для всех отношений, и ей, т. е. оппозиции, упрочиваемой полной свободой выражения мыслей (*par la liberté de la presse*), принадлежит в странах, где господствуют формы правления представительного, на деле охрана законной свободы граждан от властительного произвола. Оппозиция, хорошо организованная, составляет существенный элемент всякого благоустроенного правления; восставая противу всякого рода как правительственных, так и административных злоупотреблений, она содействует к прочности политического организма, поддерживая в нем элемент жизни и движения [...].

Состав оппозиции всегда бывает разнороден: она делится на множество отдельных партий, руководящихся различными, а нередко диаметрально противоположными началами. Для обозначения таких различий к слову *оппозиция* прибавляют эпитеты объяснительные, как, напр., фактическая, роялистская и систематическая.

Фактическую оппозицию (*opposition de faits*) составляют те члены парламента, которые, признав официально

общие или коренные начала государственных учреждений вполне справедливыми, разногласят с мнением большинства относительно разрешения вопросов второстепенных и, не обвиняя эти коренные начала в неверности, осуждают правительство только за неправильность практического их применения. Такого рода была в английском парламенте оппозиция вигов; но со времени *эманципации* [...] католиков и допущения ирландцев к избранию в члены парламента рядом с оппозицией противу неблагоприятных мер правительства, т. е. с фактической (*de faits*), образовалась оппозиция *радикальная* (*opposition de principes*), признающая не те административные начала, которые считаются большинством палаты годными к устройству порядка общественного и к руководствованию правительственной деятельности, а иные. [...]. Во Франции этот отдел оппозиции составляют многие добросовестные и благонамеренные люди, убежденные опытом в недостаточности учений республиканских от неполноты их развития, гибельности для общественного развития военного деспотизма времен империи и в несовершенстве как формулы для организации общественной [...] конституционной монархии и потому требующие полной реорганизации общества [...].

Отличительную черту *систематической оппозиции* составляет безусловное сопротивление мерам министерства и осуждение их для его ниспровержения. Некоторые писатели, а в том числе и Бентам, не одобряют систематическую оппозицию (*opposition quand même*), [...]. Другие же вопрос о справедливости систематической оппозиции разрешают следующим образом: всякая оппозиция, для того чтоб быть действительной, должна опираться на известные общие начала, иметь доктрину [...], которые принимая за путеводные, она должна в духе их уметь разрешать все многосложные вопросы, представляемые жизнью общественной и политической. Такая оппозиция, будучи убеждена в истинности своих начал, заметив гибельное влияние на благосостояние общественное тех людей, в руках которых находится правительственная власть, должна всеми силами стараться об отнятии у них оной, если силы ее к тому дают ей возможность, и в этом случае, противясь их мерам, даже полезным, она поступит благоразумно и справедливо. [...].

Некоторым лицам самое наименование *оппозиция* кажется чем-то странным, диким, предосудительным, едва

не синонимом слова *преступный*, тогда как она *есть явление, необходимое при всякой форме бытия общественного*, ибо она есть не что иное сама в себе, как *обнаружение в мире нравственном общего закона противодействия сил, под условием воздействия или взаимодействия которых совершается развитие всех форм бытия в природе*. Мы не можем указать на земле ни на одно человеческое общество, в котором элементы жизни общественной не находились бы между собой в дисгармонии и которое бы не представляло собою картину хаотического состояния мироздания, в которой все было бы делом божественной любви и святого общения, а не борьбы и вражды всего противу всего и всех. Отсутствие *солидарности* [...] интересов — причина такой ненормальности. Анализируя постепенное развитие жизни общественной и общительности (*sociabilité*), мы находим постоянную замену одних интересов другими, появление новых требований рядом с небывалыми до сего способами их удовлетворения. Цель этой борьбы, этого движения — все та же: развитие, *прогресс* [...], но характер и свойство употребляемых средств для достижения этой цели изменяется по мере улучшения бытия общественного и исправления в духе безусловной, а не кастической справедливости установлений общественных. Прежде оппозиция — при неразвитии общности (*социальности*) и *публичности* [...] — проявлялась у многих народов кроваво и не без некоторого величия, ибо для иных без потоков крови нет величия и величества (*du sublime*); впоследствии — при развитии у них свободы выражения мыслей и права общничества (*le droit d'association*) и установлений, обеспечивающих от насилия личной свободы человека как гражданина, при развитии установлений вроде *суда присяжных* — жюри [...], *публичности судопроизводства* [...] — оппозиция стала являться более правильной и мирной и послужила залогом преобладания разумности над силой животненной и грубой и торжества *разумного самозакония*. И там, где и за что прежде противники нещадно умерщвляли друг друга, теперь они там и о том, т. е. в странах образованных и просвещенных, хладнокровно и мирно рассуждают. Если еще поныне в обществах, подобных Турции, Персии, особенно древней, по своему деспотизму для меньшинства, т. е. для людей бесправных *de jure* или *de facto** [...], так трудно и невозможно

* * *

* Юридически или фактически.— *Ред.*

мирными путями сохранение человеческих прав, то, напротив того, в странах образованных, где обнародованы собрания положительных законов (для воздания всем равной и безыскусственной справедливости), где поэтому, как, напр., в Европе (и в нашем дорогом отечестве), относительно выражения всякого рода новых и человеческих идей — даже несогласных с мнением большинства, но, без сомнения, не разрушающих общих постановлений, признанных однажды навеки справедливыми, — соблюдается полная и мудрая терпимость (см. том XV Св. зак. угол. от ст. 195—205 и др.)... одним словом, в странах истинно просвещенных и образованных новые интересы без мер насильственных снимают тяжелый покров идей обветшалых и предубеждений с разумения общественного и приобретают право гражданства в экономии быта общественного. Здесь разумению и разумности присвоается право безусловной или свободной деятельности, ибо нет в европейских законодательствах (равно как и в нашем отечественном) закона, положительно воспрещающего какой-либо известный род мнений или воззрений как на природу, так и на жизнь и общество (см. Св. угол. зак. I книгу). Высокое преимущество новейших обществ состоит в том, что в них чрез признание *оппозиции законной* для развития человечества, для торжества истины, разума не нужно того, что бывало некогда, напр. в древнем Риме, где *идеи христианства*, этого высокого учения *всеобщей любви*, получили свое господство только чрез *кровопролитие!*.. Нашим законодательством (превосходящим своим благодушием, кротостью и простотою европейские законодательства) узаконяется оппозиция даже противу высших присутственных и правительственных мест, напр. Сената [...].

Всякая оппозиция, каково бы ее направление ни было, в наш век положительного рассудка, так как неблагоприятно действие на одно чувство ненависти или мщения и расчет на увлечение одною личностью других, должна, чтоб быть действительной, основываться на определенных, хорошо выработанных началах и опираться или на общечеловеческие интересы, или интересы целого общества, или по крайней мере интересы сословия, ведать цель своих стремлений и знать верно наилучшие способы их осуществления, одним словом, быть в *духе времени*; иначе она

будет безуспешна и даже смешна безотчетностию своих порывов [...].

ОПТИМИЗМ ⁷² [...]. Оптимизмом обыкновенно называют философское учение, утверждающее, что, не взвывая на несовершенство, замечаемые в отдельных частях мироздания, оно в целости вполне совершенно, и что все, что в мире ни совершается, все совершается к лучшему, и что все другим быть не могло, как тем, чем оно есть. Многие приписывают это учение Плотину и стоикам [...]. Собственно же слово «оптимизм» употребляется для означения учения Лейбница, выраженного им в «Теодицее»: «Опыт соглашения учения о предведении и мудрости божией с свободою человеческого произвола и с явлением в мире зла». Это учение в истории развития человечества имеет преимущественно значение как весьма неудачная попытка защиты деизма противу сокрушительных нападений атеизма практического, внушаемого самой действительной жизнью и неудобосогласимостью с идеей о божественной благодати и премудрости многих явлений, как бы нарочно брошенных током мировой жизни пред очи разума человеческого для вечного питания твердости и верности разного рода верований, предубеждений... преимущественно полученных им от предшествовавших поколений и беспрестанно влекущих мысль его в круговорот плодотворных сомнений... Так, например, *атеизм* [...], т. е. учение, отвергающее бытие божества и действительность премудрости всемогущего промысла, опирается на факты, по его мнению, прямо ему противоречащие, подобные смерти детей в утробе матери, смерти всякого человека вообще до времени полного органического и умственного его развития, и, одним словом, гибель всякого существа, не достигшего нормальности развития, т. е. не выполнившего своего назначения, как представляющая непроизводительную или менее, нежели следовало, производительную трату живых сил природы, не оправдываемую никакими видами практической пользы или наставления. Эти факты, равно как другие, сему подобные, постоянно остаются доселе камнем преткновения и соблазна для мыслителей, пытавшихся согласить зло с вечной благодатью, творческое предведение — с свободою человеческого произвола... [...].

Оптимизм, как одна из внешних форм обнаружения учения деизма, заслуживает внимания еще тем, что пока-

зал нетвердость начал даже богопознания рационального (т. е. рассудочного) и невозможность всякого богопочитания без безусловного признания положительных откровений!.. Так глубоко и всеобъемлюще значение веры!.. Без веры неть спасения!..

ОРАКУЛ ⁷³. Так у древних называлось или божество, предрекавшее будущее, или то место, где находилось проциалище.

При первом воззрении на мир человек во всем видит сверхъестественное: природа является божеством, или, лучше, всякий предмет представляется жилищем божества; всякое явление природы — непосредственным действием божества. Эти обоготворенные предметы, эти *фетиши* [...] окружают человека отовсюду: он сталкивается с ними на каждом шагу...

Отсюда прямо вытекает вера в предвещения: все бесконечно разнообразные народные приметы, от крика ворона до явления кометы [...], имеют источником это первобытное воззрение.

Но вместе с успехами человека в деле естествознания таинственная завеса, скрывшая причины явлений, мало-помалу спадает с очей его, неразгаданное становится понятным, чудо признается простым, натуральным фактом, одним из проявлений жизни природы; в нем ищут уже не откровение божества, не предтечу труса, потопа и нашествия иноплеменных, а стараются узнать, удобоприменяем ли он к практической жизни человека и какое значение может иметь в сфере его деятельности, а идея о божестве считается понятием условным... *

Чем менее масса сведений человека о природе, тем в более тесной зависимости от нее он находится, тем более подчинен он влиянию могучих перемен, в ней происходящих, тем безусловнее его вера в «чудесное», не вытекающее из общего хода явлений природы, ибо все недоступное младенческому уму его он бессознательно относит за пределы видимой природы и живописует себе божество, сообразно с обстоятельствами, то мрачным, карающим, губящим, то радостным, милосердным, благим... В том и другом случае он старается приобрести благоволение божеств

* * *

* Его вводят только в крайних случаях для разрешения непосредственно неразрешимых вопросов, что *общее всем религиям...*

своих: жертвы, моления, песнопения, сооружение храмины для его особенного, «тайного» присутствия — все клонится к тому, чтобы задобрить небесную аутократию и испросить ее посредничества в житейских превратностях... вымолить рождение сына и даже нескончаемое потомство, прощение за убийство ближнего, месть врагу, усмирение разгневанной стихии (бури, землетрясения), снятие с народа тяжкой кары — голода, язвы и т. п.

Но всякое явление природы имеет узаконенную продолжительность, свое начало и свой конец; закон мировой необходимости очевиден... Поэтому во все времена человечеству оставалось только бороться с враждебными (т. е. в известный момент проявляющимися таковыми) явлениями природы, приискивать разумные средства для противодействия им и предупреждения их. Поэтому всего важнее для человека знать предопределенный ход, процесс явления, ему угрожающего, одним словом, знать критический момент жизни (о котором можно заключать только по данным, взятым из прошедшего); короче, ему желательно узнать грядущую судьбу свою, «попытать будущее»...

При настоящем состоянии науки подобная задача нередко может быть решена удовлетворительным образом*. Притом та же наука показывает нам и пределы, за которые не может проникнуть пытлиное око нынешнего человека, исчисляет вопросы, которые мы должны завещать счастливому потомству, которому суждено дознать и решить многое, чего не успело для него сделать настоящее поколение...

Но что могли сделать в этом отношении люди первобытных обществ, когда наука была в младенчестве? Из каких данных черпать знания о необходимом последующем или, как они говорили, узнавать волю Божию?..

* * *

* Астрономические и метеорологические наблюдения с большей или меньшей точностью определяют изменения атмосферы, небесные явления, урожаи и т. п. Теория вероятностей с каждым днем более и более находит применений к самым разнородным явлениям жизни; наконец, самое наглядное изучение природы дает человеку возможность угадывать предстоящие перемены. Так, матросы на корабле, без всяких теоретических знаний, по навыку и разным приметам, предсказывают бурю, попутный ветер, безветрие и т. п. Многолетняя практика врача дает ему возможность с уверенностью определить приблизительное долголетие жизни, близость смерти или выздоровление его пациента.

Не зная свойств и причин явлений, они толковали их по-своему... Единичный факт, не подвергнутый разбору, становился роковой приметой; случалось ли, напр., какое-нибудь несчастье в полнолуние, с тех пор полнолуние почиталось эпохою бедственной, фатальною... Дикий корень исцелял больного от недуга, и растение становилось предметом всеобщего почитания и чуть ли не средством от всевозможных болезней... Удачная битва и победа над врагами доставляла предводителю место в иерархии богов, святых, и имя его переходило из рода в род и мало-помалу делалось нарицательным для означения идеала геройской доблести или военной хитрости.

Очевидно, и в этот период жизни человечества люди, более других знакомые с природою и обладавшие различными полезными в общежитии сведениями, получали чрезвычайный вес среди своих братьев и мало-помалу становились в глазах их отделенными от общечеловеческой судьбы, могущественными... К ним обращался простолюдин, темный человек с вопросами, для него неудоборазрешимыми, в их руки переходила и власть общественная... и переходила на основании более или менее справедливого, ибо если может существовать на земле властительство справедливое, законное и благое, то, конечно, только тогда, когда оно предоставлено благодетелям человечества, которые превосходством ума, таланта и знаний стяжали себе всеобщее доверие и удивление.

Поэтому-то все великие люди древности — цари, полководцы, законодатели — были в то же время жрецами. Влияние и власть великих людей основываются на той прямой пользе, которую они приносят обществу... Но по мере того, как власть переходит от гениального или по крайней мере талантливому и добродетельному человека к лицам ничтожным, неспособным и сомнительной добродетели... для поддержания власти и народного доверия, за недочетом истинных заслуг и полезных открытий, появляется надобность в таинственности, которою последние всеми силами стараются облечь свой сан и свою особу. Они внушают мысль, что *не все люди равны пред богом*, как то возвестило христианство, не все могут сообщаться с ним, а только «некоторые»... учение великих их предшественников подвергается перетолкованию: простой, отнюдь не символический оборот речи получает смысл пророческий; теология обращена в какой-то набор неудобосогласимых ска-

заний, которые помощью всевозможных комментариев принимают за нравственные начала, которые *в сущности можно почерпнуть только из действительной жизни, а не из мифа...*

Ясно, что главную причину подобных уловок должно искать *в невежестве первенствующего класса людей в обществе и сознании их нравственного малосилия*, ибо истинно великие деятели общественные никогда не стараются придать себе величия и силы искусственным способом: личные достоинства и подвиги и благосостояние сограждан — вот лучи их ореола; не нужно им ни мрачного храма, ни раззолоченного престола, ни черной книги, ни чудотворных ладунок... Их проповедь спешно разливается в народе, их воля несокрушима и в стане, и на площади, их учение просто и доступно разумению каждого, как основанное на радикальном изучении природы человека, *а не на насилии и злом обскурантизме.*

Но большинство остается на стороне посредственности... и потому неудивительно явление *оракулов*, прорицающих будущее устами священнослужителей или жреца-шарлатана, чудодействующего пред лицом невежественного народа!..

Первые оракулы, о которых упоминается в истории, были в Египте [...]; отсюда они перешли в Грецию [...]. От греков вера в прорицалища привилась и к римлянам, которые во времена императоров нередко обращались к Дельфийской пифии и др. прорицалищам; впрочем, у них и до того существовали гадания [...].

Влияние оракулов на народ долго было непоколебимо; но, как и все, основывающееся на одной бессознательной вере, должно было пасть с первым пробуждением самосознания. Начало этого самосознания осуществилось в лице Сократа: он первый бросил легкую иронию на нелепую веру в прорицалища, внутренний голос сознания назвал своим оракулом и погиб, как реформатор, жертвою своей проповеди.

Учение христово в первобытной чистоте своей нанесло сильный удар всем возможным пифиям и прорицателям, изобличило их хищничество, коварство и деспотизм и, в противоположность тому являя пример бескорыстия, братолюбия, имея основным догматом милосердие, а целью — *водворение свободы и уничтожение частной собственности*, с каждым днем привлекало себе новых спод-

вижников... Как ни прекрасно начало сего учения, но оно еще не получило нормального развития...

ОРАНЖИСТЫ ⁷⁴. Прозвание, данное в презрительном смысле ирландскими католиками врагам их — туземным протестантам — во время религиозных споров и гонений в конце XVII столетия. Это одно из тех слов, которыми народная ненависть клеймит своих притеснителей...

Вся история Ирландии, от начала ее политического существования почти до наших времен, крайне неутешительна. Во время всеобщего движения народов она некоторое время оставалась неприкосновенною; первые посетили ее датчане; но скоро (во второй половине XII столетия) их сменили другие, более настойчивые завоеватели: с соседнего острова пришли англо-норманны, и это роковое вторжение было началом трехвекового периода кровавой борьбы, борьбы физических сил, движимых, с одной стороны, чудовищным стремлением поработить, с другой — отстаять единственное народное достояние — независимость. Наконец, незаконная сила восторжествовала: Англия достигла своей цели — покорила Ирландию. К несчастью, это случилось только тогда, когда Европа уже пережила первый фазис своего развития, когда в ней кипела свежая великая новость — реформация. Здесь нужно заметить известный физический закон: если на пути какого-либо движения явится преграда, то, чем долее будет держаться этот оплот, тем более прильет к нему сил и тем страшнее будет пролом. Чем долее тянулся гнетущий мрак средних веков, чем глубже подавляли мысль, тем порыв ее был стремительнее. При этом отчаянном порыве могли ли быть соблюдены границы? И если мы видим, с одной стороны, что последние усилия умирающего изуверства, столкнувшись с каверзами отвратительной политики, проявились в Варфоломеевской ночи* и тому подобных возмутительных фактах, то, с другой стороны, энтузиазм исповедников новой веры нередко переходил в фанатизм: поборники новой идеи неистово мстили за минувшее гонение; к тому же политические цели и здесь не замедлили привить свой нечистый

* * *

* См Cabet. «Précis de l'histoire des français», p. 109—114; в I томе его сочинения: «Histoire populaire de la revolution française» [«Очерк французской истории» Кабе. «Популярная история французской революции». — *Ред.*].

элемент к делу религии; и с этой недостойной примесью жаркая борьба идей образовала что-то уродливое, неблагородное... И всего возмутительнее то, что вся беда падала на тех, кто менее был виноват!.. То же случилось и с Ирландией: она еще не успела отдохнуть от ужасов завоевания, как новообращенная Англия внесла в нее новые ужасы, едва ли не поразительнее прежних. Англия приняла протестантизм; ирландцы, измученные неровной борьбой, не успевшие достаточно развиться под гнетом притеснений, чуждые умственных движений Европы, смиренно оставались католиками. Римский двор основывал на них некоторые надежды; Англия поняла это; ей представилась возможность отторжения; она сосчитала могущие произойти от того убытки, решила сделать ирландцев своими единоверцами и... встретила сильное сопротивление. Отчего? — *Оттого, что она была смертельным врагом ирландцев, их деспотом, похитителем их свободы; оттого, что на ней лежала кровь ирландцев... наконец, оттого, что вера, какова бы она ни была, все же служила родовым достоянием народу, одною из нравственных опор в борьбе его за независимость.* В новом покушении Англии ирландцы видели новое хищение и обрекли себя снова на страдания. Благочестивые гонения, воздвигнутые Англиею на свою угнетенную соседку, были действительно страшнее прежних, ибо они имели вид благонамеренности, вид законности, орудия этих гонений состояли уже не в убийствах, которые, как известно, противны правилам христианской религии, а в грабеже: лишение земель, конфискация имений и прочие невинные меры были употребляемы для благородной цели обращения ирландцев к новой вере. Конфискованные имения поступали в королевскую казну; на отнятые у ирландцев-католиков земли поселялись колонии английских и шотландских протестантов, образовавших, таким образом, новый элемент ирландского народонаселения, враждебный коренному, туземному. Эти благородные подвиги английского правительства продолжались во времена Генриха VIII, Елисаветы и ее наследников, Кромвеля и первых Стюартов до Иакова II, который вдруг изменил политику и явился покровителем католиков. Он стал возвращать им утраченные права и отнятые имущества; но эта попытка, противная английской аристократии, стоила ему престола. Свергнутый, он убежал в Ирландию, и католики взяли его под свое покровительство, за что объявлены были бунтов-

щиками. Протестантские колонисты с своей стороны объявили себя приверженцами нового правительства и подданными его представителя — *Вильгельма Оранского*, вследствие чего католики и назвали их *оранжистами*; и слово это укоренилось в народе, обратилось в прозвище презрительное, ненавистное для ирландцев-католиков, ибо в дальнейшем ходе дел оранжисты служили достойным, презренным орудием английского правительства, целью которого сделалось другое утонченное гонение несчастных ирландцев: вопрос получил характер юридический; дело шло о стеснении прав, о подчинении ирландского парламента английскому. Здесь-то оранжисты принимают на себя роль отчасти вероломную, отчасти подлую: имея преимущественное право заседания в парламенте, они, жители Ирландии, поддерживали меры правительства, направленные против ирландцев, за то, что правительство предоставляло им выгоды на счет их католических одноземцев.

И странно покажется, если сказать, что ирландские католики терпели разные юридические оскорбления до 1829 года... что почти до наших времен Англия не переставала разграничивать своих подданных по вероисповеданиям, терпела неравенство их прав, и, несмотря на общее направление европейской цивилизации, давно задавшей себе общественные вопросы, *из глубины человеческой природы вытекающие*, она, просвещенная держава, водимая духом аристократии, проникнутой холодным эгоизмом, так долго не могла дойти даже до полной веротерпимости, без которой, кажется, мудрено и думать о прогрессе, об усовершенствовании в таком смысле, как понимают его теперь...

Ныне Ирландия отдохнула, окрепла... но родовая ненависть к Англии, необходимое следствие народных оскорблений, не погасла, и, *без сомнения, отношения двух обществ — оскорбленного и оскорбленного — не останутся в своих настоящих пределах!!*.

ОРАТОР ⁷⁵ [...] Для успешного действия слова бывает уже потребно многое, чего вовсе не требовалось при первоначальном обнаружении в обществах действия живого человеческого слова. От *оратора*, т. е. человека, претендующего на *убеждающую силу речи*, в это время требуется сверх красного слова доблести, добродетели, знания или мудрости. Добродетель требуется от него, разумеется, не

безусловная, не общечеловеческая, не космополитическая, не основывающаяся на знании действительных или нормальных требований [...] природы человеческой и полного сознания проистекающих оттуда истинных и священных обязанностей человека, как человека, но требуется от него *добродетель* только *национальная*, т. е. такая, какая признается в том обществе, где ему пришлось родиться. Все же его мудрость и доблесть политические ограничиваются умением хорошо обделать дела своего народа, не обращая несколько внимания на благо других народов. От него требуют прежде всего, *чтобы он был эгоистом в духе национальности* и всякого чужеземца считал варваром, врагом, которого можно и даже следует лишить всего для своей пользы... Так было в Греции, так было в Риме, так бывает в обществах неразвитых, *так бывает и поныне там, где нет истинного христианства* [...]. В это время устанавливается понятие как об ораторе, так и о качествах, которые он должен иметь. Наука развивает *дар убеждения в лицах, призванных господствовать силою разума* чрез посредство слова. С развитием эстетического чувства, современного умножению материальных удобств жизни, самая личность оратора является немаловажным условием для успешности его слова. Только людям организации [...], более совершенной и хорошо развитой, выпадает на долю магическая власть слова, только их голос может потрясать все фибры сердца, волновать по произволу все страсти человека, заставляя его в одно мгновение переживать многие годы, чувствовать именно то, что им захочется, чтоб он чувствовал, своей рукой определять мету, цель для их деятельности и влечь к ней целые народы!..

[...] Он должен знать все сокровенные изгибы сердца человеческого, ножом беспощадного анализа уметь различать по составам все требования его слушателей, следить пронизательным взором за малейшим движением мельчайших фибр или мускулов, приводящих в движение дух его, знать все желания своих слушателей, *даже те, которые они страшатся обнародовать*, — одним словом, знать все, что только можно знать, знать все то, что другие желают, и в одном слове уметь высказывать эти желания, требовать безусловно их осуществления, и все это выражать и требовать так именно, как этого всем хотелось [...] Полное сознание истины, искренняя готовность ей служить и жер-

твовать всем для нее есть одно из существеннейших средств к успеху оратора [...]

ОРАТОРСТВО [...] Невозможность для человека достигнуть многого деятельностью одних своих личных сил, без дружественного содействия существ, ему подобных, не могла не пробудить в нем сознания его бессилия в уединенности и вместе с тем не развить в нем требования общительности и общежительности. *Человеку, взятому в отдельности, почти ничего невозможно совершить, но все возможно совершить в обществе и обществом* (par l'association et dans l'association). Для него всегда труд уединенный и однообразный, *не определенный природным влечением* (travail isolé, monotone, non attrayant), *будет всегда тяжелой казнью*, и великая нравственная сила потребна, дабы не пасть под ее гнетом.

Человек, как индивидуум, поставленный лицом к лицу с природою, ничтожен. Человек же, как род, могуч, и одна только неизменяемость законов природы может быть гранью для его *самозаконного* развития. Для него, как для существа разумного, как обладающего сознанием законов природы, *в мироздании нет ничего неподчинимого, нет ничего такого, чего бы не заключалось в его природе и из нее не развивалось*: он сам для себя и микрокосм и макрокосм. [...]

Когда развитие человека не достигло еще полноты, когда им весь мир жизненных отправлений природы не исчерпан в общих чертах и отчетливое сознание общих законов многообразных явлений природы не сделалось для него доступным, тогда, разумеется, будет невозможным или преждевременным явление общих правил, формул или начал, которые могут служить мерилami практической годности идей или действий разного рода. В это время еще не может быть даже и помину об *ораторском искусстве в собственном смысле* [...]

[...] Развитие или неразвитие ораторства, этого благоуханнейшего и полезнейшего плода общественности, общежительности и публичности, среди разных человеческих обществ, представляемых нам историей, не есть явление случайное, беспричинное, не имеющее своего корня в самых формах быта общественного, т. е. в его гражданских, политических и религиозных установлениях. Для проявления всякого рода жизненности потребно приснобытие со-

ответственной средине: нет ее — и быть не может соответственного с этою срединою обнаружения жизненности. Смешон поэтому в глазах всякого истинно мыслящего человека укор в бесталантности там, где была бы жалкая посредственность законодательницей и где самая талантность являлась бы чем-то враждебным духу тамошних общественных учреждений!.. Не странно ли там искать ума, общечеловеческих полезных открытий, усовершенствований и изобретений, где всякое обнаружение разумности, всякое нововведение было бы чем-то противузаконным, безнравственным, где самая справедливость от века ни на одно мгновение не являлась нелицеприятной, где общественное судилище есть не иное что, как охранительное учреждение для всякой неправды?! где как бы все, и человека и природу, покрыла плесень застоя и онеменья... [...]

[...] Только в часы великих потрясений, переворотов, торжеств или бедствий общественных, когда перестала преобладать инерция, когда все соки общественной жизни пришли в воспроизводительное брожение, тогда только возможно явление оратора — глашатая истин и нужд общественных [...]

ОРАТОРСКАЯ РЕЧЬ ⁷⁶. [...] Есть два вида общественного быта, где ораторская речь является могучим двигателем. Один — когда элементы будущего политического тела еще не образовали стройного целого; когда частные личности еще сохраняют свою отдельность, пока власть, как вязкий цемент, не слила их в общую массу, не сгладила их своеобразных характеров; когда эти частные личности еще не познали других законов, кроме тех, которые искони вложила в них природа... Тогда, если среди этой полной природных сил толпы, юной, энергической... явится страсть, вооруженная мощным словом... тогда оно, это слово, чудотворно, как игра Орфея: с быстротой электрической струи оно потрясает эти девственные сердца и увлекает и вдохновляет их... Тогда оно нужно, как сила возбуждательная, как сила, связующая общим одушевлением отдельные ничему не подклонные личности.

Потом, когда народ переживет века, переживет много положительных бед и условных торжеств, перепробует много мнимой славы и горьких унижений, когда минет его молодость и он станет мужем и достигнет полного само-

сознания и почувствует он, что от всех минувших зол, страданий и смерти спасли его собственные же силы, что источник его жизни, его счастья и величия — в нем самом, тогда он смело берет назад свои утраченные права; чувство человеческого достоинства, временно заснувшее, снова откликается в нем на голос природы, и мысль, свободная от предрассудков, чистая, как звезда, является ему вожааем надежным, неуклонным. [...]

Как война родит великих полководцев, так время народных волнений производит великих ораторов. Разительные примеры представляет в этом отношении Франция: бурное окончание прошедшего столетия, период рест[ав]рации* и 1830 год ознаменовались колоссальными личностями, возвысившимися на поприще народной трибуны.

В различных статьях мы постараемся представить характеристику знаменитейших из общественных двигателей, которые силою бессмертной своей речи пробудили миллионы дремавших и подавленных умов, сообщили им сокровища мысли, приготовленные трудами ученых конца XVII и XVIII столетия [...], неутомимо ратовали и стояли за свои убеждения, смело шли на смерть и горделиво умирали за общее дело равенства и свободы, явив собою пример страшной энергии, огнедышащих страстей или суровой пуританской добродетели и высокого стоицизма, и даже тех, которые хотя и впадали в заблуждение и крайности, но тем не менее в личностях своих обнаружили много юношеского поэтического увлечения, нежной, горячей любви и геройского самоотвержения...

Так, в статье *Революция 1789 года* будет сказано о величайшем из ораторов — Мирабо и о роли, которую он играл в эту великую годину; в ст. *Дантонисты и Гейбертисты* [...] постараемся дать верное понятие о Дантоне, Камилле Демулене и кордельерах; в ст. *Якобинцы* особенно обратим внимание на Робеспьера, Сен-Жюста и др.; в ст. *Роялизм* упомянем о талантливых Барнаве, Дюпоре и Ламете [...]; в ст. *Революция июльская* будут разобраны как ораторы Манюэль, де-Серр, Бенжамин Констан, Лафайет, Араго, Лафит, Тьер, Гизо, Берье, Гарнье-Паже[с] и другие... [...]

* * *

* В словаре — «ресторации». — *Ред.*

ОРГАНИЧЕСКАЯ ЭПОХА ⁷⁷ [...] Это выражение находится в тесной связи с воззрением сен-симонистов на мир [...].

Когда силы природы находятся, так сказать, в разъединении, когда действие одной силы уравновешивается и даже почти совершенно уничтожается действием другой и когда действие ни одной из сих сил не имеет ни определенности, ни самостоятельности, ни независимости от влияния прочих сил, — тогда взору наблюдателя невозможно отыскать среди круговорота мировой жизни явлений, резко одно от другого отличающихся. Такое состояние природы, или разъединение сил в природе, и есть то, что обыкновенно хотят означить словами: *хаос, состояние хаотическое* [...]. С того же мгновения, когда является одна из сил в природе преобладающей, она делается центром, около которого группируются другие явления, становится особого рода *органическим*, производительным началом явлений (бытий, предметов или существ), имеющих свой отличный, самостоятельный характер, выдвигающий их из широкого круга хаотической безразличности. Сила эта до тех пор будет сохранять свой органический характер, пока не достигнет наибольшего своего развития (т. е. не произведет все те явления, которые не может она, по самым свойствам, не внести в круговорот мировой жизни), пока не появится новая сила, новый действующий в природе, влиянию которого ей, в свою очередь, суждено подчиниться. Со времени воздействия на нее таковой новой силы, с первого мгновения подчинения ее действию, настанет для нее период утраты ее самостоятельного *органического* значения в природе. С этого времени все производимые ею явления будут ежемгновенно терять свою особенность, характеристичность, и существа (формы бытия) или обнаружения этой силы будут снова помалу утрачивать свою самостоятельность и, пройдя ряд постепенных незаметных изменений, преобразуются так, что два крайние момента обнаружения действия этой силы в существах (напр., моллюск и человек), в которых она, так сказать, внедрялась в разные периоды своего мирового действия, явятся не только несходными, но даже совершенно разнородными [...].

Первый период такового действия силы должно называть *органическим*, созидательным, второй же — *дезорганическим*, разрушительным. В применении к человечеству,

к действию в нем идей последний период может не без основания быть назван *критическим*. Это название и дают ему сен-симонисты.

Этот взгляд на образ мирового явления был перенесен сен-симонистами в историю и применен ими к их воззрению на степени, или ступени, развития человечества. По их учению, в человечестве идеи играют такую же роль, как силы в природе, и эпохи нового направления в развитии человечества определяются появлением идей, имевших направительное влияние на развитие человечества [...] *.

[...] Сен-симонисты, разбирая историю человечества по тем памятникам, в достоверности которых менее причин сомневаться, нежели в прочих, признают только *два момента* во все продолжение послепотопной жизни человечества, в которые теории (идеи, общие воззрения), постепенно, втихомолку вырабатываемые самой жизнью человечества, обнаруживались извне с полной отчетливостью и определенностью, являлись новым организующим началом для разнообразных стремлений человечества, пришедших в разъединение и совершенную дисгармонию. Эти два момента суть следующие.

Первую органическую эпоху, или, лучше сказать, эпоху органического развития сил человечества, видят они во время греческого и римского политеизма. Начало же ее относят к тому времени, когда победители перестали убивать своих побежденных врагов, но нашли для себя более выгодным обращать их в рабов, когда это начало *эксплуатации* [...] человека человеком, т. е. превращения человека человеком в орудие к упрочению удобств своего материального бытия, ускорило общий ход развития человечества, дав ему возможность чрез увеличение средств к удовлетворению требований его природы установить гражданственность и общественность. Век Августа и Перикла они именуют концом этой эпохи.

Вторую органическую эпоху они относят ко времени утверждения власти католицизма и феодализма и считают

* * *

* Здесь выражение «идея» собственно употребляется в смысле философского воззрения на природу, в смысле общей формулы, теории всех жизненных отправлений, в смысле систематической мысли, обнимающей все роды человеческой деятельности, разрешающей все вопросы, предлагаемые человеку его общественным бытом (целым обществом) и его частной личностью.

ее сохраняющей свое значение в религиозном отношении до Леона X, а в политическом — до Людовика XIV.

Соответственно этим двум эпохам они принимают две эпохи *критические* [...].

Пределы *первой* критической эпохи определяют промежуток времени падения политеизма и появления христианства. Начало этой эпохи относят ко времени явления первых философов в Греции, а конец — к началу проповеди евангелия.

Вторую критическую эпоху они считают начавшеюся с пробуждения разума в Европе: от начала реформы Лютера и последовавшего затем упадка католицизма. Эта эпоха обнимает три века и простирается до Сен-Симона, которого учение (по мнению сен-симонистов) положило начало *новой органической эпохе*, которой задача состоит в *уничтожении антагонизма частных интересов, в постановлении полного общения человечества, без отношения к различным народностям, и в признании глагола любви, завещанного спасителем, общим законодательным началом для всех междучеловеческих отношений**. В статье *Сен-симонизм* показана недостаточность этой формулы со стороны практической. [...]

ОРГАНИЧЕСКИЙ. ОРГАНИЧЕСКОЕ СУЩЕСТВО. ОРГАНИЧЕСКОЕ ТЕЛО. ОРГАНИЗМ, ОРГАНИЗАЦИЯ⁷⁸. Слово *органический* употребляется вообще как эпитет для обозначения существ, одаренных органами. В этом смысле оно может быть без ошибки употреблено для обозначения всех существ царства растительного и животного, начиная с чахоточного, ползучего мха, лепящегося на склоне камня, и восходя до человека — совершеннейшего произведения творческой всемогущей силы природы, для которого по его сознательности нет ничего не подчинимого в видимом мире. С выражением *органический*, тело или *существо органическое*, тесно связывается понятие о известном и определенном сочленении различных частей предмета или существа, именуемого *органическим*, при котором все эти части являются одна в отношении к другой, как средства к цели, и всякая часть является в этом случае

* * *

* См.: «Exposition de la doctrine de St-Simon» par M. Bazard et Enfantin. Paris, 1829 [...]. [«Изложение учения Сен-Симона» Базаря и Анфантена. Париж].— *Ред.*

находящеюся в известном месте потому только, что есть другая часть, находящаяся на своем месте, и все они расположены только для того, чтоб образовать одно целое. Это и составляет отличительное свойство *организма*, или *органического тела*, и указывает на присутствие особенной жизненной (образовательной) силы, с которой происхождение и самое существование органического существа тесно связаны. [...] В так называемом органическом мире бытие является в соединении с своего рода деятельностью, которая в низших степенях обнаруживается в стремлении к самохранению, в высших же возвышается до индивидуальности и самостоятельности. Согласно с этим, *организация* (устройство частей) [...] существ мира органического изменяется весьма многообразно. В растениях жизнь являет полное соединение бытия и деятельности. Здесь жизнь покоится как бы сама в себе, обнаруживается чрез усвоение материалов, вне ее находящихся, и чрез медленное выработывание превращает их в свои *органические формы*. [...] В животных жизнь является в высшем развитии и уже не погруженною сама в себя; в них деятельность не является ограниченной просто бытием и сохранением форм, преимущественно приспособленных к сохранению бытия, но и переходит к обратному воздействию на внешний мир. В человеке на высшей степени его органического развития действие на него внешнего мира является уравновешенным с воздействием его на внешний мир, и он чрез то может явиться, является и со временем, чрез сознание мировых законов, *должен вполне соделаться властелином и устройтеlem всей видимой природы, в которой нет ничего ему неподчинимого как сознательному и самосознающему началу творческой деятельности*. [...]

ОРГАНИЗАТОР. ОРГАНИЗИРОВАТЬ ⁷⁹. Слово *организатор* собственно значит *производитель* органов. Это название преимущественно присвоается людям, обладающим талантом распорядительности, всего же удобоприменнее к общественному деятелю, т. е. к человеку, для которого не мертвые или бессознательно действующие, но жизненные силы природы, пришедшие в сознание в человеке, сам человек, как он есть, со всеми его слабостями и недостатками, служат сырым материалом для его построек. Иными словами, так называют соединителя людей и правителя деятельности их сил к известной определенной

цели. Для организатора, как и для устроителя какого-либо механизма, необходимо знание природы и свойств тех материалов, из которых он хочет построить машину, их взаимное действие друг на друга. Для организатора, в смысле общественного деятеля, необходимо глубокое знание людей и умение поставить их в такое положение, чтоб все их «так называемые» добродетели, «порочные» склонности являлись орудиями, содействующими к достижению его целей, чтоб личность их была вполне этим заинтересована, чтоб каждый, стремясь к достижению своих личных целей, чрез это уже на самом деле и бессознательно осуществлял общую цель, предположенную организатором. [...]

Организовать — значит поставить разные предметы или действующие силы природы в такое отношение одна к другой, чтоб они, действуя соответственно с их природою, служили средством к достижению какой-либо цели... или к произведению какого-либо действия.

ОРДЕН РЫЦАРСКИЙ ⁸⁰. Начало этого учреждения относится ко времени первого крестового похода, предпринятого в 1095 г. До этой эпохи все рыцарства составляли сословие, не имевшее никакой внутренней связи, преданное безначалию. Хотя для рыцарей существовали некоторые строго определенные правила, своя иерархия, свои обряды, но еще не было той стройной организации, того единства и силы, которыми впоследствии отличались рыцарские ордена. Кроме турниров и общественных праздников, еще не существовало у них никаких собраний, а на этих случайных съездах не бывало совещаний о пользах и целях всего сословия; эти собрания не были еще отголоском общественного мнения.

В остальное время каждый рыцарь в лице своем представлял все сословие, самовластвовал, по собственному произволу принимал в свое сословие всякого — лишь бы он был из дворян. Поэты средних веков упоминают в песнях своих об орденах рыцарей «Круглого стола» и «Лебеда», существовавших будто бы до крестовых походов, но известие это — плод их вымысла и ни на чем не основано. Духовные общества, которые образовались с богоугодной целию охранять молельщиков на пути в Палестину от нападений и грабительства арабов [...], существовали временно и без всяких особенных правил, так

что нельзя называть их орденами: то были не более как общества витязей, соединившихся для выполнения какого-нибудь рыцарского обета.

Рыцарские ордена существовали с незапамятных времен в Персии; они служили продолжением таинств Митры*, эмблема которых была чисто воинственная, и *аденты* [...] первой степени назывались «солдатами». При распространении исламизма [...] подобные общества появились у аравитян, которые усвоили эти таинства и применили к ним некоторые библейские идеи. Доказательством этого служит «История рыцаря Хабиба», автор которой жил во времена Саладина. Некоторые из крестоносцев, находясь в постоянных сношениях с сарацинами — обитателями покоренных городов, посвящены были в таинства магометанских сект, в особенности *секты мастекийе*, правила которой во многом согласовывались с духом христианства. Здесь начало всех рыцарских орденов, основанных в течение XII столетия, в совершенной независимости от государей. Таковы ордена: *тамплиеров, странноприимцев св. Иоанна, рыцарей св. Лазаря, калатравы, алькантары, св. Иакова, тевтонских* и мн. др. Первоначальное внутреннее управление большей части их неизвестно, но суд, учрежденный над тамплиерами в 1305 г., и документы, сохранившиеся по этому делу, показали, что рыцари эти имели, подобно орденам магометанским, свои таинства и обряды.

Постоянные сношения тамплиеров с известным орденом «убийц» (*assassins*), союзы, заключаемые ими с этим орденом, враждебным как светским властям, так и духовным, дух независимости, который они распространяли, веротерпимость, которую проповедовали (как о том говорит историк Матвей Парис, умерший в 1259 г.), открытие в Тампле *Бафомета* [...] и других гностических символов, употребляемых при посвящении, — все это послужило поводом к осуждению и гибели тамплиеров.

С этого времени европейские государи, во владениях которых существовали рыцарские ордена, начали их преследовать (смотря по важности ордена) или присвоивать себе над ними верховное начальство. А чтобы унижить идею рыцарского ордена в общественном мнении и ослабить могущественное влияние рыцарей на массы народа, начали учреждать новые ордена, *подчиненные правительству*,

* * *

* Божество древних персов [...].

только внешностью и некоторыми формальностями на-
поминавшие доблестных собратий Якова Моле... Так про-
должалось два столетия...

Впоследствии ордена учреждались по поводам ме-
нее значительным...

В позднейшие времена начали учреждать ордена
с целью вознаграждения и поощрения мужества и та-
ланта; умеренность в раздаче этих почестей еще более
возвышала их в глазах искателей, заставляла добиваться
их с большим рвением...

Но все изменяется, даже самые полезные учрежде-
ния! При нынешнем развитии общества «ордена» поте-
ряли прежнюю силу и значительность, чему наиболее
содействовала неумеренность в раздаче их...

Впрочем, этого нельзя сказать о любезном нашем
отечестве: в «нашей администрации нет места господству
привычки, рутины и бессознательно принятых предрас-
судков,— наука, знание и достоинство ею руководят...»
[...]*. «Не было примера, чтобы у нас в России человек,
приносивший относительно, так сказать, услуги отечест-
ву, был оставлен без призрения»...** «и без вознагражде-
ния»,— прибавим мы, преисполненные удивления к бла-
готворным распоряжениям нашего правительства⁸¹.

ОРДЕН МАЛЬТИЙСКИЙ⁸² [...]. Между замеча-
тельнейшими в истории орденами первое место занимает
орден тамплиеров и орден мальтийский. Об ордене там-
плиеров много было суждений и оценок. Мы не будем
здесь говорить о нем, тем более что его историческое
поприще не было так продолжительно, чтобы могло до-
ставить ему политическое влияние, которое он удерживал
за собой, без сомнения, только своими сокровищами, ры-
царской отвагой и возвышенным характером некоторых
из своих членов... С этой точки зрения орден мальтийский
менее замечателен, зато для европейской политики он
до самого XVIII столетия был важным предметом. По-
этому-то мы хотим припомнить здесь его основные начала
и разобрать его постановления, которые вполне достойны
изучения.

* * *

* Здесь М. В. Петрашевский ссылается на свою статью «Нацио-
нальность».— *Ред.*

** *Мертвые души*. Рассказ капитана Копейкина. Глава X, с. 393.

Основанный в половине XI столетия орден Иоанна Иерусалимского в продолжение первого крестового похода оставался исключительно религиозным братством. Этот характер поддерживался первым его начальником, Жерардом из Мартиги, что в Провансе. Но преемник Жерарда Раймонд Дююи, понимая лучше своего предшественника, что можно сделать из общества людей, преданных и неустрашимых, дал этому ордену назначение богоугодное и вместе воинственное. Он образовал его согласно с этой двойственной целью и положил в основание смесь аристократии и демократии с посредничеством папизма. В 1310 году рыцари Иоанна Иерусалимского, пораженные в Сирии, вместе с другими крестоносцами должны были оставить Палестину. Они основали на острове Родосе передовой пост против исламизма, оплот, непобедимее замка Маргатского и стен Иерусалимских. В этой новой резиденции им легко было сделаться грозой Оттоманской империи и дорого отплатить ей за ее недавние победы. Орден Иоанна Иерусалимского, преобразованный, обогащенный частью сокровищ тамплиеров, владеющий средствами мореходства, выгоды которого становились уже ощутительными, подкрепленный приверженностью некоторых могущественных лиц Европы, сделался единственным щитом христианства против неверных в течение тогдашнего насильственного перемирия. Он был безжалостен к туркам; он топил их в море, губил на берегах Малой Азии, грабил их богатства. Он закрыл христианскую Европу от взоров завоевателей Константинополя и заставил их отказаться от намерения завоевать Запад.

Но мусульмане примерно отомстили за зло, наносимое им рыцарями Иоанна Иерусалимского. Им хотелось при входе в Европу воздвигнуть силу, противодействующую военной республике Родоса,— и Алжир послужил брандером, который они прицепили к борту христианства в оплату за унижение, претерпенное ими от страшного братства.

В Родос стекались люди из всех христианских обществ и соединялись с целью притеснять и грабить турок. В Алжир шли мусульмане из всех стран Востока и там слагали свои силы и богатства на гибель католичеству. Большая часть родосских рыцарей были искатели приключений, члены знатных домов, которых потеря имущества или титула младшего брата заставляли искать счастья вне оте-

чества; большая часть подданных Алжирского дея состояла из ренегатов, бродяг, толпившихся по городам Египта, Сирии и Турции, из всякого промотавшегося сброда, пытавшего последние средства к улучшению своей участи.

Та и другая общины держались пиратством, разбоями, грабежами и доброхотными приношениями членов. Та и другая стороны лили кровь и разбивали купеческие корабли во имя религии. В Родосе рассчитывали на спасенье души, истребляя неверных; в Алжире надеялись купить утехи Мухаммедова рая на принесенные с битвы христианские головы. Родосские рыцари томили в неволе мусульманских пленников; алжирцы забавлялись приятным торгом, продавая и покупая закованных рабов христовых, имевших несчастье попасть к ним в руки.

Орден Иоанна Иерусалимского был основан, так сказать, в недрах мусульманского мира, в месте, укрепленном самую природою. Алжир разместился в соседстве с христианством, в таком же крепком положении, недоступном для самых отчаянных попыток.

Родос представлял военную республику, и Алжир носил на себе тот же характер. Великий магистр ордена Иоанна Иерусалимского нарекался рыцарями и признавал верховную власть папы, повеления которого, впрочем, исполнялись с разбором. Глава Алжира также был избираем и назывался вассалом султана, хотя постоянно нарушал волю падишаха.

Валериан Николаевич Майков (1823—1847 гг.)

Родился в семье художника, участника Отечественной войны 1812 г.; его наставником был молодой И. А. Гончаров. В 1842 г. окончил юридический факультет Петербургского университета. Посещал первые «пятницы» М. В. Петрашевского. Пытался вместе с братом А. Н. Майковым организовать собственный кружок.

С 1845 г. сотрудничал в журнале «Финский вестник», с 1846 г. после В. Г. Белинского возглавлял критический отдел в «Отечественных записках». Современники считали Майкова «новоприходящим талантом», принявшим в свои руки наследство Белинского¹.

Писал по вопросам политической экономии, литературной критики и философии. Одним из первых выступил против славянофилов. Вместе с В. Г. Белинским поддержал художественный стиль повествования Ф. М. Достоевского. Высоко оценил вышедший в 1846 г. сборник стихов А. Н. Плещеева. Пропагандировал художественные, публицистические и философские работы А. И. Герцена. Помог печататься молодому М. Е. Салтыкову-Щедрину. Разоблачал реакционного литератора В. И. Аскоченского, считавшего религиозную литературу выразительницей интересов народа. Критиковал идеализм и мистицизм.

В. Н. Майков мечтал о создании «философии общества», отличающейся «от идеалистических спекуляций немецкой философии», от эмпиризма английских буржуазных политэкономов и французского утопического социализма. Изучал «позитивную философию» О. Конта. Как и многие петрашевцы, пытался осмыслить историю общественного развития с позиций материалистически истолкованного антропологизма.

Воззрения В. Н. Майкова ценили Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов. И. С. Тургенев писал: «Незадолго до смерти Белинский начинал чувствовать, что ... политико-экономические вопросы должны были сменить вопросы эстетические, литературные; но сам он себя уже устранил и указывал на другое лицо, в котором видел своего преемника, — на В. Н. Майкова»².

В возрасте 23 лет Майков утонул.

В публикуемой с незначительными сокращениями рецензии на «Сочинение князя В. Ф. Одоевского» В. Н. Майков проводит мысль о недостаточности для научного познания мира лишь чувственного восприятия и доказывает необходимость перехода к рационализму, способному преодолеть мистицизм — основу религиозных верований.

По содержанию рецензия близка к статьям «Карманного словаря», посвященным путям познания и критике мистицизма как явления, характерного для низших ступеней человеческой истории, а позднее ставшего тормозом развития науки и распространения знаний.

* * *

¹ Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960, с. 296.

² Тургенев И. С. Собр. соч. в 12-ти томах, т. 10. М., 1956, с. 286.

[Сочинение князя В. Ф. Одоевского]

Собрание сочинений князя В. Ф. Одоевского ¹, бесспорно, составляет замечательнейшее явление в русской литературе 1844 года. Одна оригинальность взгляда автора уже обращает на себя особенное внимание, серьезное внимание критики; но она же вызывает несколько вопросов, которые мы должны решить, прежде чем представим читателям свое мнение об этом капитальном приобретении для искусства.

Прочтя сплошь, от доски до доски, все три части сочинения князя В. Ф. Одоевского ², вы невольно задумаетесь над этим собранием повестей, мистических рассказов, древних и новых преданий, над отрывками из пестрых сказок, над домашними разговорами... Повторяем, задумаетесь невольно, если любите отдавать себе отчет в том, что прочли. Вы спросите, к чему ведут мистические рассуждения, наполняющие всю первую часть, и какая связь между этими рассуждениями автора и превосходными повестями, разбросанными во второй и третьей части. Вы спросите, что доказал автор в первой части и что он представил в последних.

Нам кажется, что сочинение князя Одоевского логически можно разделить на два отдела: на отдел мистики, к которому принадлежат почти все рассказы автора, названные «*Русскими Ночами*» и занимающие всю первую часть, и на отдел повестей, имеющих бесспорное литературное достоинство и чуждых мистицизма. Поэтому прежде всего считаем обязанностью рассмотреть сущность мистицизма, возможность или невозможность его как системы познания, и потом применить свой взгляд к разбираемому нами сочинению.

Человек, по своей духовной природе, полон сил различных. Как мыслящее существо, он пытается природу и человека, доискивается причин того, что видит, слышит, обоняет, осязает. Он разлагает природу химически, режет ее, как хирург, анализирует, как моралист, и не дает ей пощады там, где она вздумает бросить намек преткновения гордому уму, могучему сознанием своего собственного достоинства. В этом направлении ум терзает природу... благородно, потому что проникает материю духом,

дает ей жизнь разумную. Ум доволен и самим собою, и тем, что он исследует; но доволен только до тех пор, пока ему удастся заманчивая деятельность.

Человек, как существо чувствующее и одаренное воображением, то трепещет от восторга, то страдает, то полон энергии, то бессмысленно предан апатии, то готов обнять ближнего как брата, то рад оттолкнуть его как смертельного врага. А воображение — оно не молчит, смотря на преобладание чувств в человеке; оно то одевает мир радужным сиянием, то набрасывает на него темное покрывало. Было время, когда люди в таинственном шуме лесов слышали сладкие беседы и игры вечно юных дриад и неуклюжих сластолюбцев фавнов; пришло время, когда люди в стоне лесном разумеют одно течение воздуха, более или менее сильное, производящее движение ветвей. Было время, когда духи неба и земли запросто расхаживали по городам и деревням, как будто им в самом деле было там место. По ней странствовали боги и полубоги, сильфиды и саламандры, ведьмы и вампиры, словом, кто не расхаживал по суше и морям, где теперь спокойно ходят пароходы и паровозы...

Итак, человек мыслит, чувствует и создает себе образы и картины... Но где же мистицизм? Позвольте, будет и ему место.

Чувство и мысль, чувство и воображение — вот главные пружины наших дум и мечтаний. Чем начинает человек свою жизнь? Что прежде он видит в мире — картину или загадку? Натурально первое. Человек, не рассуждая, привывает ко всему окружающему, бессознательно живет наравне с природою, радуется солнечному свету и боится темноты, недоволен, когда его заставляют думать, и рад, когда найдет пищу воображению. И много времени проходит, пока мысль спит под баюканьем чувств и воображения, под напевами няни и рассказами старины. Для иных проходит вся жизнь, а мысль все крепко спит, и ничто ее не пробуждает. Но так сладко спится не всем, не всем даны в удел одни грезы да игрушки. Человек, возмужав, когда-то спросил себя: отчего? — и, задав себе такой вопрос, решал его в продолжение всей жизни и никак не мог решить; за одним вопросом следовал другой. С тех пор задача дробится, разветвляется, охватывает сетью весь мир, и мысль, пораженная собственным величием и немощью, рвется в этой сети, в иных местах прорывает ее, в других

запутывается и изнемогает... Борьбу, начатую одним человеком, продолжает целое человечество; неистово рвет оно цепь, оковавшую гордость земную, и детски радуется малейшему успеху.

Таков ход человечества на пути просвещения. Прежде всего оно начинает чувствовать и представлять, а потом уже мыслить. В первый период, период чувств и воображения, народ живет, не смущая хитросплетениями ума бойко играющую жизнь чувства и фантазии. Он чувствует сладость или горесть жизни, верит, что благородство должно быть мерилom действий человека, не спрашивая, почему именно следует верить, что дух на земле — только странник, что ему дана другая светлая обитель, куда он перенесется, когда сбросит временную оболочку. Сердце бьется в упоении, созерцая величие бога в природе, воображение теряется в беспредельности миров, создает в лесах обиталища духов; видя явление, выходящее из ряда обыкновенных, оно не хочет допытывать его, увлеченное сердечным волнением, оно мгновенно придает ему образ и какую-нибудь таинственную силу. Огонек на кладбище — блуждающая душа мертвеца, эхо лесное — крик лешего... и так далее; в этот период появились наяды, ореады, сальфиды, гномы, русалки, демоны, домовые...

Так написано каждому народу; так было в языческой древности, так повторилось это явление и в новом мире.

Когда Запад, обновленный идеей нового учения, с жаром усвоил христианство, он был юн. Юность его выразилась и в политике, и в литературе, и в науке. Приведем в пример походы крестовые; они были мгновенным делом взволнованного чувства; тут не было предварительного обсуждения предприятия, тут не было дальновидных замыслов, заранее обдуманых: это было дело геройское, и вообще средние века составляют геройский период истории Запада. Рассеянные толпы крестоносцев, бросившись на Азию, погибли в ней оттого, что не сообразили средств войны. Литература средних веков не походит ни на классическую, ни на новейшую. Поражая читателя обилием чувства, внутреннего содержания и странностью форм, не имеющих места в жизни действительной, перемешивая события, времена и лица, она набрасывает на мир свое собственное покрывало, более или менее мистическое. И не мудрено: на Запад были перенесены Библия и алькоран.

Суровый дух западных дикарей, проникнутых возвышенной идеей любви христианской, выражался то в рыцарстве, то в строгой, аскетичной жизни, то в нежных и героических песнях трубадуров, то в самых отвлеченных богословских спорах. Иначе и не могло быть: верование руководило чувством. Картины воображения более пленяли человека, нежели холодные выкладки ума. Так, юные народы не могли устоять от обольщения алькорана, принесенного маврами. Несмотря на все отвращения христиан от магометан, первые не могли не восхищаться Кордовой и Гренадой, они прислушивались к песням аравитян и их удивительным толкам. Разительным примером служит ученый Жербер. Сперва он долгое время учился в монастыре Орильяке, потом, желая более углубиться в науки, принесенные с Востока, отправился в Толедо, там арабские ученые посвятили его в таинства математики, астрологии и магии. Возвратившись из Толедо, он был начальником монастыря, потом воспитателем Гуго Капета, потом епископом реймским и, наконец, папой под именем Сильвестра II. Папа — воспитанник арабских магов и славы христианской!

О состоянии наук говорить нечего — мистицизм был исходным пунктом учения, как в науках нравственных и естественных. Науку создавало воображение, а не ум.

Все нами сказанное клонится к тому, чтобы показать время, когда в первый раз появился в Западной Европе мистицизм, обусловленный несовершенством образования и преимущественным развитием чувства и воображения. Посмотрим, не бывает ли еще состояния духа, когда сей последний склонен к сверхъестественному.

Мысль, как сила, враждебная фантазии, сперва гонит чудесное, а потом, в свою очередь, приводит к верованию в мир тайный, неведомый на земле, недоступный ни глазу, ни уху. Сначала она дерзко начинает испытывать природу и узнает многое; обольщенная успехом, она делается горда, но ненадолго. Везде она узнает одни явления, не доходя до сущности вещей. Вопросы, которые более всего хотелось бы человеку решать, становятся самыми затруднительными задачами. Дойдя до вопроса, что такое душа, откуда она, зачем она здесь и куда скроется по смерти тела, ум цепенеет, видя свое бессилие, постигнув законы тел небесных, мы узнаем одни только формы жизни — а этого еще немного. Сама жизнь ускользает от нашего уразумения.

На земле видим мы только одни законы, по которым развиваются существа органические и неорганические. Как быть? Мысль сама себя теснит и подкапывает. Является вновь потребность воображения, необходимо пополнить пробелы в заключениях ума, а достигнуть этой цели нельзя иначе как фантазией, которая должна спасти мысль от самоубийства. Когда человек дойдет до этой точки развития, тогда он, как существо нравственное, всесторонен. Перед тем, чего не может постигнуть его ум, он смиренно преклоняется и говорит: «не знаю», ум совершил на земле все, что мог совершить. Он остается в стороне, не берется за решение задач, для которых у него недостает необходимых данных; зато, в свою очередь, он их и не отвергает.

Мистицизм для одних начинается с самых обыкновенных явлений, потому что они не могут или не хотят их исследовать, представляя воображению создать какой-нибудь образ; и в наше время есть люди, которые не без трепета видят блуждающие огни и равнодушно слушают рассказы о ведьмах. Для других сверхъестественное начинается гораздо выше, там где просвещенная наукою мысль не может решить вопросы. Итак, расширение мысли идет в параллель с ограничением круга мистицизма. Но мы говорим, что есть твердо поставленные границы ума, следовательно, есть законное место мистицизму. Но если взять в отдельности каждого человека, то один более ему подвержен, другой менее; есть даже и такие люди, которые обходятся совершенно без мистики. Не говоря о приведенной нами причине, именно о степени образованности, на расположение к сверхъестественным верованиям действуют и обман чувств, и раздражительность нервов и болезнь тела. Сколько чудес приписывается луне, потому что ее свет удивительно способствует миру! Под влиянием ее встают мертвецы, вампиры и прочая, и прочая.

Все это мы сочли необходимым сказать прежде, нежели приступим к сочинениям князя Одоевского. Во введении к этим сочинениям мы встречаем те вопросы, которые волновали любознательную душу автора, те задачи, которые хочет распознавать просвещенный ум человека и на которые не дает ответа обыкновенный способ познания. В этом введении высказывается и идея сочинения. Вот она:

«Во все эпохи душа человека стремлением необоримой силы, не только, как магнит к северу, обращается к задачам, которых разрешение скрывается в глубине

таинственных стихий, образующих и связующих жизнь духовную и жизнь вещественную; ничто не останавливает сего стремления: ни житейские печали и радости, ни мятежная деятельность, ни суетное созерцание; сие стремление столь постоянно, что иногда кажется, оно происходит независимо от воли человека, подобно физическим отправлениям; проходят столетия, все поглощается временем: понятия, нравы, привычки, направление, образ действия, вся прошедшая жизнь тонет в недостижимой глубине, а чудная задача всплывает над усопшим миром; после долгой борьбы, сомнений, насмешек — новое поколение, подобно прежнему, им осмеянному, испытует глубину тех же таинственных стихий; течение вновь разнообразит имена их, изменяет и понятие об оных, но не изменяет ни их существа, ни их образа действия; вечно юные, вечно мощные, они постоянно пребывают в первозданной своей девственности, и их дивная гармония внятно слышится посреди бурь, столь часто возмущающих сердце человека. Для объяснения великого смысла сих великих деятелей естествоиспытатель вопрошает произведения вещественного мира, сии символы вещественной жизни, историк — живые символы, внесенные в летописи народов, поэт — живые символы души своей».

Чтобы еще более видеть, что хотел описать в своем сочинении автор, выпишем еще несколько строк, чтобы лучше показать, выполнил ли он заданную себе задачу:

«Наш XIX век называют просвещенным; но в самом ли деле мы счастливее того рыбака, который некогда, может быть, в этом самом месте, где теперь пестреет газовая толпа (эти рассуждения происходят на бале), расстилал свои сети?» Что вокруг нас?

«Зачем мнутесь народы? Зачем, как снежную пыль, разносит их вихорь? Зачем плачет младенец, терзается юноша, унывает старец? Зачем общество враждует с обществом и еще с каждым из своих членов? Зачем железо рассекает связи любви и дружбы? Зачем преступление и несчастье считается необходимою буквою в математической формуле общества?»

«Являются народы на поприще жизни, блещут славою, наполняют собою страницы истории и вдруг слабеют, приходят в какое-то беснование, как строители вавилонской башни, — и имя их с трудом отыскивает чужеземный археолог посреди пыльных хартий».

«Здесь общество страждет, ибо нет среди его сильного духа, который бы смирил порочные страсти, а благородные направил к благу».

«Здесь общество изгоняет гения, явившегося ему на славу, — и вероломный друг, в угоду обществу, предает позору память великого человека».

«Здесь движутся все силы духа и вещества; воображение, ум, воля напряжены — время и пространство обращены в ничто, пирует воля человека — а общество страждет и грустно чувствует приближение своей кончины».

«Здесь, в стоячем болоте, засыпают силы, как взнузданный конь, человек прилежно вертит все одно и то же колесо общественной машины, каждый день слепнет все более и более, а машина полуразрушилась: одно движение молодого соседа, и исчезло стотысячелетнее царство».

«Везде вражда, смешение языков, казни без преступления и преступления без казни, и на конце поприща — смерть, ничтожество. Смерть народа.... страшное слово!»

«Закон природы!» — говорит один.

«Формы правления!» — говорит другой.

«Недостаток просвещения!»

«Отсутствии религиозного чувства!»

«Фанатизм».

«Но кто вы, вы, гордые истолкователи таинств жизни? Я не верю вам, и имею право не верить! Не чисты слова ваши, под ними скрываются еще менее чистые мысли».

«Ты говоришь мне о законе природы; но как угадал ты его, пророк непризнанный? Где твоё знамение?»

«Ты говоришь мне о пользе просвещения! Но твои руки окровавлены».

«Ты говоришь мне о вреде просвещения! Но ты косноязычен, твои мысли не вяжутся одна с другою — природа темна для тебя — ты сам не понимаешь себя!»

«Ты говоришь мне о форме правления! Но где та форма, которую ты доволен?»

«Ты говоришь мне о религиозном чувстве? Но смотри — черное платье твоё опалено костром, на котором терзается брат твой; его стенания невольно вырываются из твоей гортани вместе с твоей сладкою речью!»

«Ты говоришь мне о фанатизме? Но смотри — душа твоя обратилась в паровую машину. Я вижу в тебе винты и колеса, но жизни не вижу!»

«Прочь, оглашенные! Не чисты слова ваши: в них дышат темные страсти! Не вам оторваться от житейского праха, не вам проникнуть в глубину жизни! В пустыне души вашей веют тлетворные ветры, ходит черная язва и ни одно чувство не остается незараженным!»

«Не вам, дряхлые сыны дряхлых отцов, просветить ум наш. Мы знаем вас, как вы нас не знаете; мы в тишине наблюдали ваше рождение, ваши болезни и предвидим вашу кончину. Мы плакали и смеялись над вами, мы знаем ваше прошедшее... Но знаем ли будущее?»

Следовательно, вот та картина, которая представлялась автору и которую он допрашивает. Заданную задачу должно решать. Посмотрим, какое лекарство найдем мы в книге против всех исчисляемых зол общества. А эти бедствия общественные велики, над устранением их давно трудится человек, но они постоянно живут вместе с человечеством. Как плоды долголетних трудов человека, возникли науки. Но эти науки недостаточны, и автор исчисляет, чем несовершенна медицина, математика, физика, химия, астрономия, законы общественные, политическая экономия. Мы согласны с ним, что всякое дело рук человеческих несовершенно, потому что сам человек несовершенен; но чтобы доказать недостаточность наук, необходимо разобрать все начала каждой науки, показать шаткость каждого начала, сказать, в чем именно заключается ошибка. Одним словом, науку должна судить наука, иначе ничего не будет доказано. А в этом, кажется, и состоит ошибка автора; видя несовершенство и уклонение от настоящего пункта, он проникнут благородным негодованием, он хочет исправить недостатки, но в этом случае одного чувства негодования еще недостаточно для того, чтоб опровергнуть положительную систему. [...]

Мы говорим, что мысль человека, в полном ее развитии, не может развязать многих вопросов жизни человеческой. Следовательно, что остается делать? Верить, — чего доказать нельзя за недостатком оснований, того и доказывать не должно. Затем остается облечь верование в форму, это дело воображения каждого человека. Здесь дело индивидуальности, дело частного воззрения. Следовательно, наука, как нечто общее, как начало, примиряющее частности, не имеет к мистицизму никакого родственного отношения. [...]

Обращаемся к сделанному нами вопросу: можно ли, на основании мистицизма, создать чисто литературное, общедоступное произведение?

Был век, повторяем мы, когда чудесное нравилось: это был такой период развития человека, когда воображение заменяло ум, фантастические образы заменяли наблюдательность. Тогда фантастический элемент был законным, необходимым, естественным. Но средние века миновали, с ним миновалась и мистика. Мы требуем теперь, да и всегда, кажется, будем требовать от литературы выражения общества, его развития, духа народа; требуем, чтобы писатель в произведении передал все возможные изгибы сердца человеческого, чтоб он представил мир, который бы каждый, положа руку на сердце, поверил собственной страстью, собственным волнением. А как поверите вы в мистическую слабость человека? Она относится лично к какому-нибудь человеку и имеет у него свою историю, свое значение. Чувству и мысли даны законы; но мистицизм многим может казаться странностью; все, что можно о нем сказать, будет составлять для человека образованного анекдот, который никто не вправе ни отвергнуть ни принять и который вправе каждый или принять, или отвергнуть. Только низшие классы общества, которые и в наше время стоят в отношении к развитию не слишком высоко, создают поверья и легенды и ими стараются объяснить какие-либо факты жизни духовной и природы; и тогда эти легенды и поверья законные, как выражение верований народных; образованный человек только и может смотреть на них с этой стороны. В литературном же произведении, когда вы будете заинтересованы разыгрывающеюся страстью человека или будете следить за развитием его характера — и вдруг вам наговорят чего-то непонятного, выведут за сцену духа, — вы ничего не поймете, скажете: может быть, это и правда, да только мы этого не можем поверить на самих себе. Одним словом, интерес литературный никогда не может быть основан на мистицизме [...]

Николай Александрович Спешнев

(1821—1882 гг.)

Сын богатого помещика. Обучался сначала в пансионе Журдана, затем в Александровском лицее, откуда был исключен. Был вольнослушателем Восточного отделения Петербургского университета. В первой половине 40-х годов жил за границей, где изучал современную философию, историю первоначального христианства, теории утопических социалистов и коммунистов.

В 1847 г. сблизился с петрашевцами, присутствовал на «пятницах», посещал кружок Н. С. Кашкина, вечера А. Н. Плещеева и С. Ф. Дурова. Широко образованный и революционно-демократически настроенный, Спешнев считал себя коммунистом и атеистом, сторонником немедленных действий. На его квартире обсуждался вопрос о возможности крестьянской революции в России. Убежденный в ее неизбежности, он поддерживал идею создания тайного общества революционеров. Присутствовал на обеде в честь Ш. Фурье.

Пытался организовать печатание нелегальной литературы за границей. В списке изъятых бумаг у Н. А. Спешнева значились: «Рассуждение о том, что социализм отнюдь не есть новая политическая экономия, а новая политика, или наука об обязанностях правительства и правах члена общества, называемого государством», «Рассуждение о крепостном состоянии, о необходимости неотлагательного уничтожения его в России и о составлении общества из лиц, действующих для достижения сей цели», «Рассуждение в форме речи о религии, в котором опровергается существование бога», «Отрывок о двух предметах — общественном и религиозном».

Вместе с П. Н. Филипповым участвовал в приобретении оборудования для тайной типографии.

23 апреля 1849 г. Н. А. Спешнев был арестован. «За богохуление, за умысел произвести бунт, за покушение к учреждению с этой целью тайного общества, за составление предположений к производству восстания и за недонесение о слышанных им злоумышленных предположениях» военно-судной комиссией был приговорен к расстрелу, замененному 10 годами каторги. Отправлен в Тобольск, а затем в Александровский завод Нерчинского округа. По манифесту 26 августа 1856 г. вышел на поселение. Служил в канцелярии генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева. Переведен в распоряжение военного губернатора Забайкальского округа. В 1857 г. был назначен редактором «Иркутских губернских ведомостей» и смотрителем типографии. Сблизился с сосланными в Сибирь декабристами и петрашевцами. В 1859 г. — правитель путевой канцелярии Муравьева в поездке в Китай и Японию в должности коллежского регистратора. Оставил рукописи по истории, географии и этнографии народов Востока. В 1860 г. восстановлен в правах. Приезд Н. А. Спешнева в Петербург приветствовал А. Н. Плещеев. Его тепло встречал И. С. Тургенев, познакомивший Спешнева с Т. Г. Шевченко.

В 1861 г. был мировым посредником Островского уезда Псковской губернии, «твердо стоял за интересы крестьян». В 60-х годах писал статьи для «Настольного словаря» Ф. Г. Толля.

Умер 17 марта 1882 г. в Петербурге.

Публикуемые «Философские рассуждения» свидетельствуют о широком круге философских и социально-политических вопросов, интересовавших Н. А. Спешнева. В центре его внимания — проблема соотношения утопического социализма с различными философскими и богословскими теориями. В «Рассуждении первом», анализируя работу прогрессивного польского мыслителя Г. Каменьского «Философия материальной экономики человеческого общества», Н. А. Спешнев сопоставляет утопический социализм и объективный идеализм, показывает несостоятельность попыток решать социальные проблемы на основе философской системы Гегеля. «Рассуждение второе» посвящено утопическому социализму; здесь высказывается мысль о возможности союза атеистов и верующих в борьбе против социальной несправедливости. О необходимости материализма и атеизма как теоретического фундамента социализма говорит Н. А. Спешнев в «Рассуждении третьем».

[Философские рассуждения]

[Рассуждение первое]

Каменьский считает, что нельзя хорошо понять вещи, если не представлять их себе сначала как следствия, результаты. Весь видимый мир, вообще весь осязаемый мир есть не что иное, как результат. Понимать — это значит знать закон процесса развития, а не знать закон процесса развития — значит не понимать. Это естественно вытекает из того, что [он] всюду превозносит философское понимание как единственное понимание, которое для него состоит в том, что мы понимаем закон, в силу которого вещи происходят из абсолюта. Он заявляет, что всякая вещь есть не что иное, как форма, основание абсолюта, причем абсолют есть корень, основание бытия, содержание всех вещей, что сводится к следующему: все вещи суть не что иное, как действие абсолюта, результат его, не происходят ни от чего, кроме как от единого сущего, от чего-то такого, что мы называем абсолютом.

Думать, что ничего нельзя понять, что можно только заблуждаться и видеть все неправильно, не знать, откуда и каким образом происходит какая-либо вещь, приводит к странному результату, а именно: это приводит к абсолюту или к абсолютам, к причине или причинам, существующим сами по себе. Однако, если понимать что-либо — значит знать его развитие, незнание его развития поведет к обманчивому и совершенно непонятному представлению об абсолюте и абсолютных; а так как именно абсолют явля-

ется основанием всей системы, то судите сами, чем может быть подобная система, дедуцированная из того, что автор обязан определить и сам считать ложным и непонятым.

Следовательно, невозможно, чтоб понимание какой-либо вещи состояло исключительно в знании ее хода развития. И познание хода развития вещи без знания ее свойства, во всяком случае, не лучше, чем знание свойств какой-либо произведенной вещи без знания ее происхождения. И то и другое — неполное знание, причем, может быть, первое гораздо более неполное, чем последнее.

Я не хочу здесь останавливаться на странности научного метода, который начинает с того, что говорит: мне нужно сначала, чтоб вы *предположили*, что все видимые и осязаемые вещи суть следствия, результаты, откуда вытекает, как необходимый вывод, что должны существовать причины и что они не принадлежат к этому миру. Я не хочу останавливаться на этом потому, что этот метод — строить все на недоказуемой гипотезе, откуда, как мы видим, могут получаться лишь гипотетические заключения, этот метод, который не требует вполне строгого и вполне объективного изучения, но который основан на совершенно произвольном и субъективном принципе (принципе, который я признаю потому, что мне нравится это признать, — это дело вкуса), — этот метод свойственен, в частности, не только Каменьскому, а всей метафизике¹ вообще. Само собою разумеется, что эту слабую сторону обыкновенно скрывают и о ней не говорят так дерзко, как это сделал я. Говоря в таком духе, мы назовем причину всех вещей абсолютом. Абсолют есть, следовательно, основание всего, и все есть продукт абсолюта. Но не нужно особенно напрягать внимание для того, чтобы заметить, что сама эта фраза является не простым определением, но выводом, сделанным посредством воображения из гипотез, которые вам предлагают, а именно предполагается: 1) что вы знаете все существующие вещи; 2) что вы убеждены и можете это доказать, что они все только продукт, результат, что они не всегда существовали; 3) что они могут иметь только одно-единственное основание своего существования, а не две, три или четыре причины, соединенные вместе или порознь одна с другой. Все эти причины, которые невозможно объяснить, являются совершенно несостоятельными гипотезами.

(Всякая метафизика¹ имеет в своем основании недоказанные и недоказуемые гипотезы. Всякая метафизика стремится не изучить мир, а вообразить себе его ход развития. Всякая метафизика думает, что вывести все абстрактные построения из одного произвольного принципа — это значит *доказать* не только истинность гипотез, на которых покоится этот принцип, но и доказать, что этот принцип действительно является правильным пониманием реальности, реальной вещи, существующей, хотя и совершенно невидимой. В то время как, согласно логике, выводить из гипотезы — это ни в коем случае не значит доказывать, а только поэтизировать. В выводах не больше истины, чем в принципе, и, они, несмотря на свое разнообразие, ни в коем случае не могут превратить гипотезу, из которой они исходят, в теорему или аксиому. Вообще метафизика понимает под «доказательством» нечто совершенно другое, чем то, что понимают под этим точные науки, логика и большинство людей. Вся метафизика принимает абстрагирующую силу ума за шестое чувство, за *второе зрение*, которое открывает новый мир и делает новые открытия. Она создает другой мир наряду с реальным миром, она, следовательно, идеалистична, поэтична. Всякая метафизика полагает, что закон хода развития реального мира является обратным абстрагирующему закону ума; это значит, что концепция или абстракция более простая и более бедная определениями противопоставляется более сложной и более богатой определениями. Вся метафизика боится реальности — она считает действительной реальностью не вещь, а сущность, идею, и т. д.) Реальный мир есть для нее великий маскарад, а ее фантастический мир — истинная реальность. Все это прямо противоположно здравому смыслу. Всякая метафизика принимает качества вещей за реальные сущности, воплощенные в вещах, почти за их химические элементы. Всякая метафизика есть поэма, подавленная дедуктивной логикой и фантастической химией. Она достаточно двусмысленна, не являясь ни чистой поэзией, ни положительной наукой, которая обязана своим происхождением и существованием ненасытному стремлению человека к познанию. Не имея еще возможности все знать точно, он обманывает свое стремление, принимая вместо истин гипотезы, подобно тому, как заглушают боль посредством паллиатива.

* * *

Метафизическая система Каменьского не блистает глубиной. Я дам, по возможности, наиболее точный очерк ее, избегая длиннот и пользуясь, по преимуществу, собственными словами автора.

Для того, чтобы все объяснить и глубоко понять, следует понимать мир как продукт и необходимый результат причины, абсолюта, вещи, которая существует сама по себе, *созидательной силы*, не просто неопределенной силы, но узаконенной созидательной силы, т. е. действующей в условиях известного закона. Ум мог бы определить для себя абсолюта, вещь, которая существует сама по себе, двумя различными способами: 1) как бытие, которое не имеет результатов, все действие которого состоит в том, что оно вечно создает и производит самое себя, но такое понятие абсолюта не может быть истинным, *потому что оно ничего не объясняет*; 2) как созидательную силу, не имеющую закона, но такое понятие является только гипотезой,— и вообще нельзя понять абсолюта как силу, если не знать, почему и каким образом она действует необходимо. Для познания закона действия понятие созидательной силы является неполным, а следовательно, и не научным, не философским. Рациональное понятие, истинное понятие — это полное понятие, которое включает в понятие абсолюта необходимость творить свой мир определенным способом, с определенной целью.

Абсолюта должен быть такой определенной вещью, понятие которой не может быть выведено из другой, более простой вещи (= абсолюта не может быть понят как результат, как продукт).

Такая первоначальная, в высшей степени простая вещь (= встречающаяся во всех других вещах, последняя абстракция) есть бытие. Его следует понимать как творческую силу во всех вещах, и тогда мы имеем бытие = абсолюта.

Бытие = созидательная сила = причина, подчиненная закону, = бытие без причины, существование которого мыслится необходимым, = абсолюта.

Для автора слова: быть, действовать, созидать и прогрессировать означают одно и то же.

Устанавливая между абсолютом и его миром такое же соотношение, какое существует в мысли между причи-

ной и следствием, т. е. что одно не может быть мыслимо без другого, автор вводит в свою идею абсолюта понятие цели, которую он называет *законом*, истиной абсолюта. Эту цель абсолюта ставит самому себе, по своей воле, и действует в согласии с этим. Эта цель становится, следовательно, для него законом, законом его действия и законом существования мира, продуктом абсолюта.

Со всем этим автор приходит к своему результату: вы припоминаете, что абсолюта полагается или предполагается для того, чтобы иметь возможность *все* объяснить; вы припоминаете, что есть какое-то понятие абсолюта, которое является плохим, потому что оно ничего не объясняет. Теперь с таким понятием абсолюта, которое принимается за истинное и полное, автор принужден признать, что не может объяснить существование природы, а может объяснить только существование человеческого и исторического мира.

Это зависит от того, что автор принял слово «быть» как тождественное со словом «созидать», следовательно, для того, чтобы быть, необходимо непрерывно созидать, — если прекращается закон созидания, то прекращается бытие. Но для него нет того, [1)] что материя себя творит, увеличивает свое количество; 2) он не может постигнуть цель, абсолютный закон природы. Человеческие нации, продукт человеческого абсолюта, все они имеют целью соединение людей, но какую цель имеют изменения в природе? Это два довода, которые он признает, но имеются другие два основания, которые он не признает: 1) это, что его определение абсолюта резко эмпирическое, несмотря на то, что он вывел его прямо и априори из абстракции: бытия. Вот почему его понимание бытия отождествляется со словами: «жить», «созидать», «прогрессировать» и применяется только к историческому миру (и даже не к реальным людям). 2) Автор, будучи крайним спиритуалистом², рассматривает материю свысока, *материальное* действие — как жесткую необходимость, почти как жесткую необходимость, и он никогда не поймет абсолюта, который творит только материю.

Если это определение абсолюта, его тезис о законе абсолюта, было получено априори, а не выведено из эмпирического познания истории, то почему же он должен останавливаться перед тем, чтобы допустить то же самое для абсолюта — природы и ожидать от опыта его подтвер-

ждения? Исторический закон соединения людей — это такой закон, который можно постигнуть только апостериори, путем изучения истории, тогда как априори, даже если не допускать силу без закона, а созидание без цели, можно прийти только к общим фразам, вроде следующих: эта сила должна иметь закон, это творение — *свою цель*, — но какую именно? Ответ дает только опыт.

Начиная с этого пункта, замечается какая-то неясность в общей системе автора. Допускает ли автор возможность существования такого факта, как сосуществование нескольких абсолютов во вселенной? А если это допустимо, то не должны ли эти абсолюты быть различными, иметь каждый свой закон? Почему же тогда он заявляет, что сведение всех вещей к некоему *единому* абсолюту является вершиною науки и понимания? А если существуют несколько различных абсолютов, не будет ли ложным его определение, извлеченное только из одного, ему известного? А если эти различные (абсолюты) сходны между собой, только повторяют сами себя, то откуда это различие, которое замечают между миром, созданным человеческим абсолютом, и материальной природой?

Вот как автор разрубает этот гордиев узел: так как он находит в человеческом абсолюте причину, производящую знание, искусство, общество и т. д. и т. д., т. е. все свойства абсолюта, то он считает его абсолютом, не беспокоясь о других [абсолютах]. Он сохраняет некоторую надежду, что великий абсолют, творец вселенной, остается для нас неизвестным только временно (что, по-видимому, сохраняет надежду на будущее). Он объявляет человеческий абсолют абсолютом, потому что он не может рационально вывести «человеческую сущность» из более удаленной причины. Считает ли он эту невозможность столь же временной, как и первую, и предвидит ли он, следовательно, *время, когда придется дать совершенно другое основание его системе, или же он считает его* (это основание) абсолютным. Все это весьма двусмысленно в системе автора, и абсолют, на котором он останавливается, — «сущность человека, человеческая способность творить» — будет лишен одного из отличительных свойств абсолюта, которое признается самим автором, — быть наиболее абстрактной идеей. С другой стороны, отсюда должно было бы следовать, что, по крайней мере до настоящего времени, можно

трактовать философски, хорошо понимать только специальные науки.

Для положительного человека всякая метафизическая система никогда не может быть ничем иным, как поэмой, гипотезой, возможностью. Для метафизической головы всякая система, которая не объясняет всего происхождения всех вещей, ничего не стоит. И я удивляюсь, почему автор, будучи метафизиком, не применил к своей концепции абсолюта ту меру, которую он применил к концепции абсолюта, созидающего только самого себя.

* * *

Но пройдем легко, как это делает автор, мимо этих трудностей и ограничимся человеческим миром, единственным, который автор понял, как он полагает, до конца, единственным, который он, быть может, изучил.

Мы еще находимся в довольно широкой сфере. Вы все знаете, это сфера науки, искусства, промышленности, социальных форм, сфера ума, воображения, труда, истории, мир человеческого творчества, который далек от того, чтобы быть законченным, который в общем увеличивается и развивается, хотя и медленно, на мой взгляд. Мы не знаем положительно его начала, но мы знаем имена десятков людей, которые двинули вперед и науку, и промышленность, и общество до такого состояния, в котором они находятся сейчас, — мы знаем имена Коперника, Галилея, Кеплера, Ньютона, Гершеля, Колумба, Кука, Дженнера, Дэви, Уатта, Фультона, Евклида, Архимеда, Лавуазье, Шекспира, Гёте, Шиллера, Байрона и, мой бог, сотни других имен людей, которые постепенно двинули вперед науку, создали шедевры искусства, изобрели производственные процессы, имена исторических деятелей, которые одну за другой изменяли социальные формы, тех, которые посвятили себя уничтожению рабства, тех, которые разбили феодализм и основали государство, и т. д. и т. д. Вы положительно знаете многие имена, и все же вы ошибаетесь, все это не больше чем действие оптического обмана — научные и промышленные открытия, шедевры искусства, социальные формы, — все это продукт абсолюта, абсолюта «человеческой сущности». Вот в чем в действительности состоит различие позитивной точки зрения от метафизической.

Наука, промышленность, искусства, общество — все это, конечно, созидание, которое происходит непрерывно, если только можно применить к ним в строгом смысле слова термин «созидание». Будучи следствиями, они должны иметь причину или причины, это созидание должно иметь своего создателя или своих создателей. Это произведено людьми, промышленность главным образом есть труд, в котором объединяются почти все живые люди. Автор, постигая все это — научные истины, продукты производства, шедевры искусства, общественные учреждения как единую целостность, как единый организм (потому что все они имеют сходное свойство, свойство быть созданными посредством людей, как бы они ни отличались во всех отношениях), приходит к мысли, что действующая причина всего этого одна, это абсолют, который он называет человеческим абсолютом, бытие или скорее человеческая сущность — нечто похожее на великую душу. Реальные люди, которые живут и умирают, мыслят и трудятся в поте лица своего, составляют только олицетворения, различия, воплощения этой великой души. Воплощение или вообще имматериализация было бы настоящим словом, которое передавало бы сущность мысли автора, потому что автор представляет себе реального человека как двойное существо, как два существа, из которых одно заключено внутри другого. Немецкая метафизика очень издевалась над старой манерой усматривать много различных «духовных» функций, представлять себе «человеческую душу как этажерку, красиво и опрятно разделенную на различные полочки с этикетками «память», «воображение» и т. д.»; это неплохая мысль постигать различные функции того, что называют «душою», как единую функцию. Но не смешно ли также постигать человека как «существо с двойным дном, как два футляра, заключенных один в другом, или как драгоценность в футляре», одним словом, как существо, Geist (дух), внутри другого, Körper (тела), и не будет ли правильным соединить всю активную часть человека, все его функции, в одно единое целое, как мозговые, так и немозговые? Признаюсь, когда я увидел, как автор полагает в качестве абсолюта в своей системе это широкое и неопределенное выражение — «человеческую сущность», то я подумал, что он понимает [под ним] всего человека, *такого, каков он есть*. Но уже с самого начала я наткнулся на одно положение, выраженное в таком догматическом тоне, как

будто бы оно составляло неопровержимую аксиому: «Чтобы легче понять бытие, *то есть духовную сущность* (субстанцию) человека, мы сделаем краткий психологический анализ человека». Не ищите другого основания для этого «то есть», столь уверенного в себе самом, система требует этого, она нуждается в нем, и этим все сказано. Правда, тогда я забыл, что слово «быть» не означает больше для автора то, что оно обозначает для всех людей, что бытие для него обозначает лишь «абсолют», «действенную причину», творческую силу, так что результаты бытия всякого абсолюта, не будучи сами абсолютами, не будучи причинами, не будучи творческими силами, ничего не создавая, в силу этого «не существуют». Так что после того, как мы вначале долго полагали, что «абсолют не может быть без своего мира, без своего результата», мы в конце концов признали бы, что «все-таки этот мир, этот результат не существует, не есть». Если бы хотели сравнить значение слова «бытие» со значением слов «быть результатом абсолюта», и тогда мы запутались бы между двумя противоречащими утверждениями: что абсолют не может существовать без результата и что, однако, результат абсолюта не может существовать, по крайней мере, если он не станет сам творцом, т. е. абсолютом. Вот какая беда происходит оттого, что играют словами, что придают то же самое значение таким словам, как «быть», «творить», «прогрессировать», «быть причиной», «действовать» и т. д.

Человеческое существо, духовная сущность человечества, человеческая творческая сила, эта великая душа, воплощающаяся в людях, есть, следовательно, абсолют, действенная причина человеческого мира (наука, искусство, промышленность и т. д.). Это есть его мир, его продукт. Реальные люди, человечество в массе является только воплощением этой великой [души], единой и единственной. А именно, реальный человек есть двойной результат: с одной стороны (со своей физической стороны), он продукт природы (одушевленной) того абсолюта, которого автор не принимает, тогда как с другой (с духовной стороны) — он не является результатом (не следует путать эти два термина), но простой персонификацией абсолюта, известного автору, абсолюта, производящего науку, искусства и т. д. Вы припоминаете, что абсолют не был понят, пока не удалось уточнить закон, который он поставил себе в качестве цели и который управляет всем своим продуктом,

всем своим миром — творением. Этот закон — закон прогресса, совершенствования (не людей, не человечества), а наук, искусств, промышленности, общественных форм (не человечества, но человечности, это две разные вещи). Это непрерывное совершенствование мира, творчество абсолюта само производит следствие — все более и более тесную связь людей, соединение таким способом, что, в строгом смысле слова, это соединение людей является истинной целью абсолюта и истинным законом его мира, в то время как прогресс наук, промышленности и социальных форм становится только средством к его достижению. (Это не единственный раз, где у автора средство становится целью, доказательство [этого] — собственность.) Точно так же, с этою же целью, абсолюта, воплощаясь в людях, дифференцируя свои персонификации, не создает двух совершенно одинаковых людей, но делает их такими, что они могут понимать друг друга, по-видимому для того, чтобы прогресс, а следовательно, и объединение совершалось быстрее, чтобы возможно было разделение труда. Это прогрессивное движение ко все более и более тесному объединению, ко все более и более *справедливым* отношениям есть движение без конца. Прогресс есть необходимо непрерывное и вечное движение. Он есть последовательное развитие идеи справедливости, или, что означает то же самое, идеи объединения людей, развитие, которое совершается посредством моментов, посредством фазисов. Каждый из этих моментов только подготавливает следующий и наступает не раньше, чем достигнет предназначенной ему цели в человечности (в мире человеческого творчества). Всякий момент представляет прошлое по отношению к следующему моменту и будущее по отношению к предшествовавшему, откуда вытекает, что он является справедливостью по отношению к предшествовавшему и несправедливостью по отношению к следующему или, правильнее и говоря без сравнений, все представляют справедливость, объединение людей. Поскольку творение, вызванное абсолютом, непрерывно выявляет все новые моменты, прогресс должен продолжаться всегда. Не может быть последнего момента, последнего фазиса, потому что все они имеют перед собой будущее. «Наиболее тесное, какое можно только вообразить, объединение между людьми, наиболее совершенное, истинное, природное состояние человека, наиболее удаленная точка будущего, которой может достиг-

нужна человеческая мысль и где она может укрепиться, еще не является наибольшим прогрессом, ибо этот последний является целью в вечности, идет в бесконечность». Мысль, когда она фиксирует и выводит наиболее совершенное объединение, которое возможно между людьми, наиболее справедливую социальную форму, постигает лишь состояние более или менее удаленной точки в будущем, которая сама покажется несправедливой, когда наступит следующая социальная форма.

Вечное стремление к объединению есть выражение реального и первоначального единства абсолюта, воплощением которого являются люди.

Что касается наиболее совершенной формы объединения между людьми, наиболее справедливой социальной формы, которую может постигнуть мысль (вероятно, в настоящее время, потому что во всяком случае, как известно, это не может быть последней ступенью прогресса), то это будет такая общественная форма, где личная заинтересованность будет заменена призванием, общественным интересом, где всякий труд будет производиться по призванию, а не с целью получить вознаграждение и где распределение продуктов будет производиться по потребностям. Одним словом, это будет общество, где производство будет регулироваться по великому принципу Фурье³, а потребление будет регулироваться по общему коммунистическому принципу справедливого распределения. Впрочем, автор дает только общие принципы лучшего общества, не входя в детали формы этого общества.

Таков скелет метафизической системы, и я не думаю, чтобы в этом очерке я забыл какой-либо важный пункт. Это реминисценция гуманитарной теории Пьера Леру⁴, видоизмененной под влиянием новейшей немецкой метафизики. И хотя автор делает вид, как будто хочет отрицать это, тем не менее его система является возрождением старой теории способности человека к совершенствованию Кондорсе⁵ и Гердера⁶, в несколько новой форме.

[Рассуждение второе]

Прежде всего я хочу обсудить предмет, которому Вы, очевидно, придаете большое значение, раз говорите: «Если я потерял здесь, то потерял все». К счастью, я смогу быстро покончить с этим вопросом, ибо совершенно согласен с Ва-

ми, что *последний результат стремлений* не может быть единым, когда источники [их] происхождения различны... и что совершенно различные мирозерцания не могут в практической жизни мирно ужиться друг с другом, и не сегодня-завтра между ними должно возникнуть яблоко раздора. Если Вам показалось, что я придерживаюсь противоположного мнения или убеждения, то это — недоразумение, в котором виноват, вероятно, мой способ выражения. Конечно, под весьма широким понятием практики я в том месте подразумевал нечто значительно более узкое, чем это обычно принято. В этом действительно моя вина.

Я также совершенно убежден, что если бы сегодня первые христиане, жившие коммунами, и иезуиты из Парагвая⁷ вдруг встали бы из своих могил и были бы приглашены теперешними атеистами-коммунистами Дезами для общежития, то от такого общежития произошли бы только трения, ссоры, война.

Нет нужды напоминать Вам о том, что значительно менее разнородные элементы — двое коммунистических вождей во Франции — деист и моралист Кабе и атеист и материалист Дезами не смогли ужиться рядом⁸: они враждовали друг с другом не на жизнь, а на смерть до тех пор, пока моральный деист не засадил своего «аморального противника» в тюрьму.

Почему же это? Потому, что совместное существование — это совсем не то, что единичное и специальное совместное действие. Общежитие состоит из множества, целого ряда отдельных действий, действий, направленных к различным целям. Поэтому, когда я говорил о практике, могущей не принимать во внимание различие исходных точек зрения, я имел в виду вовсе не более или менее длительное согласное общежитие, а соглашение для известных действий. Впрочем, я ни в коем случае не хотел сказать, что при различии в мирозерцании и в исходных точках зрения в конце концов можно было бы прийти к одинаковому «последнему результату» (в общем и целом), — нет, я лишь хотел сказать, что при всем различии мирозерцания, принципов, систем *некоторые* результаты и *некоторые* выводы из этих систем — причем, конечно, небольшая часть из них — могут быть идентичными. И такие [результаты и выводы] явятся, естественно, основанием для определенных совместных действий так же, как другие — основанием для ссор. Допустим на минуту, что я правоверный хрис-

тианин, что я верую не только в существование св. троицы, не только в богоматерь, но даже во всех новых членов ангельской иерархии, установленных Дионисием Ареопагитом⁹; что я смотрю на весь земной мир с точки зрения будущего райского блаженства, что я столько поработал над собой, что я столько раз молил «отче наш»¹⁰, что весь Никейский *symbolum fidei* [символ веры]¹¹ кажется мне с начала до конца самым наидостовернейшим, ясным и простым, как дважды два четыре, что я иногда желаю не только своего личного спасения, но, следуя учителю, его ученикам и великому множеству святых, горячо желаю и настойчиво хлопочу о спасении моих собратий. И для этой цели мне кажется [необходимым] (конечно, среди многих прочих дел) и отмена частной собственности, и это, *во-первых*, потому, что мой небесный учитель сказал, что легче верблюду пролезть через игольное ушко, чем богачу попасть в рай; и потому, что он прямо сказал единственному состоятельному ученику (анонимному ученику), пришедшему к нему: «Продай все, что имеешь, и раздари»; и потому, что он неоднократно говорил: «Не заботьтесь о благах мира сего — смотрите на птиц» и т. д. Или еще: «Нельзя одновременно служить богу и собственности (или богатству, по древнееврейски — Маммоне)», ибо сам учитель и его ученики не владели имуществом и занимались собиранием, и сам он сказал: «Птицы небесные имеют гнезда, и змеи имеют норы, а сын человеческий не имеет угла» и т. д. И когда они были голодны, они не стеснялись брать зерна на первом попавшемся поле, и когда они жаждали, [они брали] винные ягоды с первого попавшегося дерева, и если учителю требовался осел, чтобы ехать на нем, то он обычно велел брать для него первого, встретившегося на пути, и если владелец осла иногда сердился, то он велел просто отвечать: «Нашему учителю требуется эта ослица» («каждому по его потребностям»; «потребность — вот подлинное право на потребление». См. Морели, Кабе, Дезами и других коммунистов).

Во-вторых, потому, что я знаю, что мы — братья, сыновья одного отца и что, так же как в хорошо устроенной семье члены владеют имуществом не каждый в отдельности, а все сообща, а еще вернее, все принадлежит отцу и этот отец живет вечно, а сыновья потребляют столько, сколько каждому надо, и потому, по-моему, полное осуществление небесно-христианского принципа *братства* может

быть достигнуто только путем отмены частной собственности.

В-третьих, потому, что я вместе с Григорием, Василием, Афанасием, Златоустом, Августином и прочими величайшими орто[до]ксальными учителями церкви полагаю, что частная собственность есть зло¹², что она является причиной по меньшей мере половины греховных деяний, совершенных людьми, как, например, разбой, воровство, распря, ненависть и т. д.; и потому, что я хочу убрать с дороги этот камень преткновения.

В-четвертых, потому, что я вижу, что это мое желание вполне соответствует ортодоксальному [учению], и я читаю, что первые христиане «никакого личного имущества не имели, а владели всем сообща» и что третье лицо святой троицы — святой дух, пишущий сие рукой святого Луки, добавляет к этому: «И им жилось хорошо, и среди них не было бедных, и община росла, веруя в бога, и т. д.», и то, что величайший апостол по внушению святого духа также считал частную собственность наказуемым делом (см. притчу об Анании и Сапфире). По всем этим причинам я осуждаю частную собственность и выступаю за братское, совместное владение земными благами, за распределение продуктов труда по потребностям каждого. Допустим, далее, что Вы такой закоснелый атеист и материалист школы Дезами¹³, что само слово «дух» вызывает злую улыбку на Ваших устах, что Вы такой человек, который не только [не] верит во все эти символы веры, во всякие там афанасийские, василийские, никейские, халкедонские мистерии¹⁴, но вообще ни во что не верит, а знает только то, что видит, слышит, осязает или до чего дошел путем логических умозаключений. Допустим, что Вы — конечно, по совсем другим причинам, чем правоверный христианин, — против разделенной частной собственности и за совместное владение имуществом, за равное распределение продуктов по потребностям. Допустим, что такая организация покажется Вам причиной приумножения и возможности налаживания производства, основанием для экономии лучшего использования промышленных сил, а что касается распределения продуктов, то это покажется Вам осуществлением справедливости и равенства в обществе; и если все это предстанет перед Вами как великая польза для человека и Вы по своей природе чувствуете большую потребность осчастливить своих ближних, — тогда Вы усердно будете трудиться

над осуществлением подобной организации. Далее, я не могу понять: почему мы оба, если иной раз мы и стремимся к различным целям, почему мы все же не можем договориться об осуществлении общинной организации в обществе, поскольку мы оба так дорожим этим? Если Вы отталкиваете меня только потому, что у меня иное миросозерцание, что я совершенно иначе, чем Вы, смотрю на весь мир, то Вы заведомо лишаете себя силы, и в Вашей партии Вас справедливо сочтут человеком непрактичным. Вы считаете, что вся византийская метафизика, которая у меня в голове,—это сущий бред? Хорошо, но кто мешает Вам осудить ее после того, как мы достигнем того, к чему мы с Вами стремились, или, более того, кто мешает Вам в одно и то же время по одному вопросу быть на моей стороне, а по другому вопросу — против меня? Ведь сохранение в людях веры в никейские мистерии и осуществление общинной организации в обществе суть вещи разные. Впрочем, коалиции разных партий для временных согласованных действий настолько часто встречаются в истории, что не стоит приводить примеры. Только это, и больше ничего, я имел в виду, когда говорил, что практика часто может не принимать во внимание различных исходных принципов, так как совершенно разные системы иногда содержат в себе совершенно одинаково гласящие выводы.

[Рассуждение третье]

...И не говорите, что человечество не должно познавать законы своего бытия, а само создает их, ибо даже если допустить божественность человечества, то все же я не знаю, почему оно не может и создавать свои законы, и познавать их. Вы сами вынуждены сказать, что идея божественности человечества не всегда существовала, что к этой идее пришли лишь в новое время; значит, бог — человечество долго существовало, не ведая о своей божественной сущности; теперь же пришли к сознанию этого; почему оно не может далее существовать, не познав законов своего существования и дойдя до их познания лишь позже? Вы говорите — познание «человека» еще недостаточно; если неизвестна его сущность, то также неизвестны законы его бытия, которые могут быть познаны вместе с его сущностью.

По такой же причине я пока не высказываю своего

мнения по поводу того дополнения, которое Вы хотели дать к определению целей социалистов: «...потребностей, которые создал человек для себя». Я это дополнение не вполне понимаю. Должно ли это означать, что люди добровольно и упрямо создают себе, бог знает для чего, такие потребности, как, например, голод, жажда, болезнь и т. д. Разве только для того, чтобы доставить себе удовольствие удовлетворять их? В таком случае задача социалистов оказалась бы, конечно, чрезвычайно легкой. Нам вовсе не понадобилось бы придумывать разные организации человеческого общества — достаточно было бы выступить с такой проповедью к людям: все это вы создали сами, по своей собственной воле, уничтожьте это и обратите свою созидательную силу на другие предметы. А ты, бог — человечество, всесильное человечество, как же ты просчиталось, сотворив для себя такие страдания и потребности, что для того, чтобы доставить себе $\frac{1}{50}$ долю непродолжительного удовольствия, ты должно терпеть $\frac{49}{50}$ несказанных мук. И ежели ты в самом деле всемогущ по отношению к себе, то разве ты не мог бы для себя устроить таким образом, установить для себя такие законы, чтобы по своему желанию получать удовольствие от выздоровления — без страданий болезни, удовольствие от насыщения — без мук голода? Если же ты этого не можешь, то разреши мне усумниться в твоём всемогуществе по отношению к себе. Или это должно просто обозначать — что я допускаю охотнее — такие потребности, которые естественны для человека, — естественные условия его бытия? Такие потребности, которые мы можем заметить, если только будем внимательно наблюдать за людьми и изучать их? В таком случае, конечно, я ничего не имею против Вашего дополнения — тогда оно явится только объяснением слова «потребность», ибо воображаемые потребности называются навязчивыми идеями, монотоманиями, но никак не потребностями.

Я вовсе не намерен отрицать, что гуманизм, обожествление человечества или человека, антропотеизм — одна из доктрин новейшего времени¹⁵. Вы правы: весь немецкий идеализм XIX века — «великая» немецкая философия, начиная с Фихте (оставьте Фихте с его Я, которое является лишь иным названием духа, и не-Я, которое представляет собой лишь синоним природы, — Фихте, из школы которого вышли Шеллинг и Гегель, которые посред-

ством своего абсолюта или абсолютной идеи [устранили] противоречие между его Я и не-Я и таким образом дополнили его систему), метит лишь в антропотезизм, пока она, достигнув в лице своего последнего знаменосца и корифея — Фейербаха — своей вершины и называя вещи своими именами, вместе с ним восклицает: «Homo homini deus est» — человек человеку бог. Я видел далее, как эта доктрина, проникая из Германии, распространилась среди других народов — конечно, не так широко, как на своей родине. И при этом я имею в виду не рабских переписчиков гегелевской философии за границей, а лишь самостоятельные умы — Прудона во Франции и Каменьского в Польше. Оба вышли из школы Гегеля, и лучшим доказательством того, что предпосылки для обожествления человечества имелись уже у самого Гегеля¹⁶ и что школа Фейербаха была его подлинной наследницей в Германии¹⁷, является то, что и у этих двух соседей немцев и в то же самое время, что и в Германии, гегелевское учение выступило как антропотезизм, и пришли они к этому, не зная Фейербаха, как Фейербах не знал их*.

Странно, что и Прудон, и Каменьский оба изложили его в философски-экономических трудах («Filozofia ekonomii materyjalnej», «Philosophie de la misère ou syst [ème] des contr [adictions] économiques»**), но замечательно то, что в то время, как в Германии фихтевские противоположности между Я и не-Я — природой и человечеством — нашли свое единство у Шеллинга и Гегеля и заключили мир в абсолюте и абсолютной идее и этот мир у Фейербаха не нарушается, эта противоположность снова появляется у Прудона и Каменьского. У Каменьского она потихоньку проскальзывает в систему — он не может признать человеческий абсолют абсолютом природы. Он не вполне понимает и не может себе объяснить порочность этого абсолюта природы, он не знает, что с ним делать, и отодвигает его в сторону. У Прудона же возникает трагическое противоречие, которого оно никогда, пожалуй даже во времена древ-

* * *

* Грюн пишет, что он познакомил Прудона с произведениями Фейербаха, когда Прудон уже закончил свой большой философско-экономический труд и показал его Грюну¹⁸. Что касается Каменьского, то, создавая свою философию, он, очевидно, не был знаком даже с изданными к тому времени сочинениями Фейербаха.

** «Философия материальной экономики», «Философия нищеты или система экономических противоречий». — Ред.

неперсидского учения, не достигало, — это не отвлеченная противоположность, это борьба не на жизнь, а на смерть. «Бог! Я ненавижу тебя! Я не успокоюсь, пока не сделаю очевидной для всех твою подлость и пока не сделаю твое имя посмешищем для всех людей!» — восклицает он в экстазе. «Вся история — это единоборство между богом и человеком!» «Недостаточно отрицать бога, надо его ненавидеть!..» «Каждый шаг человечества вперед — это пощечина богу!..» «С каждым шагом человечество побеждает бога, и снова [бог] всплывает, чтобы испортить человечеству его творение, но человечество все больше и больше остается в выигрыше...» «Бог и человечество — две противоположных, друг другу непонятных и необъяснимых сущности. Что для одного глупо, то для другого — разумно, что одному на пользу, другому — во вред и т. д.». «Бог — это слепота и глухота, бог — это ложь или глупость, бог — это рабство и бедность. Бог — это немилосердие и подлость, бог — это само зло». Разве это у обоих шаг назад к точке зрения Фихте? Или, может быть, в обеих системах — неясное начало чего-то нового — именно: так как «два абсолюта не могут существовать рядом», то не придут ли в конце концов к заключению, что во вселенной нет никакого абсолюта, а есть лишь более или менее обусловленные силы? Нет бога и нет богов, есть только неабсолютные существа? Но к такой идее германцы не так скоро решатся прийти.

Итак, я признаю антропотейзм доктриною нового времени, над которою трудились великие умы нашей современности, великим и характерным фактом нашего времени. Только мне думается, что европейское человечество на нем не остановится, что антропотейзм — не конечный результат, а только переходное учение — «момент, который разовьется в нечто высшее», как говорят немцы. По-моему, он есть лишь путь, по которому Германия и наука придут к полному и безусловному отрицанию религии. (Уже поэтому я не могу признать его центром и средоточием явлений нового времени. И в конце концов, неужели так обязательно свести явления определенного периода к одной-единственной идее? Разве это не односторонность и разве действительность не богаче и не многограннее?)

Антропотейзм — тоже религия, только другая. Предмет обоготворения у него другой, новый, но не нов сам факт обоготворения. Вместо бога-человека мы имеем теперь

человека-бога. Изменился лишь порядок слов. Да разве разница между богом-человеком и человеком-богом так уж велика? Разве обособленный христианский бог не был целиком скроен по образу и подобию человека? Конечно, этот бог был существо особенное, отличное от человечества, — но разве в этом суть? Раз установлено, что он представлял собой подобие человека, абстракцию и увеличенный образ человека, то законы и все остальное, исходящее из такого авторитета, не могут быть не- или противочеловеческими. Поэтому христианство и вообще все религии содержат столько человеческих предписаний¹⁹. А ежели обособленность, не-мое-Я-бытие христианского бога есть такой великий грех, такая дурная вещь, разве иначе обстоит дело с антропотеизмом? Разве я, пишуший Вам, так уж тождествен человечеству или «человеку»? Разве все человечество — во мне и разве «человек» настолько полно заключен во мне, что человек начинается мною и кончится мною и что мой самый причудливый каприз является волей «человека», следственно — мировым законом? Если это не так, то «человечество» и «человек» тоже чужие, посторонние для меня сущности, не тождественные мне, хотя и довольно похожие на меня, но чуждые мне авторитеты. Конечно, если христианский бог был лишь частичной абстракцией человека, именно составленной из некоторых свойств и функций человека, которых вкус того времени объявил самым «благородным» (я говорю — вкус, ибо такие категории, как прекрасное и безобразное, хорошее и плохое, благородное и низкое, всегда были и всегда останутся делом вкуса). В самом деле, бог не был факсимиле, слепком человека — он был спиритуалистической абстракцией человека. Телесное отпало — остались только свойства, функции и деяния человека, которые получили общее название «души», и из них то, что больше всего соответствовало вкусу (не безумие, а разум, не злая воля, приносящая вред людям, а доброта и т. д.), было извлечено, связано, увеличено до бесконечности (абсолютизировано), доведено до апофеоза. В этой односторонности вкуса, в этой ошибке разума, состоящей в превращении дела вкуса в принцип мышления и в неспособности видеть узкую односторонность, коренились практически вредные для людей аскетизм, пренебрежение ко всему плотскому, отвращение и ненависть к нему. В этом, конечно, величайшая разница между христианством и антропотеизмом. Антро-

позитивизм (по крайней мере в той совершеннейшей форме, в какой он является у Фейербаха, ибо Гегель еще слишком много говорит исключительно о духе, и хотя у него нет отвращения к телесному, но в этом отношении он, по моему, не пошел дальше христианско-лютеранской точки зрения²⁰) есть второе вознесение бога-человека или человека-бога, который, согласно легенде, взял с собой на небо и свое тело (см. евангелие). Если бы об этом различии в теории или в догмах заговорили раньше, например в XV веке, то это имело бы — по крайней мере среди приверженцев — крупные практические результаты, вызвало бы целую революцию в укладе жизни. Но сейчас разве это могло бы быть, что бы ни произошло? Практические результаты обогнали здесь теорию. Лютеранское христианство давно уже упразднило аскетизм: с тех пор эта реформа потихоньку проникла повсюду. Кто теперь является аскетом? Это уже допотопное существо, которое можно найти только в Индии. Что такое аскетизм новоримской церкви (я называю новоримской или новопапской римскую, папскую или католическую церковь, как она сама себя называет после ее реформы на Тридентском соборе, т. е. одну из тех новых христианских церквей, которые наряду с англиканской, лютеранской и кальвинистской²¹ все вышли из староримской церкви. Ее можно было бы также назвать романской церковью, так как к ней принадлежат почти только романские народы), аскетизм иезуитов в сравнении с древнеримским и византийским, а это в свою очередь — в сравнении с христианско-египетским — с аскетизмом жителей Фив, который вызывает ужас или удивление (смотря по вкусу и настроению наблюдающего) и ни в чем не уступает индийскому? Европа так никогда и не была классической страной аскетизма, который пышно расцвел только в Индии и в Египте²². В Китае, напротив, хотя там распространен буддизм, насколько мне известно, нет аскетизма и созерцательности; к евреям он перешел от древних египтян и получил далеко не такое развитие, к мусульманам он пришел из еврейской и византийской религии, как и частично из [своих] догм. Аскетизм — явление местное, вне своей родины оно идет на убыль и постепенно совсем умрет. Пересаженный с Востока, аскетизм вскоре теряет свой первоначальный смысл: в Европе он рассматривается скорее как средство для достижения царства небесного, как один из путей к нему, а не представляет собой чистое увле-

чение спиритуализмом, ненависть и неприязнь к плоти, как это часто бывает на Востоке. Но почему аскетизм должен быть дорогой к царству небесному, так и осталось для всех непонятным. Какой-то отец [церкви] порекомендовал его, и страх перед адом, перед вечными адскими муками довершил все остальное. Ненависть и неприязнь ко всему плотскому, которые христианство III и IV веков со всеми своими принципами, как и многое другое, получило в готовом виде в наследство от александрийской и неоплатонической школ, — эта ненависть, могу я утверждать, никогда не существовала в Европе, напротив; и вообще нужен слишком ненормальный и болезненно извращенный вкус, чтобы она где-либо получила всеобщее распространение и нашла подражателей. Но когда медицина и физиология, развиваясь, доказали, что большинство видов аскетизма является не чем иным, как медленным самоубийством, и таким образом приравнивали его к одному из величайших грехов по христианскому учению, тогда аскетизм получил последний удар даже в тех религиях, где, вероятно из тяготения к старине, сохранились некоторые формы древности, хотя смысл их был уже утерян. Плоть была уже достаточно реабилитирована к тому времени, когда антропотейзм стал обожествлять ее вместе с духом.

Далее, не помню, чтобы я, желая найти сходство, сравнивал первых христиан с парагвайскими иезуитами или времена раннего христианства — с современностью, как Вы говорите. Если два предмета обладают многими признаками, то я назову их сходными только в том случае, если большинство признаков равны друг другу. Но если из ста признаков в обоих предметах лишь один совпадает, тогда они как были, так и остались совершенно различными. Я сравнил первых христиан с учениками Дезами только для того, чтобы показать, как *совершенно различные* системы могут иметь среди ста различных выводов *один* совершенно одинаковый. А парагвайских иезуитов я привел только для того, чтобы сказать, что введение совместного владения имуществом вместо индивидуального, *раздельного само по себе* не может быть нехристианским и неортодоксальным делом. И то и другое я утверждаю сейчас. Говоря о первых христианах, я имел в виду не монастырские общины, возникшие лишь позже, я говорил о первых христианских общинах, как они вкратце описаны в книгах апостолов. Здесь аскетизм еще не выступает так сильно на

первый план; люди сходились не для того, чтобы только поститься и молиться, и община у них является лишь результатом желанья лучше и крепче сплотиться против враждебных элементов, результатом сильной привязанности к братству, являвшейся для них одним из основных принципов, — точно так же как у ессеев, их предшественников, которые по той же причине вели такой же образ жизни²³. Начавшись с аскето-анахоретов в Египте, сложившись в Византии в монастыри (т. е. в общины анахоретов), чтобы затем в Европе преобразоваться в *ордена*, т. е. в союз или по крайней мере агрегацию монастырей, монастырский образ жизни появился двумя-тремя веками позже. Разумеется, государство иезуитов в Парагвае было лишь подражанием новоримской монастырской жизни. Как ни вертись, я не могу найти большой разницы между общественной *организацией* первых христиан, монастырей, государства иезуитов и общественными организациями коммунистов. Различны нравы людей, их мысли, их убеждения, многие их желанья, но не общественная форма. Это *разные* люди или, если угодно, — так как под словом «общество» я подразумеваю не только общественную форму, но также и индивидуумы, находящиеся в этой форме, — это разные общества с одной и той же общественной формой или организацией. «Община» и «равное распределение» и т. д. имеют у них всех одно и то же значение*, и это не голословное утверждение, потому что «община» и «равное распределение» требуют для своего осуществления совершенно особой организации. Сходство между всеми этими обществами не только «кажущееся» сходство на первый взгляд, а подлинное, только очень одностороннее, частичное, такое, как, например, между Россией и Китаем. Если ученики Дезами не смогли бы жить вместе с первыми христианами, или с монахами, или с парагвайскими иезуитами, то это не потому, что они нашли бы организацию общества, их внутреннее социальное устройство плохим, несправедливым и абсурдным, — наоборот, ибо тогда они стремились бы только к преобразованию этой организации в общину, как они делают это в современном обществе, — а только

* * *

* Сумма делимых продуктов может быть различной — она зависит от суммы вложенного труда, но, делю ли я 1000 или 100 на равные части, мое действие во всех случаях означает «равное распределение».

потому, что весь круг понятий этих людей и затем их желания не подходили бы к кругу понятий и желаниям тех. Но они немногим более мирно уживались бы с икарийцами, учениками Кабе, и по тем же самым причинам. Но если Вы из-за этого пожелали бы исключить нравственного и религиозного Кабе и его школу из социализма...

Перехожу теперь к характеристике с[оциализма]*.

Конечно, раз мы придерживаемся того мнения, что Вы не хотели дать характеристику этого особого явления нового времени, которое во Франции называется социализмом и которое проявило себя там, как и великая революция, а наоборот, [хотели дать] характеристику всего нового времени или новых идей, появившихся в новое время, т. е. определение всего исторического периода в Европе, который «начинается с конца прошлого века и закончится только в будущем» и в котором социализм [выступает] не как единичное, но все же как особое явление среди других, как, например, французский энциклопедизм (или философия прошлого века)²⁴, американская государственная конституция, французская революция, немецкий идеализм и др., которые все можно вместе с ним подвести под одну идею,— в таком случае я не возражаю против широты этого определения. Эта характеристика целого исторического периода, именно новейшего периода в Европе настоящего... Еще раньше я совсем упустил из виду, что Вы это определение (примирение общего права с индивидуальным) благодаря добавлению совершенно точно ограничили принципом авторитета человека, так что оно является отнюдь не слишком широким и достаточно характерным для характеристики этого периода. Спрашивается только, согласен ли я с самой идеей, то есть подвожу ли я события новейшего исторического периода под это определение или под какое-нибудь другое?

Что касается выдвинутой Вами идеи об основном принципе нового времени и социализма, а именно что человек изобретает, а не открывает, что человек творит, то я вынужден сознаться, что я не совсем упустил ее из виду; но оттого, что Вы представили ее лишь в общих чертах, я не очень ясно понял Вас и потому толком не знал, что мне с ней делать. Я спрашивал себя, открыл или сотворил

* * *

* Следующий абзац перечеркнут.— *Ред.*

Колумб Америку, Лаврентье — планету Нептун, Ньютон — всемирное тяготение, и существовало ли все то, что описано в книгах по естествознанию, еще до того, как человек отметил и описал это, или нет? Вообще мне казалось, что такое странное смешение двух понятий, как познание и творение, не является основной идеей, вытекающей из современного образа мышления и современной исторической деятельности, что в лучшем случае оно представляет собою только личное мнение отдельного человека, и, по-моему, настолько ошибочное, что я скорее поверил, что либо Вы неточно выразились, либо я неточно понял Вас, — и решил подождать, пока Вы выскажетесь на этот счет подробнее. И я поступил правильно, ибо теперь я понял, что все это означает лишь: для человечества не существует никакого авторитета, никакого творца, никакого бога; что же касается философского бога, то человечество — само высшее и истиннейшее воплощение этого бога, поэтому для него не может существовать другого бога, кроме него самого: как всякий бог, оно ни от кого и не получает приказов, его собственная добровольная детерминация, его собственная воля, его собственное стремление — это и есть его единственный закон. Я избегаю здесь...

Феликс Густавович Толль

(1823—1867 гг.)

Сын канцеляриста. В 1844 г. окончил Главный педагогический институт. Служил учителем в Астраханской гимназии, затем в Финляндском кадетском корпусе. С 1848 г. преподавал в Главном инженерном училище. Занимался переводами.

Интересовался «историею просвещения у различных народов» и «религиозным вопросом». Читал сочинения Бр. Бауэра и Л. Фейербаха.

С 1846 г. посещал «пятницы» М. В. Петрашевского. Принимал участие в дискуссии о воспитательной роли литературы, отстаивал мнение, что «литература должна идти об руку с действительностью» и что каждый литератор «должен быть прежде всего сыном своего отечества»¹. Выступил с речью о происхождении и социальной роли религии, вызвавшей дискуссию.

По донесениям полицейского агента, Толль мечтал о коренном изменении воспитания молодого поколения таким образом, чтобы «приготовлять способных людей, на случай какой-нибудь революции», а массы — «к восприятию всяких перемен»².

Арестован 23 апреля 1849 г. «За порицание религии, богохуление» военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, по конфирмации замененному двумя годами каторжных работ на заводах. В 1855 г. получил разрешение жить в Томске. Во время ссылки сблизился с декабристами И. И. Пушиным и Г. С. Батеньковым. Познакомившийся с Толлем в 1857 г. М. А. Бакунин писал: «Голова у него светлая, разумная (...) Сердце золотое, благородное, чистое, неспособное ни к какой двусмысленности и совершенно чуждое эгоизму и тщеславию. Характер рыцарский, порывистый, то иногда умственно-мягкий, то буйно-энергичный и смелый»³.

Получив разрешение жить в столице, с 1859 г. служил учителем в Петербурге, сотрудничал в «Современнике», «Русском слове», «Отечественных записках». В 1863—1866 гг. издал «Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний».

Умер 9 ноября 1867 г.

Публикуемый «Набросок речи о происхождении религии», произнесенной Ф. Г. Толлем 11 марта 1849 г., представляет собой одну из речей задуманной петрашевцами серии по вопросам критики религии и церкви. Первую речь из этой серии произнес Н. А. Спешнев.

В показании на следствии Толль говорил, что набросок составлен на основании «учения Фейербаха и Бауэра»⁴, а также мнения «неизвестного автора брошюры», приблизительное название которой, по его словам «Die Religion und die Fichtesche Philosophie» («Религия и филосо-

* * *

¹ См.: Дело петрашевцев, т. II, с. 164.

² См.: Дело петрашевцев, т. III, с. 428.

³ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1907, с. 155—156.

⁴ См.: Дело петрашевцев, т. II, с. 165.

фия Фихте»), содержащей идею Фихте о замене религиозно-нравственного кодекса философией. Вслед за автором брошюры Ф. Г. Толль считал, что религия не только не дает никаких «убедительных ручательств» по поводу награды в загробном мире, «за страдание земной жизни», но и усыпляет разум, служит шаткой опорой нравственности⁵.

[Набросок речи о происхождении религии]

Народ есть сумма неделимых; поэтому явления в народе имеют свое основание в природе неделимых. Так как религии рождаются на всех степенях развития народов, что видно из того, что и самоеды и чукчи имеют свою религию и что христианская и магометанская религии родились у народов уже весьма образованных, то мы и должны определить их происхождение на различных ступенях общественного развития¹. Из этого увидим мы, что как, с одной стороны, религии народов неразвитых проистекают единственно из чувства подавленности человека грубыми, но гигантскими силами природы, так, с другой — религии народов образованных имеют источник свой единственно в желании их основателей скрепить свои нравственные и гражданские кодексы внешним авторитетом. Вечно чувствуя себя под влиянием внешней физической природы, человек до тех пор, пока еще не научился сам поработать ее, поражен ею, как чем-то громадным, великим и грозным. Он невольно противопоставляет себя ей как бессильное, жалкое, ничтожное существо, могущее быть уничтоженным малейшим переворотом в ней. Это непосредственное чувство своего ничтожества перед величием природы не связано ни с каким иным чувством или рассуждением. Только цивилизованный человек одновременно чувствует и мыслит и, чувствуя, не может не мыслить. Оттого он и не может представить себе чувства отдельно от мысли и даже предполагает, как все психологи, что в основании каждого чувства лежит суждение. Суждение — разъяснение чувства; прежде существует чувство, а потом уже ум является для проверки его и для показания, что оно имеет твердое основание². Так как человек дикий — то же, что дитя, потому что, так же как и оно, не испытывал еще своих сил,

* * *

⁵ См. там же, с. 180.

то, я думаю, лучше всего будет взять дитя и посмотреть, как в нем происходит процесс религиозный. Если какой-нибудь предмет поразил дитя, то оно чувствует к нему боязнь, смешанную с уважением, например молния, розга, и вовсе не старается д[ойти?] до причины, по которой этот предмет так или иначе подействовал на него. Показывайте ему этот предмет со всех сторон, во всех его явлениях, полезных и дурных, и дитя будет чувствовать к нему чувство религиозное, т. е. вместе и любить и бояться его, т. е. поклоняться ему. Каким образом — внутренне или внешне — в этом нет важности. Оставьте это дитя неразвитым, и оно никогда не будет стараться искать какого-нибудь основания этому явлению и, следовательно, до самой гробовой доски будет поклоняться самому явлению. Это поклонение природе и ее частным явлениям у американских дикарей³. Но самая жизнь развивает человека, на каждом шагу упражняя его ум и беспрестанно вызывая его к деятельности⁴. Видя, что всегда одно и то же явление следует за одним и тем же, человек свыкается с этим и, когда видит одно, начинает непременно предполагать и другое. Так рождается в нем категория причинности, которую он мало-помалу начинает переносить и в те явления, которые представляются ему непосредственно без предшествующих. Здесь является уже у него любознательность, которая не довольствуется привычкою, а ищет оснований и источника. Но и теперь еще он поклоняется только явлениям — с тою разницею, что эти явления выше прежних. Сначала он поклонялся непосредственно тому, которое поражало его; теперь он нашел причину его в другом явлении и поклоняется этому; таким образом, мало-помалу переходя от ближайшей к высшей причине, он на пути своем поклоняется каждой высшей ступени явлений, пока, наконец, находит связь между всеми и предполагает всем им один источник. Так родилась первая индийская вера в Индру, так родилась первая египетская в... *, еврейская — в Егову, которому предшествовали... **

* * *

* Так в подлиннике.— *Ред.*

** Так в подлиннике. Далее автором зачеркнуты слова: «Но параллельно с религиею или, лучше сказать, впереди ее развивается .../гражданская жизнь народа/. Становятся нужны законы, чтобы сдерживать необузданную массу народа, нужен нравственный и политический кодекс, предписывающий ей пределы» («Дело петрашевцев», т. II, с. 159).— *Ред.*

Прежде народ не имел надобности в этом, потому что без него тепло верил в своего бога, братски любил своих ближних, был равен им и свободен⁵, значит, обладал тем, чего как прекрасной, но отдаленной мечты добивается в настоящую минуту вся Европа,— благосостоянием. Но вот это благосостояние нарушено вторжением чужого народа, побеждающего его и полагающего начало неравенству: является сильный и слабый, из братьев люди делаются членами каст, побежденный становится рабом, а следовательно, льстецом, человеком без убеждений. Рабство физическое начинает вредно действовать на дух: теряется прежняя наивность, заставлявшая действовать всегда под влиянием одного побуждения природы, прежнюю энергию заменяет расслабление нравов. Народ гибнет — нужен избавитель. Нужен человек, который снова скрепил бы связь между человеком и природою, который нашел бы скрепляющую цепь между прежним наивным, натуральным действованием и сознательным действом под влиянием законов нравственных и политических. Но логика бессильна относительно большинства, авторитет законодателя может пережить его только несколькими годами, а между тем, по его убеждению, законы его так совершенны, что должны завещать невозмутимое благосостояние народу. И так законодатель решается, из любви к своему народу и чтобы укрепить за ним это благосостояние навсегда, на обман. Он видит, что авторитет должен иметь свое основание в самых верованиях народа, иначе народ не примет его, не примет, следовательно, и законодательства, связанного с ним. Религия, выработавшаяся из жизни самого этого народа, представляет ему такой авторитет в лице бога, Гома, Ормузда, Еговы, Озириса; он низводит бога на землю, заставляет его из любви к одному народу принять человеческий образ, говорить языком, доступным этому народу, создать для него кодекс морали и государственной жизни. Таким образом явились в критическую минуту Ману, Будда, Зороастр, неизвестный основатель египетской религии, Моисей, Орфей, Гомер, Христос. Все они старались подслушать таинственный голос минувшего, повествовавшего о философии природы, все старались отыскать ключ к морали, которой главными задачами было установление равенства, братства и свободы между людьми, главною целью — благополучие людей, с тою разницею, что один решал эту задачу и думал достигнуть этой

цели более духовным, другой — более материальным путем; один был решительнее, менее боялся разрушать старое, другой хотел примирить свою мораль с существующим порядком вещей, найти точку соприкосновения рабства с свободой, братства с господством, равенства с кастами⁶. Оттого первый находил мало отголосков на своей родине, в стране, где начал проповедовать, второй, заменяя зло злом или, лучше сказать, ничего не заменяя и не изменяя, только утверждал прежнее, давал ему более прочное основание. Так Ману, явившийся тогда, когда Индия была уже поработана неизвестными покорителями, и из этого поработания развилось как необходимое следствие различие каст...

Николай Сергеевич Кашкин

(1829—1914 гг.)

Сын декабриста. Воспитывался в Александровском лицее. С 1848 г. чиновник Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Член Русского географического общества. Увлекался философией и политической экономией. Изучал философские работы А. И. Герцена.

В 1848 г. организовал кружок молодежи, на заседаниях которого разбирали сочинения западных политэкономов и социалистов. Мечтал о создании общественной науки, построенной на естественных законах. Выступал с речью о задачах общественных наук, доказывал, что «философствующая логика ведет к атеизму»¹. В речи использовал работу А. И. Герцена «Дилетантизм в науке» и его статьи по поводу публичных лекций Т. Н. Грановского.

Принимал участие в обеде в честь Ш. Фурье. Готовил перевод одной из частей его произведения «Теория всемирного единства».

Арестован 23 апреля 1849 г. «За недонесение о произнесении подсудимыми Петрашевским, Ханыковым и Ахшарумовым на бывшем в квартире Европеуса обеде речах, в коих они порицали бога, церковь и государственное устройство», военно-судной комиссией был приговорен к четырем годам каторги, по конфирмации замененной ссылкой в солдаты на Кавказ.

Служил рядовым в Ставрополе. В 1853 г. в Железноводске познакомился с Л. Н. Толстым, «с которым до самой смерти великого писателя сохранил добрые отношения»². В 1855 г. произведен в прапорщики. В 1857 г. вышел в отставку. Получил право жить в Центральной России. В 1859 г. был избран в Калужский губернский комитет по устройству быта помещичьих крестьян. Служил в земстве, был членом Окружного суда.

Умер в Калуге в 1914 г.

«Речь о задачах общественных наук» произнесена Н. С. Кашкиным в конце 1848 г. Опираясь на философские работы А. И. Герцена, автор подчеркивал близость религии и идеалистической философии, доказывал неспособность идеализма, так же как и религии, служить теоретической базой для разрешения социальных проблем. Для объяснения законов общественного развития он предлагал использовать естественные законы природы, подрывающие религиозный взгляд на мир и являющиеся основой атеистических воззрений. Идея применения законов естествознания для разрешения социальных проблем разделялась многими петрашевцами. Наиболее подробно она представлена в «Карманном словаре».

* * *

¹ Дело петрашевцев, т. III, с. 170.

² «Петрашевцы в воспоминаниях современников». Сборник материалов. М.—Л., 1926, с. 199.

[Речь о задачах общественных наук]

[...] Но первый шаг к познанию добра есть отрицание зла. Чтобы открыть истину, признаемся прежде, что мы находимся в царстве лжи, и восстанем против источников ее.

Зададим себе вопрос: к чему привели нас науки, называющие себя, как бы в сознание своего бессилия, неточными? Для более ясного рассмотрения разделим их на четыре главных отдела: метафизику¹, мораль, политику и политическую экономию.

Начнем с первой.

Мне кажется, что задачей *метафизики* было понять, определить природу человека, чтобы на основании этого познания природы человека определить и цель существования его, цель, к которой он должен стремиться как индивидуально, так и в массе; словом, определить природу человека и судьбы человечества.

Но выполнила ли метафизика задачу свою? На это можно положительно отвечать: нет. В противность другим наукам, стремящимся расширить круг деятельности своей, метафизика стеснила область свою, позволила другим наукам вторгнуться в сферу свою, занялась только определением некоторых способностей человека, как-то: perceptions, intuitions, cognitions, sensations, abstractions* и проч. Гегель сказал: понять *то, что есть*, — задача философии, ибо *то, что есть*, — разум². Положив такое основание, что сделали философы: они заперлись в свои кабинеты и там старались подметить процесс мышления своего. Они хотели исследовать орудие мышления своего этим же самым орудием, свой разум хотели понять и определить своим же разумом; одна и та же способность была в то же время и целью, и средством их наблюдений, и предметом, и орудием³.

[Степенная, важно-глубокомысленная философия определила себе человека как мышление, науку признала целью: обобщая каждый вопрос, она выходила из жизни

* * *

* Восприятия, интуиции, познавательные способности, ощущения, абстракции. — *Ред.*

в отвлечение и оканчивала [сь] односторонним разрешением. Германские реформаторы, уничтожив в половине Германии католицизм, не выступили из области теологии и схоластических споров. «Наука есть наука, и единый путь ее — абстракция» — это стих их корана. Они на все отвечают громкими словами и, вместо того чтобы наполнить в самом деле пропасти, делящие сферы, отвлеченные от действительных, противоречия в жизни и мышлении, прикрывают их легкими тканями искусственной диалектической фиоритуры. *Растягивать все сущее* на одр формализма не трудно для тех, кто не внемлет никакому протесту со стороны сущего.

Философов с грехом пополам можно оправдать только тем, что они себя первых обманывают своими фокусами. Они удовлетворились, покойны, дальше идти не могут: они не знают и не могут себе представить, что есть дальше. Взяв одни буквы, одни слова, они ими заглушили всякое сострадание, всякое теплое сочувствие. Они намеренно, с усилиями поднялись на точку равнодушия ко всему человеческому, считая ее за истинную высоту: мертвое уничтожение в бесконечном считают они свободой и целью и, чем выше поднимаются в морозные сферы отвлечений, отрываясь от всего живого, тем покойнее себя чувствуют. Неизлечимо-отчаянное положение их состоит в этом чрезвычайном довольстве; они со всем примирились; их взгляд выражает спокойствие, немного стеклянное, но не возмущаемое изнутри; им осталось поживать и наслаждаться, прочее все сделано или делается само собой. Им удивительно, о чем люди хлопочут, когда все объяснено, сознано и человечество достигло *абсолютной формы бытия*, что доказано ясно тем, что современная философия есть абсолютная философия, а наука всегда является тождественною эпохе, но как ее результат, т. е. по совершении в бытии*. Для них такое доказательство неопровержимо, *фактами* их не смутишь — они пренебрегают ими. Спросите их, отчего при этой абсолютной форме бытия в Манчестере и Бирмингаме работники мрут с голода; они скажут, что это случайность. А дело в том, что факты им и не покоряются вовсе. Они, как китайский император, считают себя владетелями всего земного

* * *

* Это не выдумка, а действительно сказано в Истории философии Bayehoffer'a «Die Ideen und Geschichte der Philosophie», Leipzig, 1838, последняя глава. — *Примечание А. И. Герцена.*

шара, что, однако ж, не мешает всему земному шару, за исключением Китая, вовсе не зависеть от него.]⁴

Это стремление поставить разум человека выше законов природы, из одного разума извлечь и создать такой-то общественный порядок, который бы вполне удовлетворил стремлению человека к счастью, видим мы у всех философов. Это и есть их главная погрешность: в этом причина их бессилия, в этом слабость, доведившая их иногда до смешного. Так, Cousin* [из общей формулы человечества чуть ли не выводил кривой шеи Александра Македонского]⁵. Для примера возьмем Канта. Вот слова его: «Всякий отдельный человек имеет внутри себя, в душе своей, идеал нравственного совершенства, который он должен осуществить; но вместе с тем человек одарен побуждениями физическими, животными, которые влекут его к злу; из этих различных стремлений вытекает антагонизм добра и зла как в отдельном человеке, так и людей в обществе, который природа употребляет как средство развития способностей человека, как источник законного порядка в обществе».

Не противоречит ли это определение общему закону природы, по которому все потребности, все стремления, все страсти должны ужиться в гармоническом сочетании? Не есть ли этот дуализм, это понятие о борьбе доброго и злого начала в человеке — плод того ложного положения, которое хочет поставить разум человека выше законов природы? Посмотрим далее.

«Природа хотела,— говорит Кант,— чтобы все, что в человеке находится вне механического порядка его животного существования, он извлекал бы из самого себя; чтобы он не мог найти счастья, достигнуть совершенства вне того счастья, того совершенства, которого он может достигнуть сам собой, которое он может найти одним собственным разумом, очищенным от инстинкта».

Здесь опять Кант ставит собственный единичный разум человека выше общего разума природы, хочет, чтобы человек искал счастья и совершенства одним собственным разумом своим, не принимая в расчет того инстинкта, тех страстей, которые даны человеку общим, высшим разумом природы. Но где же источник единичного разума отдельного человека? Конечно, в высшем разумном существе, кото-

* * *

* Кузен.— Ред.

рое создало самого человека, и создало его не из одного разума, но дало ему и чувства, страсти. Откуда же взялась у человека дерзкая мысль ставить себя выше разума природы, создавшего его, присвоить рассудку монополию управления обществом и устранить, исключить из дележа власти страсти, получившие при создании его равные с ним права на это управление? Из ложного положения, принятого философами, что разум есть единственный источник истины и добра, что он должен исключительно управлять человеком. Мне кажется, что, не изменив этого положения, мы никогда не дойдем до совершенства и счастья. Инстинкт человека, его страсти никогда не подчинялись и никогда не подчинятся разуму; из столкновения их всегда происходила и будет происходить борьба, а понятие борьбы противоположно понятию гармонии. Такое понятие прямо ведет к атеизму. Неверующий видит между людьми страдания, ненависть, нищету, притеснения, необразованность, непрерывную борьбу и несчастья, ищет средства помочь всем этим бедствиям и, не найдя их, восклицает: если такова судьба человечества, то нет провидения, нет высшего начала! И напрасно священники и философы будут ему говорить, что небеса провозглашают славу божью! Нет, скажет он, страдания человечества гораздо громче провозглашают злобу божью. Чем более творение его — вся природа — выказывает его искусство, его мудрость, тем более он достоин порицания за то, что имея возможность к этому, он не позаботился о счастье людей. К чему нам все это поразительное величие звездных миров, когда мы не видим конца нашим страданиям? Пускай...

Но для чего делать это высшему разуму, создавшему всю вселенную? И какая ему честь в том, что он создал вселенную?

Если все эти миры населены такими же несчастными созданиями, как и мы, то ему мало чести в том, что он умеет так размножать число несчастных; если же между ними есть населенные счастливыми существами, то мы должны только упрекать его в несправедливости к нам. Во всяком случае мы можем скорее видеть в нем духа зла, нежели начало всего доброго и прекрасного!

И атеиста нельзя винить за такое мнение. Да разве не всякий день слепо верующие воссылают к богу хор упреков? Вся разница в форме, но какое дело богу до более или

менее учливой формы? Разве молитва, в которой его просят о богатстве, о здоровье, о счастье, — не тот же косвенный упрек? Не есть ли это порицание за то, что он не дал богатства, не дал здоровья, не дал счастья?

По моему мнению, неверующий поступает гораздо логичнее слепо верующего. И в самом деле, не разумнее ли отрицать вовсе существование всемогущего и всеблагого существа, нежели утверждать, что оно есть и всеблаго, но не хочет дать счастье стольким миллионам созданий своих; что оно всемогуще и не может изменить такого порядка, в котором бедный ежеминутно завидует изобилию богатого, раб — свободе господина, женщина — мужчине, дети — старикам и старики — детям; где один человек заставляет работать для себя другого человека то угрозой палки, то угрозой голодной смерти...

Но истина не в слепой вере, не в неверии, ни в том ни в другом метафизическом учении: истина в природе. В ней высший разум начертал волю свою, и из природы человек должен перенести ее в свою жизнь, в свое общественное устройство. Он научился открывать в естественных науках законы природы; остается применить их к науке общественной. И когда он это сделает, человечество будет иметь закон счастья и совершенства; пока же он не осуществит воли высшего начала, творца своего, ясно начертанной в великой книге природы, будет борьба, будет мрак, будет несчастье, *царство зла и лжи*.

Заклучим прекрасными словами Искандера: «Вера в будущее — наше благороднейшее право, наше неотъемлемое благо; веруя в него, мы полны любви к настоящему.

И эта вера в будущее спасет нас в тяжкие минуты [от] отчаяния, и эта любовь к настоящему будет жива благими деяниями»⁶.

Александр Владимирович Ханыков (1825—1853 гг.)

Сын библиотекаря Департамента народного просвещения. С 1844 г.— студент Восточного отделения Петербургского университета, а в 1847 г. за «неблагонадежное» поведение уволен из него. Стал вольнослушателем юридического факультета.

В 1845 г. познакомился с М. В. Петрашевским, посещал «пятницы», бывал у А. Н. Плещеева, Н. А. Спешнева, Н. С. Кашкина. Участвовал в распространении передовых идей среди студенческой молодежи. Изучал русскую литературу и сочинения западных социалистов, в частности Ш. Фурье. Читал сочинения Гегеля, работы Людвига и Фридриха Фейербахов. Участвовал в создании коллективной библиотеки петрашевцев, в подготовке литературы для тайной типографии.

Организовал группу студентов, в которой обсуждались социально-политические вопросы, готовились пропагандисты антимонархических идей в народе. Оказал влияние на формирование революционно-демократических, материалистических и атеистических воззрений студента Н. Г. Чернышевского. Снабжал его книгами.

Арестован 2 мая 1849 г. «За произнесение на бывшем в квартире подсудимого Европеуса обеде речи, в коей порицал бога, церковь и государственное устройство» военно-судной комиссией приговорен к четырем годам каторги. Генерал-аудиториат ужесточил наказание, одновременно ходатайствуя о замене расстрела 10 годами каторжных работ. По конфирмации Ханыков был направлен солдатом в Орскую крепость, где активно участвовал в тайном русско-польско-украинском кружке. Продолжал пропагандировать передовые идеи. Тогда же познакомился с Т. Г. Шевченко.

А. В. Ханыкова лишили права переписки с родными, у него изымали с трудом получаемую литературу. По специальной договоренности военного генерала-губернатора с начальником III отделения и военным министром Ханыкова отправили в батальон, где свирепствовала холера. Вскоре он заболел и умер.

Речь на обеде в честь Ш. Фурье произнесена А. В. Ханыковым на квартире у А. И. Европеуса 7 апреля 1849 г. Подготовленная совершенно «не в духе Фурье», она вызвала одобрение слушателей. А. В. Ханыков говорил о необходимости преобразования экономики на основе «общинного устройства», критиковал самодержавие и русскую православную церковь.

Работа А. В. Ханыкова «Религия будущности. Человек или Христос? Быть или не быть?» написана под впечатлением произведений Фр. Фейербаха.

[Речь на обеде в честь Ш. Фурье]

[...] Пытайте, исследуйте историю, и там, где начнется достоверность ваших изысканий, там найдете вы бледную тень [...] родства, найдете общину, федерацию общин, найдете сказки, песни о потерянном рае, о потерянном счастье у различных народов в различных образах, представлениях. Сделайте параллельное сличение — в них один смысл, одна сущность: нарушенное равновесие общественной деятельности... и тем живее чувствуемое, воспроизводимое впоследствии воображением, фантазией, чем сильнее были бедствия, чем далее и далее люди удалялись от своего первобытного состояния, которое заключалось в безусловном самоудовлетворении страстей, проявлявшихся в то время энергически, со всею силою и свежестью первых впечатлений, или, как говорит Зороастр в Зенд-Авесте¹: «Когда царствовал Джемшид², отец народов, наиславнейший из всех смертных, воздвигший солнце, то в его время животные не умирали, было изобилие в водах, плодоносных деревьях, животных, питавших человека. Блеск его царствования торжествовал над холодом, теплом, смертью, необузданными страстями». Говоря более отчетливым языком, первобытное состояние должно было заключаться в согласии страстей и лелеющей их среде, обуславливающейся правильным распределением климата, почвы, водяной системы, правильным отношением народонаселения [...] к средствам пропитания, одежде, приюту, в отсутствии вредных животных, болезней, [в] долголетию, в полной и невыразимо привлекательной свободе половых наслаждений — при красивости, стройности форм, телосложения, в отсутствии частной собственности, религиозного страха, беспечности и беззаботности о будущем... [...]»³.

Существенный характер нашего века заключается, говоря в самых общих чертах, в стремлении разума, отказавшегося решительно пребывать в чистой отвлеченности⁴ и нашедшего в своих отвлеченных сферах равновесие сил, проявиться на практике с той независимостью и свободой, какие свойственны всякой философии, не терпящей легального ярма, проявиться мощно, сильно, как некогда он проявлялся, влияя на людей в отдельности и на целое общество, в религиозной форме в классические времена

христианства⁵. Другое событие, характеризующее наш век, есть чрезвычайное развитие индустрии,— вот практика, вот золотая будущность, золотой век, как понимает его наша школа, придавая слову «*индустрия*» самое обширное значение, и стремление этой практики проникнуться в свою очередь началами разума, найти в своих материальных сферах то же равновесие, ту же ассоциацию сил. Из взаимного проникновения разума и индустрии и выйдет то новое вождевленное начало, на котором построится будущая жизнь человечества; но то, что известно было в последнее время в Европе под именем социализма, как его понимают Луи Блан, Прудон, Леру, левая сторона во Франции в Национальном собрании⁶, потом коммунизма⁷, германского радикализма, аграрных вопросов в С. Штатах, то они не произносят в своих решениях того последнего слова, которое во всемирной истории называется новое, высшее начало [...]. Отечество мое, это оригинальное, своеобразное выражение страстей, начала всемирного, следовательно, чувство общечеловеческое, отечество мое в цепях, отечество мое в рабстве, религия, невежество — спутники деспотизма — затемнили, заглушили твои натуральные влечения; отечество мое, думал я про себя, прислушиваясь к толкам современных славян, где твое общинное устройство, родное село, колыбель промышленной и гражданской жизни, где ты, народная вольница, великий государь Новгород⁸, и ты, раздольная широкая жизнь удельных времен? Заунывной песнию, прерываемой порою задорной удалью былого, отвечала ты мне, угнетенная женщина, воплощенная страсть моей любви к отечеству,— не люби меня, не ласкай меня; закон царский, господский, христианский заклянет, угнетет мое детище, изведет меня семья [...].

Весь недостаток и все изумительное величие нашей системы, господа, есть новый мир, открытый нашим учителем⁹, совершенно противоположный действительному порядку вещей. Этот новый мир включает в себе несметные, неведомые и мало кем тронутые богатства. Что будет, спрашиваю вас, если мы разработаем весь этот рудник? Но для этого понадобятся усилия, искусство, равносильные ценности богатств, в нем заключающихся, ибо, увлекшись, сосредоточившись в новооткрытом мире, что простительно, понятно в гении, наш учитель позабыл, пренебрег историческими преданиями, а если и касался их, то бегло и поверх-

ностно. Нам, нашей школе, следует пополнить пробел в системе [...]. Преображение близко!.. Но не в вере, не в молитве, как делают это христиане, день которых пришелся с нашим днем, не в вере, не в молитве, этом модном, светском, семейственном, детском препровождении времени, а в науке чистой будем приобретать мы бодрость наших страстей на терпение, на дела!

Религия будущего. Человек или Христос? Быть или не быть?

I.

Мы пришли на землю, не заключив никакого договора с существом вышечеловеческим, от выполнения которого (договора) зависело бы наше бытие и благосостояние на земле. И поэтому мы не обязаны знать, приятно или неприятно такому существу, как мы хотим устроиться на земле.

II.

Мы живем на земле, а она, как известно, не сказочная страна, где жареные голуби в рот летят. Это местообиталище так устроено, как и вся природа наша, что мы — говоря о большинстве людей — только трудом и взаимным содействием можем достигнуть того, к чему стремятся наши потребности, склонности и способности.

III.

Восприятие благосостояния неразрывно с удовлетворением наших потребностей, с деятельностью наших стремлений и сил. Мы живем только до тех пор, пока природа наша стремится к деятельности и самоудовлетворению. Поэтому стремление к счастью нераздельно с нашей жизнью, оно есть не что иное, как жизненное стремление. Оспаривать у нас право стремления к счастью и благосостоянию — значит оспаривать право деятельности и самоудовлетворения согласно законам природы, значит оспаривать у нас самую жизнь.

Мы тут, мы живем и имеем право жить; следов [атель-но], мы имеем право желать счастья.

IV.

Мы справедливо желаем счастья здесь, на земле, счастья без других границ, кроме границ, основывающихся отчасти на гармоническом развитии нашей природы, отчасти на законном благосостоянии всех. Искать же выше земного, сверхъестественного счастья, как удовольствия благочестивого в обращении со своим богом и т[ому] подоб[ное], то такое стремление, как презрение настоящего счастья, должно непременно вести к пожертвованию последним и вообще к пожертвованию естественной жизнью, должно вести к смерти и испорченности человечества. С точки зрения нравственной несправедливо признать такое счастье за настоящую нашу цель и предлагать его другим, ибо окончательным следствием этого будет то, что оно сделает законом истребление человечества.

V.

Желать быть счастливым по законам разума — значит не что иное, как желать жить согласно с законами природы. Желание счастья в истинном значении есть признание человеческой природы за высший закон¹ и отвержение всякого другого закона, который бы в человеческих вопросах стоял выше его, как закона опасного, жизневредного, как закона смерти.

VI.

Требовать счастья по законам природы совершенно справедливо, потому что находит основание в нашей жизни и нашем существовании. А если некоторые и могут жить противно этому требованию, это зависит от признания этого со стороны других людей. И потому благосостояние людей обуславливается тем, чтоб вера в истину, справедливость и святость естественного стремления людей к счастью все более и сильнее царствовала бы; а потому мы уполномочены и обязаны устранить по силам своим все, что противится победоносному шествию этой веры.

Человечество разумом, верою и доказательством приводится к хорошему или худому. И поэтому ежели мы желаем улучшить состояние людей, что невозможно без признания человеческих потребностей, то *мы должны прежде всего стараться, чтоб не дух христианства владел*

человечеством, осуждающий и проклинающий нашу природу, а другой, совершенно с нею примиренный.

VII.

Вера в справедливость естественного стремления всех людей к счастью совпадает с верою в справедливость их жизни и существования; потому что, как замечено, никто не может желать жить истинным образом, не желая быть счастливым, не желая быть счастливым в законном смысле. Оспаривать справедливость такой веры и нравственно убить человечество [—] одно и то же. Кто не может этого вывести из самой природы вещей, тому стоит только всмотреться ясными и открытыми глазами в историю христианства даже нашего времени. Она откроет ему это до ужасающей точности.

К чему все это? Только к тому, чтоб противопоставить истинную, полную (потому что нераздельна с правом нашего существования) справедливость религии будущности учению христианства. Религия будущности² есть не что иное, как вера в справедливость естественного стремления к счастью, вера в силы человеческой природы, как разумное условие к удовлетворению вышесказанного.

Религия будущности так основательна, так верна и истинна, как самое существование наше на земле; ее основание самое твердое и самое справедливое — сама земля, по которой мы ходим и на которой мы стоим.

VIII.

Эта вера, вера в людей, есть ложь до тех пор, пока она допускает возле воли нашей природы волю вышечеловеческого существа как закон и нравственное правило. Потому что одно из двух: эту волю высшего существа мы представляем себе или совпадающей с волею человеческой природы, или ей противоречащей. Принять первое и веровать ею — это по крайней мере излишне; зачем два одинаково гласящих закона? Принять же последнее и веровать в него — значит быть в диаметральной противоположности с верою в справедливость естественного стремления к счастью, значит приговорить самого себя к смерти.

Да будет воля людей!

Этим окрашен высший закон, свет, воля, душа будущей религии.

IX

Конечно, мы видим, что различные стремления и силы человеческой природы в индивидууме не всегда действуют с полной гармонией. Так, стремления неделимого могут противоречить стремлениям других людей, а это мешает счастью как неделимого, так и всего общества. Но неразумно, основываясь на этом, не признать человеческой природы за высший закон; к ней же относится способность *самосознания*, к ней же относится разум, эта заповедная сила; в то время, когда стремления, силы и способности человеческой природы в неделимом будут так развиты и регулированы, что человек будет вполне удовлетворен; а также когда общественные отношения будут так устроены, что могут жить *в мире и согласии*, сообразно с главным условием земного счастья и благосостояния. Конечно, человеческая природа несовершенна, но она имеет силу сама исправлять свои заблуждения, принимая мерилom их *свою пользу*, след[овательно], по собственному своему мерилу и закону.

X.

Человеческая природа должна *из собственного* своего зародыша, и только из него, вся и во всех людях гармонически развернуться, действовать и самоудовлетворяться.

XI.

Мы должны искать нашего счастья не выше и не ниже человеческой природы.

Что бы сказали мы, ежели бы кто-нибудь стал утверждать, что за мерило и закон человеческой природы должно признать природу обезьян и принуждал бы нас сделаться обезьянами, т[ак], напр[имер], перестать думать и говорить.

Так же ложно как и предыдущее учение, требование сделаться сходным с существом высшим, совершеннейшим, нежели человек.

Так же глупо и безнравственно стремиться и тянуться перейти за границу человеческой природы, как и сжиматься внутри этой границы. В обоих случаях это известная прокрустова постель.

Вечный, постоянный зародыш человеческой природы в сущности неизменной, заключается в нас самих; ее *волю* мы должны рассматривать как виднейшую *путеводную*

звезду, как истинный закон, ее собственная сила как главнейший источник счастья.

Это важное и дорогое знание, к которому *стремится* уже *человечество*, пробудившись от сумрачного самочувствия к полному свету *самосознания*, и посредством которого, найдя центр тяжести в своем же существе, человечество лучше установится на своих ногах и лучше пойдет. Это радостная весть нового столетия.

Конечно, она проникнет глубже и общее в человечество, заступит, наконец, место всех господствующих теперь так называемых религиозных систем, и ее должно рассматривать как *«религию будущности»*.

XII.

Нет спасения вне человека!

Это единственное выражение будущей религии, вернейшая проба для узнания, положив руку на сердце, свободны ли мы от всех религиозных бредней, обращены ли мы к делу человечества.

Чем лучше изучим мы человеческую жизнь, тем яснее увидим, что в намеренном или бессознательном отрицании этого основания, в презрении и непризнании человеческой природы заключается корень земных бедствий. Без неограниченного признания этого основания нет возможности образовать людей счастливее теперешних!

Это основание решительно признает человеческую природу, ее потребности и силы как сферу, в которой и посредством которой стремление к счастью всех людей может найти себе удовлетворение. Оно отдает судьбу людей в их руки, ставит счастье их в зависимость от деятельности людей, от общественного, гармонического развития их сил. Следов [ательно], это основание благоприятнее для удовольствия в труде, для деятельной человеческой любви, нежели всякая другая вера.

Труд и веселая жизнь как единственный центр, около которого вращается наше земное благосостояние; труд и веселая жизнь во всестороннем развитии, образовании и удовлетворении всего человека как направленное к единственной нашей цели — вот наше назначение, вот путь к лучшей будущности и еще более лучшей! Это вместе с тем стихия, в которой мы непосредственно находим наибольшее удовлетворение, предположив, что мы еще не совершенно испорчены неестественными духовными потребно-

стями, которые поддерживает в нас превратное воспитание.

XIII.

Нет спасения вне человека!

Возражать, что здесь не принята в расчет зависимость наша от человеческой природы, неосновательно.

Конечно, мы зависим от внешней природы; она предлагает нам, с одной стороны, средства к поддержанию и украшению нашей жизни, с другой — различно стесняет и препятствует ей. Но эта-то самая зависимость и заставляет нас не терять из сознания потребностей, сил и границ человечества.

Поэтому-то до тех пор, пока мы будем владеть пятью нашими чувствами, до тех пор мы всегда предпочтем при столкновении с внешнею природою совет нашей воли всему другому; мы спросим прежде всего, что приятно и полезно нашей природе и что неприятно и вредно ей.

Когда я вижу — вот оглушающий пример! — когда я вижу, что кусок скалы катится с горы на меня, то стремлюсь выйти из пути падения скалы. Зачем? Потому что знаю, что я не каменный, что мое человеческое тело не противустоит такому удару. Так [им] обр [азом], сознание моей человечности спасает меня от смерти.

Только человеческое сознание дает нам возможность ориентироваться в свете, дает возможность утвердить наше существование и пользоваться им.

Наша человечность есть для нас первый и высший закон спасения, и это положение действительно во всех отношениях.

XIV.

Если есть вера, признающая нашу внутреннюю связь с окружающим миром, то это изложенная здесь. Человеку должно иметь сознание о человечестве; но это сознание не может быть полным без современного сознания зависимости моей как от других людей, так и от окружающего меня мира. Выражение *нет спасения вне человека* противуставляется только верованию в сверхъестественные сатанинские силы, потому что такая вера ведет к нечестности и препятствует сознанию сил, границ и союзов человечества, препятствует здравому взгляду на мир, глубокому

изучению природы; а все это чрезвычайно важно для сохранения и украшения нашего существования.

XV.

Естественно-законное стремление к счастью заключает в себе полное право уничтожить все основания и представления, неприязненные всеобщему счастью, и налагает на нас священный долг *освободить от них юношеское воспитание.*

Здесь принадлежит в особенности:

1. Непризнание естественно-законного стремления к счастью, потому что такое непризнание есть прямое противоречие, есть убиение человеколюбия, ибо в разумном смысле человеколюбие есть не более не менее как признание во всех людях естественно-законного стремления к счастью. Благодарим за любовь без такого признания, ее нежность им же вредна.

Здесь принадлежит:

2. Представление о чисто духовном, возвышенном над человеческой природой, об обожаемом существе, на которого мы должны стараться все более и более походить; этого хочет писание, говоря: *будьте совершенны, как совершенен ваш отец небесный!*

Сходствовать с чисто духовным, вышечеловеческим существом можем мы только сколь возможно духовною, сверхъестественною, вышечеловеческою жизнью и таким же стремлением. Мы не можем приблизиться к нему, не изменив естественного, чувственного человека; ибо естественный человек, как говорит писание: *не принимает в себе духа господнего.* Как же соединить с таким стремлением естественно-законное гармоническое самоудовлетворение и полное развитие человека?

Далее, ежели наше сознание исполнено представлением чисто духовного бога, с которым мы должны более и более сходствовать, то мы, естественно, должны взять такое представление за мерилу человеческих дел и побуждений — мерилу ложное и несправедливое для существа из плоти и крови

Наконец, от принятия сверхъестественного, высшего, само себя сознающего существа развивается само собою верование, что это высшее существо управляет миром, и только оно управляет им, что только от одной его благодати должно ожидать спасения, что мы не должны надеять-

ся ни на нашу природу, ни на содействие других людей, но на одного его; и поэтому, с точки зрения настоящей веры в бога, пророк Иеремия прав, вложив в уста господя следующие слова: *проклят тот человек, который надеется на людей и из плоти творит себе руку* (полагает свою мощь в силах человеческой природы) (Иерем., 17:5).

Проповедовать надежду на бога — значит задуть в зародыше человеческое самосознание, поставить в обязанность неверование в людей, уничтожить между ними *верность и доверие*.

Ни под каким видом не должно *лелеять* и беречь:

3. Представления о загробном и безгранично блаженном состоянии как о истинном и высшем назначении нашем, потому что человек, которого голова и сердце полны этим небом, мало найдет удовольствия в земной жизни и в земном счастье, а следоват[ельно], мало найдет удовольствия в деятельности, направленной к улучшению нашего земного бытия. Истинный христианин считает недостойным для своей бессмертной души ревностно участвовать в этом деле. Он поет: «Сердце мое горит и рвется в небесный рай, радости которого надеюсь вкусить. Потому что знаю, что там безгранично разливается вечный источник наслаждения. Наши страдания на земле *ничто*, ежели хорошенько подумать, в сравнении с высочайшим величием и чудесным небесным весельем, которым наградит нас Христос. Там, там в царстве любимого своего отца, напоит он нас *вечным сладострастием*».

XVI.

Такая вера в бога несовместна с самосознанием человека, потому что торжество ее заключается в возможном подавлении этого сознания, необходимого условия нашей жизни и нашего существования.

Там, где такая вера не действует вредно на людей, там, значит, она побеждена человеческим или по крайней мере государственно-гражданским сознанием, удалена на самом деле и осталась только в воображении, а не в сердцах.

XVII.

Скоро настанет время, когда серьезно подумают об исключении религии от воспитания людей.

И в самом деле! Как иначе заглушить источник кровавой реки, так долго протекавшей *in majorem Dei gloriam* (во славу бога, как любят выражаться иезуиты) и еще в наше время протекающей? В наше время! Или мы не слышали люцернских выстрелов!³

XVIII.

Но что станет с наукою воспитания, когда она будет основываться не на воле божьей, а на воле человека, когда живая книга природы будет признана ее живым оракулом, когда не искажение, а зрелость естественного человека будет признана ее торжеством, ее высшим идеалом?

Она то же испытает, что испытали естественные науки, медицина и правоведение. Эти науки были в доброе старое время более или менее затуманены богословским воззрением на мир, были под опекою и вассальством церкви, так что, н [а] пр [имер], правоведение низошло до степени церковного палача. История этих наук показывает, что они сделали быстрые успехи и получили надлежащую полноту, освободившись от богословия и церкви.

XIX.

Что касается до церкви, то мы видим намек ее будущности или, вернее, что заступит ее место в *союзах*, заключаемых в наше время для различных полезных целей⁴, которые союзы, конечно, настоящею церковью не уважаются или даже осуждаются. Ими пробудится идея всестороннего союза, которого назначение — словом и делом привести в известность все служащее к удовлетворению, развитию человека и образованию счастливого поколения.

Прежде всего будущая церковь пробудит в нас *самосознание* о необходимости взаимной помощи, *самосознание наших сил* в общественных делах для взаимно-полезных целей, пробудит в нас дух справедливости и доверия, сочувствие к общему благосостоянию и научит нас мудро организовать нашу деятельность и направлять ее к известным целям. Она не будет более местом, где «болванчик беспрерывно кричит, а ему никто не отвечает»; она поставит свою высшую важность в том, что будет служить убежищем страждущему человечеству, будет стараться облегчить громким воззванием к помощи их подавленные сердца.

Далека еще эта будущая церковь, но близка потребность ее, потребность, основанная на нуждах времени, для [?] которых должно сделать воззвание ко всем возможным силам.

XX.

Тогда церковь будет отцовским домом, где люди соберутся не как братья и сестры в Христе, а как братья и сестры в человеке; потому что *общая природа их есть их семейный союз.*

Везде и повсюду наконец признается воля человека за высший закон человечества и бог, т. е. богословие, будут принесены в жертву человеку и человечеству.

Перестанут тогда бедственные противоречия, тревожащие христианина, как, напр [имер], бог и черт, божеская и человеческая природа, обязанности к богу и обязанности к человеку, любовь и вера, закон и милость, здешняя жизнь и будущая и т [ому] п [одо] б [ное].

Человечество примирится, наконец, с своею природою — единственным примирением, в котором оно нуждается.

XXI.

Проповедовать пренебрежение человеческой природы — значит отворить дверь и ворота предрассудкам и варварству, потому что это приводит нас к верованию в сверхъестественные силы, а это первый шаг в область предрассудка; оно приводит нас к искажению человеческого существа, к греху против духа или против плоти, и потому оно неприязненно гармоническому самоудовлетворению и образованию всего существа нашего.

Проповедовать пренебрежение к человеческому существу — значит постановить законом разъединение и уничтожение человечества. Нет! Счастье людей не зависит от принятого нами вместе с материнским молоком такого ядовитого и смертельного учения.

Примирение, примирение с человеческою природою!

Детское, безначальное стремление, стремление в потемках, без знания и признания человеческой природы, к улучшению нашего состояния останется всегда одним стремлением.

В христианском духе — не забудем этого — такое примирение невозможно. В глазах истинного христианина уже самое наше существование есть непростительное преступление. «Я произошел от грешного семени, моя мать зачала меня в грехе». Так думает истинный христианин, и из глубины души своей гремит нам в ответ: «Еще не родившись, еще не сосав материнского молока, ты был уже осужден, отвергнут и проклят».

Павел Николаевич Филиппов

(1825 — 1855 гг.)

В 1841 г. из Варшавской гимназии поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. В 1845 г. был исключен из него за участие в студенческих беспорядках, вновь принят в 1846 г.

С 1848 г. посещал «пятницы» М. В. Петрашевского, собрания А. Н. Плещеева, кружок С. Ф. Дурова. Бывал у Н. А. Спешнева. Принимал участие в дискуссиях петрашевцев о пропагандистской деятельности в различных слоях населения, о сущности и происхождении религии, по крестьянскому вопросу. Отстаивал революционно-демократические позиции. Считался «крайним революционером», очень резко отзывался о политическом строе того времени.

Был одним из инициаторов распространения пропагандистской литературы и создания тайной типографии. Вместе с Н. А. Спешневым приобрел принадлежности для типографского станка. Составил листовку «Десять заповедей», в которой именем бога призывал крестьян к расправе с помещиками. Присутствовал при чтении письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю. Был знаком с Н. Г. Чернышевским.

Арестован 23 апреля 1849 г. «За порицание действий правительства и (...) императорского величества, за покушение к распространению сочинений против правительства, за написание с возмутительной целью толкований десяти заповедей и недонесение о распространении преступного письма литератора Белинского» военно-судной комиссией приговорен к расстрелу, замененному четырьмя годами военно-арестантских рот. Послан солдатом на Кавказ. Попал сначала в Измаил, затем в крепость Грозную. При штурме Карса в 1855 г. умер от ранения.

«Десять заповедей» П. Н. Филиппова — яркий документ революционной пропаганды, предназначенный для распространения среди крестьян. Учитывая религиозность народных масс, автор пытался говорить с ними на понятном им языке. Чтобы убедить их в необходимости активной борьбы с крепостным правом и помещиками, он противопоставлял христианские заповеди существующему порядку вещей и пытался доказать, что борьба с помещиками — не разбой, а дело божье.

Десять заповедей

Господь бог открыл нам волю свою в десяти заповедях, которые дал он Моисею на горе Синайской, для того чтобы люди исполняли и свято соблюдали их. Этих заповедей 10¹, вот они:

1) Аз есмь господь бог твой, да не будут тебе бози инии, разве мене.

2) Не сотвори себе кумира и всякого подобия, елика на небеси горе, и елика на земли низу, и елика в водах и под землею: да не поклонишися им, да не послужиши им.

3) Не возьмеша имени господа бога твоего всуе.

4) Помни день субботний, еже святити его: шесть дней делай и сотвориши в них вся дела твоя, день же седьмой — суббота — господу богу твоему.

5) Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и долголетен будеши на земле.

6) Не убий.

7) Не прелюбы сотвори.

8) Не укради.

Корысть, низкопоклонничество, угождение власти и богатству.

Клевета, беззаконие в суде, царь земли — бог. Все власти от бога. То, что на божницах основывали права свои цари земные.

Что значит положение крестьян не соблюдающих.

Убийство без нужды, обида ближнего, притеснения помещиков, убийство на войне.

Что значит прелюбодеяние.

Что значит красть соб-

ственную помещичью собственность, первоначально пользовались благами мира.

9) Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна.

10) Не пожелай жены искреннего твоего, не пожелай дому ближнего твоего, ни села его, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ни всякого скота его, ни всего елика суть ближнего твоего.

Что говорится в первой заповеди?²

В первой заповеди говорится, что есть только один бог и что, кроме него, нет иного бога. Этот сильный бог создал все, и без него не было бы ничего — ни неба, ни земли, никаких тварей, живущих на земле; не было бы и человека.

Итак, человек должен любить господа бога, своего творца, всем сердцем и всеми помышлениями и всегда жить по его святой воле. Кто преступит закон человеческий, виноват только перед людьми и прав перед богом, ибо закон человеческий положен людьми, а стало быть, люди и переменить его могут. А кто нарушит закон божий, того покарает бог муками вечными, ибо божественный закон дан от бога и человек не властен переменить его.

Что показывает вторая заповедь?

Наказывает, чтобы для нас ничего не было дороже воли и правды господней. Кто возлюбил мирские блага паче правды божией, тот сотворил себе кумира и преступил вторую заповедь. (Нельзя служить двум господам, у нас один господь.) Кто неправедными путями собирает богатство — воровством, обманом, грабежом, тот возлюбил богатства паче бога и его святой правды. Горе вам, господа и начальники жестокосердые, что забываете заповедь божью и ради мирских благ обижаете подвластных вам. Горе тому, кто в угоду начальству или господину творит всякие беззакония либо ради воли начальника. Горе и горе тем, кто может, но не хочет защищать бедных и утесненных. Горе вам, люди робкие, что боитесь защищать братьев, ибо

вы возлюбили плоть больше правды господней. Горе вам, ибо придет день суда и примете все по делам вашим.

Что повелевает третья заповедь?

Третья заповедь запрещает призывать господа бога напрасно.

Кто клянется и божится, всеу приемлет имя господа бога, ибо в законе сказано: «Я же говорю вам: вовсе не клянись ни небом, потому что оно престол божий; ни землю, потому что она подножие ног его; ни Иерусалимом, потому что он град великого царя (бога); ни головою своею не клянись, потому что не можете ни одного волоса сделать белым и черным. Но да будет слово ваше: «да-да, нет-нет; а что сверх того, то от лукавого»».

Итак, начальники, приводя народ к присяге, поступают не по закону божью и примут тяжкое осуждение.

Кто скажет: царь земной — бог, тот всеу приемлет имя господа бога, затем, что есть только один бог, он один царь неба и земли; а цари земные так же люди, как и мы грешные; и когда все мы предстанем на суд господень, не спросит бог: кто был царем, кто господином, кто крестьянином, — и каждому воздаст по делам его. Царь должен быть первый слуга богу и людям, ибо в писании сказано: «Больший из вас да будет всем слуга», а также сказано: «Кто хочет быть у вас первым, будет вам раб». Царь, который забыл свой долг, не хочет заступиться за народ, унять господ и начальников, тот враг богу и людям, и власть его не от господа бога, а от сатаны.

В четвертой заповеди сказано: «Помни день субботний, святи его, шесть дней делай и сотвори в них вся дела, а день седьмой — суббота — господу богу твоему».

Что значит «святить день субботний» (а по-нашему, воскресенье)? Это значит оставить в праздник господень все дела мирские и обратиться сердцем к творцу и господу. А кто оставит дела свои ради пьянства и всяких богопротивных забав, не по божескому закону справляет праздник господень, служит не богу, а сатане. Лучше бы ему было, кабы не оставлял свои дела, ибо меньше бы грех сотворил.

Видали мы господ, что, почитай, целую неделю гоняют бедных мужичков на барщину. Придет праздник господень, и рад бы мужичок справить его по-христиански, да глядишь, то сено не убрано, то хлеб пора сжать, то дров навозить, а дома и холодно и голодно. Как быть? Нешто станешь делать! Пошел мужичок на работу, и в праздник

ему не праздник. А кто причина, что мужик не справляет праздника божия? Господин. Тяжкий ответ даст он богу на суде страшном, что ввел мужика в соблазн, ибо в писании сказано: «Горе миру от соблазнов, но горе человеку, чрез которого соблазн происходит».

В пятой заповеди сказано: чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и да долголетен будешь на земле.

Надо любить родителей; но ради любви к родителям не должно оставлять заповедей божиих. Итак, коли отец или мать стали посылать тебя на дело, противное заповедям Божиим, или стали удерживать от дела, угодного богу, можешь не послушать их, ибо воля господня паче воли родителей. Сам спаситель, господь бог наш Иисус Христос сказал:

«Любящий отца или мать более, нежели меня, недостоин меня; любящий сына или дочь более, нежели меня, недостоин меня».

В шестой заповеди сказано: кто убьет ближнего своего без нужды или [для] грабежа, того осудит господь бог на тяжкие мучения: бог дает жизнь человеку, бог *один* может отнять ее и послать смерть на человека; падет кровь неповинная на господ.

И как же, забывая слово божие, начальники и господа, что слова не вымолвят с нашим братом-мужиком без брани? Забыли они слово божие и не соблюдают святой его заповеди. Дадим ответ и мы, что попустили их обижать наших братьев; пора унять беззаконников, да перестанут гневить господа бога, ибо, коли не уйдем их, гнев господень падет на всех нас.

Мало того, чтоб не убивать человека, надо и не обижать ближнего, ибо обижающий ближнего подлежит суду. В писании сказано: всякий гневающийся на брата своего подлежит суду, а кто скажет брату своему «рака» (пустой человек), подлежит верховному судилищу; кто же скажет «бессовестный», подлежит геенне огненной.

Нарушающий слово божие — смертью да умрет. Все вы идете смотреть, как наказывают мужиков, что посмели послушаться господина или убили его. Разве вы не понимаете, что они исполнили волю Божию и что принимают наказание, как мученики за своих ближних. Разве не будете защищаться, коли нападут на вас разбойники? А помещик, обижающий крестьян своих, не хуже ли он разбойника?

Не должно быть и войне, ибо все люди, по слову евангельскому, должны жить, как братья, и потому начинающий войну даст ответ на суде страшном, а кто защищается, тот неповинен в крови братьев. Итак, если пойдем войной на чужой народ, согрешим; но всех более согрешит царь, что начинает войну и ведет народ свой на убийство, ибо в писании сказано: «На начинающего бог». Ответит и народ, который пустил своих братьев на убой³.

В седьмой заповеди сказано: не прелюбодействуй. Сообщение должно быть по любви и должно быть освящено богом. Брак по расчету не освятится богом и потому — прелюбодеяние, ибо лжет во время обряда; брак по принуждению родителей — прелюбодеяние; брак по назначению помещика — прелюбодеяние, и еще большой грех и для помещика, и для жениха с невестой. (О насиловании, кстати и об насиловании помещиков.)

«Не укради». (Взять у С [пешнева] книжку и по ней обработать.)

«Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна».

«Не завидуй». Зависть рождает все пороки. От чего рождается зависть. Обвинить современное общество и показать, что при другом более естественном распределении богатств не было бы ни зависти, ни воровства, ни клеветы, ни убийств. Внушить надежду. Пословица: «На бога надейся, а сам не плошай».

Алексей Дмитриевич Толстов (?)

Сын костромского мещанина. Учился в Московском университете. Позднее перешел на Восточное отделение Петербургского университета. Интересовался философскими вопросами.

В 1846 г. познакомился с А. В. Ханыковым. Под его влиянием отказался от идеи «примирения» философии и религии, вел пропаганду среди студенческой молодежи. Участвовал в обсуждении революционных событий во Франции и возможности народной революции в России, при этом «поричал религию и правительство и говорил, что в России может быть республика»¹.

По донесению тайного агента, А. Д. Толстов, имея в виду декабристов, заявлял: «...у нас теперь все иначе, мы действуем не так: *когда действия наши везде примут*, и все будут недовольны, а правительство будет угнетать более, тогда из всех мест будут подавать прошения, а правительство, получая то из той, то из другой губернии известия, не будет знать, что делать, а наши будут действовать в полной силе. Многие из нас отравились внутрь России и действуют на все классы народа, особенно на юношество, посредством учителей...»²

Арестован 23 апреля 1849 г. Во время следствия просил прощения у императора. Не ожидая решения военно-судной комиссии, Николай I «высочайше повелеть соизволил» отправить Толстова унтер-офицером в Отдельный кавказский корпус.

В Петербург вернулся в 1857 г.

Публикуемые выдержки из следственного дела о А. Д. Толстове представляют интерес как документ, свидетельствующий о формировании в его мировоззрении критического взгляда на религию вообще и христианство в частности.

[Из дела о А. Д. Толстове]

[...] Еще в гимназии, когда я был в последних классах, учителя казались мне несносными педантами, я уже задумывался над Вольтером, уже знаком был с бессонными ночами. Наконец я поступил в университет, совершенно новый мир открылся моему взору. Из провинции в столицу, из гимназии в университет я брошен был на полную свободу в семнадцать лет. Между тем какая-то бессознательная тоска, еще прежде давившая мою душу, начала снова

* * *

¹ Дело петрашевцев, т. III, с. 362.

² Цит. по: Философские и общественно-политические произведения петрашевцев, с. 767.

и глубже посещать меня, когда я огляделся и ознакомился со столицей. Грустно мне было на шумных стогнах ее, скучно в кругу товарищей. Вопросы, мучавшие меня, еще не разрешались с кафедры университетской; начинали читать свои курсы профессора наши, имея в виду слушателей — детей почти, а я уже был не ребенок нравственно. Меня занимали вопросы: зачем я живу? что меня ждет? есть ли будущее? стоит ли жизнь труда? если есть бог, где ж его милосердие? Создать человека и заставить его страдать. Если его нет, зачем же мучиться, не лучше ли самоубийство? Но самоубийство есть бессилие, но это значит признать себя побежденным, думал я, а это оскорбляло меня, язвило мое самолюбие. Что же делать? И жить и умереть скверно, все дурно. Тогда выступал на лоб холодный пот, я впадал в отчаяние, но это было не то отчаяние, от которого лечатся пистолетным дулом, — это было холодное бессильное отчаяние. Я начал пить и пил жестоко, столовыми стаканами пил простое вино, и случалось, что скорей наливал брюхо, чем становился опьяненным, я хотел залить им мою кручину. Сначала я был озлоблен, потом сделался угрюм. Товарищи называли меня в насмешку Гамлетом. Между тем время шло. Наука стала открывать свои сокровища, вопросы мало-помалу разрешались [...]

А с кафедры университета уже гремел Редкин¹ — «ессе homo» — указывая на спасителя; «вот человек», или, по евангелию, «се человек», говорил он, указывая на идеал и совершенство человека. На вопрос: «Что есть истина?» — он приводил слова спасителя: «Аз есмь путь, истина и живот». «Изучайте науку, трудитесь, в ней самой найдете утешение, — говорил профессор, — она есть истина, она сделает вас свободными, горечь и труд обратится вам в сладость — не сама ли она — эта божественная истина, говорит вам: «приидите ко мне все труждающиеся и обремененные и аз успокою вы». С одной стороны, [жизнь] с ее потерями, с другой — наука с ее истинами пролили на меня тот свет, который облагородил меня нравственно. Тогда я весь погрузился в мир науки, в ее широкопредельную и богатую область. Там я нашел себе успокоение. Жизнь земная казалась для меня ничтожна, потому что временна. Не только вопросы частной жизни, но даже государственные не занимали меня, я носил в душе моей целую вечность, там примирились моя религия и философия². И еще если жить с наслаждением в этой юдоли крат-

ковременной, то разве только в созерцании прекрасного. Искусство приводило меня в восторг [...]. Я сделался отчаянным поклонником Мочалова, Санковской и других актеров. С таким нравственным состоянием я оставлял Москву и с горем расставался с нею. Петербург мне казался каким-то заезжим франтом, и душа моя не лежала к нему. Тем более когда я увидел в нем такую строгую во всем субординацию. Мне казался он каким-то военным лагерем, где все только больше солдаты, где все сковано, все в натяжку, все под каким-то гнетом. [...]

Весь Петербург, все в Петербурге представляло мне большую противоположность с Москвою. И петербургская жизнь есть новый период в моем развитии. Религия и наука жили мирно в моем сердце, но оставалось решить еще вопрос, и может быть самый трудный, — это примирить жизнь положительную, настоящую с наукой и религией. Наука и религия меня увлекали в мир отвлеченностей, а между тем жизнь на каждом шагу являлась с своими нуждами, с своими вопросами; надо было окунуться в нее — иначе зачем же и она? Встреча с нею была для меня неожиданна, соблазн ее был сильнее, нежели я мог предполагать. Годы шли вперед, мужая нравственно, я мужал физически. А жизнь мира цвела сама собою вечно юно, вечно роскошно. Вглядываясь в нее все ближе, пристальнее, я находил в ней много обольстительно-прекрасного. [...] Чем больше погружался в созерцание этой внешней жизни, чем более соприкасался с нею, тем более рождалось вопросов, и наконец я впал в целый лабиринт, огромный, безвыходный, задач неразрешимых. Я желал познакомиться с положительными науками: там думал найти разрешение моих вопросов. Уже отвлеченное религиозно-философское направление было подорвано, но я был слишком горд, чтоб позволить себя научить кому-нибудь в этом случае, я ценил мои страдания, мои болезненные усилия в достижении результатов и хотел выдти сам, один с разрешением этого вопроса. Так что, когда после знакомства с Ханыковым он утверждал, что христианство еще не есть окончательный момент в развитии человечества, что оно еще не представляет полного выхода, что оно уже и падает, — я восстал противу него со всем жаром в защиту моих идей, и не потому, чтоб сам отчасти не разделял этого мнения, но только потому, что зачем он, не пострадавши глубоко, с сердечной болью, убедился уже в том, в чем

я только начинал, и доказал мою идею с блестящим успехом, так что он согласился и, казалось, убедился, что не надо восставать против христианства [...]. Мое образование было германское, его французское. Все, что касалось до мира нравственного, до мира идей,—все это было обработано германцами, все, что касалось до положительной жизни,—над всем этим более трудились французы³. Говоря об системе Фурье, я с ним спорил против каждого пункта, а между тем уже многое мне в ней нравилось; и если не сделался фурьеристом вполне, то только потому, что не хотел вдаваться в крайность, быть односторонен, а хотел большего чего-то, совершенно полного. [...]

Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов (1823 — 1910 гг.)

Сын военного историка. Окончил Восточное отделение Петербургского университета. С 1847 г. служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

Посещал кружок Н. С. Кашкина, с конца 1848 г.— «пятницы» М. В. Петрашевского. Пользовался книгами из библиотеки петрашевцев. Был убежденным противником крепостного права и монархизма, сторонником революции и демократических свобод. Разделял планы о широкой пропагандистской деятельности. На обеде в честь Ш. Фурье произнес речь, в которой призывал к коренному изменению действительности. Думал о способах распространения революционных идей в народных массах.

Арестован 23 апреля 1849 г. Военно-судной комиссией приговорен к расстрелу: в докладе генерал-аудиториата указывалось на его «преступные выражения против религии» в речи на обеде в честь Ш. Фурье. По конфирмации приговорен к 4 годам арестантских рот. Отправлен на Кавказ. В 1856 г. произведен в прапорщики. В 1857 г. вышел в отставку. В 1862 г. окончил Медико-хирургическую академию. Служил врачом. Опубликовал много работ по санитарии и гигиене. Автор воспоминаний о кружке М. В. Петрашевского — «Из моих воспоминаний (1849 — 1851 гг.)», которые после многочисленных запрещений и частичных публикаций были изданы только в 1905 г.

Умер 7 января 1910 г.

В «Автобиографической записке» Д. Д. Ахшарумов критикует феодально-крепостническую систему в России и призывает к борьбе за установление власти народа. Здесь излагаются взгляды на характер и задачи агитационной деятельности; содержатся размышления автора о том, как готовить пропагандистов из молодежи для работы с народом, как следует разговаривать с простыми людьми, чтобы привлечь их к политической борьбе. Печатается с сокращениями.

«Речь на обеде в честь Ш. Фурье» печатается с сокращениями.

[Автобиографическая записка]

[...] Всякий знает, чему учат в заведеньях, — я вышел, зная не больше того, как поступил в гимназию, т. е. ровно ничего не зная. Мой характер сделался от этих 6-ти лет чрезвычайно чувствительным. Всякая вещь, которую я видел, каждая безделица стали рождать во мне кучу мыслей, которые доводили меня до окончательных вопросов, на которых я всегда останавливался и далее не мог справиться с ними, — в голове моей была жестокая каша, я чувствовал только, что ужасно нехорошо, что гадко жить, и ничего

не знал отчего. Я читал с жадностью вообще всякую поэзию, Шиллер был мой друг и утешитель. В это же время я встретил девушку, которой был любим и которую любил потом 6 лет. Мысли мои часто доходили до последней причины — до творца, провиденья — и наполняли мою душу истинною естественною религиею, — отсюда начало моего освобожденья от всех религиозных предрассудков. Тогда было лето, я жил на даче у моря; проводя там дни и ночи в прогулке и в езде на лодке, я увидел, что природа и люди и небо совсем не то, что говорят бородатые попы, с их грязными молитвенниками и пустыми обрядами. В университете слушал я со вниманием немногих любимых профессоров и занимался естественными науками, как мог и как умел; читал французские романы, Шиллера, Гёте, Шекспира. Вскоре мне опротивела математика; будучи влюблен и имея различные виды по этому случаю и полагая, что жизнь моя оттого так несносна, что я живу в этом ненавистном Петербурге и что мне непременно надобно уехать куда бы ни было, только как можно дальше и как можно скорее, я счел необходимым оставить этот факультет и перейти на факультет восточных языков и кончить курс в 3 года.

В первые два года, будучи в одном факультете с Ипполитом Дебу, сидев с ним на одной скамейке и отправляясь домой из университета каждый день вместе, мы так много говорили обо всех предметах и жаловались друг другу на все, что скоро я с ним сблизился более чем с кем-нибудь. С ним вместе, я могу сказать, разрушены окончательно мои предрассудки: религиозные, нравственные и политические. Мы говорили часто, особенно он, о Франции, о ученых тамошних, о речах Тьера против Гизо¹; читали запрещенные книги, романы, «Революцию» Тьера, «Histoire de dix ans» Блана. В последнее время от него же получил я социальные книги, которые дали мне новый взгляд на жизнь² [...].

[Речь на обеде в честь Ш. Фурье]

[...] Мы все более или менее испорчены жизнью, которую принуждены были вести с малолетства, но все мы здесь, можно сказать, не потеряли, не утратили еще вполне здоровый организм своих страстей. Разум представляет

нелепым, бессмысленным, чтоб природа создала нас для страдания, а сердце каждого из нас, не умолкая, говорит о счастье¹. Но не о том счастье, которым пользуются теперь немногие, — это счастье незначительно, непрочно, пусто, однообразно, утомительно; и нередко такие счастливицы во дворцах своих томятся скукою, болезнью и кончают, наконец, жизнь самоубийством. Но о счастье другой жизни — не той, о которой говорят нам грязные попы, которая осрамила бы провиденье и законы вселенной, — но о жизни другой, другого общества, в наслажденьи и роскоши на нашей высокой, прекрасной земле [...].

Итак, люди всегда стремились к переменам, потому что им жить было худо. В этом только смысле, можно сказать, с самых давних времен началась наука общественная, потому что человек с самого рожденья носил в себе страсти, которые просились к выполнению, — эта потребность была признана им, но не была понята ясно, как теперь. Даже и теперь в этом отношении погружена в невежество едва ли не вся Европа, а про другие земли и говорить нечего: там постыдные религиозные предрассудки, рабство женщины и ничтожные знания законов природы удерживают развитие; оковали цепями живую, свободную душу человека и стройные силы ее.

[...] Развитие вселенной влечет за собой развитие человека, и человечество не опоздает в общем ходе стремления тех сил, которыми одушевлены миллионы бесконечных великанов — миров, которых человек хотя и не знает, но носит в себе отпечаток каждого². Мы должны гордиться тем, что природа нас выбрала для развития своих возвышенных целей в человеческом роде. Нас окружают сотни миллионов людей, которые оглушены бреднями и не знают о том, что ожидает их новая жизнь и что они должны приготовиться к принятию ее. Наше дело — высказать им всю ложь, жалость этого положения и обрадовать их и возвестить им новую жизнь. Да, мы, мы все это должны сделать и должны помнить, за какое великое дело беремся: законы природы, растоптанные учением невежества, восстановить, реставрировать образ божий человека во всем его величии и красоте, для которой он жил столько времени [...].

Константин Иванович Тимковский (1814 — 1881 гг.)

Внук известного мореплавателя Г. М. Шелехова. В 1833 г. окончил Петербургский университет. До 1845 г. служил на флоте, затем — чиновником в Министерстве внутренних дел, командировался в Ревель.

Интересовался сочинениями западных политэкономов и социалистов, особенно Ш. Фурье. Приехав в Петербург осенью 1848 г., стал посещать «пятницы» М. В. Петрашевского, принимал участие в дискуссиях по вопросам религии. Сначала был шокирован атеизмом посетителей «пятниц» и пытался «путем чисто научным» отстаивать религиозные догмы. Вскоре аргументы петрашевцев разрушили его религиозное мировоззрение. Увлеченный новыми идеями, требовал скорейшего начала революционных действий, что вызвало резкий ответ М. В. Петрашевского, который поспешным действиям противопоставлял «дело трудное и смелое философа-пропагатора»¹. Организовал в Ревеле два кружка молодых офицеров. Распространял идеи Фурье.

22 мая 1849 г. был арестован и доставлен в Петропавловскую крепость. Отмечая, что К. И. Тимковский «участвовал в противозаконных рассуждениях о религии», несмотря на покаяние во время следствия, военно-судная комиссия приговорила его к ссылке в Сибирь. По конфирмации он был отправлен в арестантские роты на 6 лет в Свартгольм, а затем в Бобруйск. В 1853 г. переведен в Ставрополь. В 1855 г. произведен в унтер-офицеры, в 1857 г. — в прапорщики. Тогда же ему было возвращено дворянство. Уволен в отставку в 1859 г. и получил право жить в столицах.

Умер 10 января 1881 г.

Публикуемые ниже выдержки из показаний во время следствия и ответов на вопросы следственной комиссии — свидетельство остроты мировоззренческих, в частности атеистических, дискуссий на «пятницах» М. В. Петрашевского.

[Из показаний во время следствия]

[...] Отец мой был истинный христианин, человек благочестивой и святой жизни; мать моя также. Все, кто их знали, подтвердят мои слова. Все мои братья и сестры (их было 22) воспитаны в правилах самой чистой нравственности, самого христианского благочестия. Пример отца и матери и всего моего семейства сильно действовал на мое младенческое сердце; первую книгою, которую я начал понимать, было Евангелие. Еще ребенком познакомился

* * *

¹ См.: Дело петрашевцев, т. I, с. 539.

я в семействе моей нынешней жены; все это семейство отличалось также благочестием и набожностью. Вращаясь постоянно в этом круге, я все более и более усвоивал себе чувство религиозное, сроднялся с ним, оно росло во мне с летами, и страх божий был моим первым путеводителем в жизни. Много я прошел горестей и испытаний, но чувство веры хранило меня и поддерживало мои силы. Четыре года тому назад я женился. Редкое даже в женщине благочестие жены моей, ее искренняя, пламенная, верующая любовь к богу вместе с ее беседами поддерживали и питали мою собственную веру. Любимым нашим чтением были книги св. писания; любимым отдыхом — молитва вдвоем. Так мы продолжали жить до октября 1848-го, то есть до отъезда моего в Петербург. Тут, когда я вступил в круг Петрашевского, я услышал такие речи о религии, которые сначала приводили меня в ужас; я хотел бежать из этого круга, я должен был бы бежать, но самонадеянность меня подстрекнула, я остался. Я не ребенок, думал я; неужели то, чему я привык свято веровать с детства, что срослось с моей душой, разлетится в прах от каких-нибудь безумных речей. Я буду слушать и спорить, убеждать их и, может быть, еще и их обращаю на путь.

Первое время я действительно заводил с ними религиозные прения. Помню даже, как однажды, выведенный из себя их неверием, я взялся доказать им в одну из будущих «пятниц», и доказать путем чисто научным, божественность Иисуса Христа, необходимость пришествия его в мир на дело спасения, рождение его от девы и т. п. Но пока я собирал матерьялы и приготавливал эту богословскую речь, споры наши продолжались. Они приводили в опровержение меня такие доводы, которые тогда, оглушая меня своею дерзостью, затмевали мой рассудок и казались мне неотразимыми. Вера моя поколебалась, и вскоре я дошел до совершенно отрицания веры христианской, сомневался даже в существовании самого бога [...].

[Из ответов на вопросы следственной комиссии]

[...] Такие речи о религии я слышал более всего от Петрашевского, Толя, Балосогло, Ястржембского, Спешнева. Что именно говорил каждый из них, теперь не могу

вспомнить, но общий смысл всего слышанного мною в разное время клонился к тому, чтоб доказать недостоверность всех книг свящ. писания Ветхого и Нового завета, их неподлинность и позднейшее происхождение (апокрифичность)¹ [...].

Они доказывали, что все наши четыре евангелия писаны не апостолами, ходившими вослед Иисуса Христа и слушавшими его учение, но позднейшими мыслителями, принадлежавшими к касте духовенства, жаждавшего забрать в свои руки власть; что все апостолы перемерли давно до того времени, как стали ходить по рукам первые евангелия, которые, наконец, расплодилось в числе до 70, и что Никейский собор, видя, что большая часть из них заключают явные нелепости, соблазняющие народ, решился истребить их, оставив из них только 18 и признав каноническими только 4, которые совершенно произвольно, без всякого основания, приписал св. апостолам Матфею, Марку, Луке и Иоанну; что, наконец, сам господь и спаситель наш Иисус Христос был такой же человек, как и мы, но гениальный и посвященный в таинства наук нововводитель, умевший воспользоваться своим положением; что весь Ветхий завет и пророки — также писания апокрифные; что все здание христианской религии искусно нагромождено и подобрано духовенством. Все это подкрепляли эти господа доводами историческими, хронологическими, филологическими, которыми забрасывали меня и приводили в тупик. Хотя я и был тогда человеком религиозным, но религия моя основывалась не на учености, а на привычке, приобретенной с детства, на чувстве; она была в сердце моем, а не в уме, и я никогда дотоле не рассматривал ее со стороны исторической... Мудрено ли, что их доказательство и опровержения, мнимо-ученые, сбили с толку мое невежество по этой части, и мне даже как-будто стало стыдно, что я не так же учен, как они, и увлекаюсь чувством, верую, когда должно все поверять разумом и допускать только то, что разум положительно доказал. Незаметно для меня самого все эти нечестивые мысли привились ко мне и заразили мой ум.

О боге они также доказывали, что путем разума, путем научным нельзя доказать положительно ни его быт и е, ни не быт и е; что и то, и другое останется только гипотезой [...].

Александр Пантелеймонович Баласогло (1813 — ?)

Сын генерал-майора. С 13 лет служил на флоте. В 1828 г. гардема-рином участвовал в войне с Турцией. В 30-х годах вышел в отставку. Служил в Министерстве народного просвещения, затем в архиве Азиатского департамента Министерства иностранных дел. Был специалистом по истории восточной политики России. Член Русского географического общества.

Изучал восточные языки и философию. Занимался литературной деятельностью. В 1840 — 1843 гг. издавал сборники под названием «Памятник искусства».

А. П. Баласогло остро чувствовал социальные противоречия в стране, считал, что «в России пошло все вверх дном, что в ней готовится какая-то катастрофа»¹. Был одним из первых посетителей «пятниц». Стремясь облегчить условия писательской работы и распространения просвещения, составил «Проект учреждения книжного склада с библиотекой и типографией».

На одной из «пятниц» читал отрывки из своего сочинения о классификации наук. Поддержал выступление Ф. Г. Толля о религии, доказывая, что «религия не нужна для благосостояния человечества»².

Арестован 23 апреля 1849 г. По ходатайству военно-судной комиссии выслан на службу в Петрозаводск под секретный надзор. Пытался вести пропаганду среди простого люда. В 1851 г. был вновь арестован и доставлен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Писал показания, обличающие высшее чиновничество в злоупотреблениях. Был объявлен сумасшедшим. Отправлен на поселение в Николаев³.

Умер, по-видимому, в начале 80-х годов XIX в.

[Из показаний во время следствия]

[...] С детских лет я получил непреодолимое отвращение к духовным лицам. Да не покажется это моим судьям слишком странным: это были самые первые мои впечатления, которые играют весьма важную роль в моей умственной и нравственной жизни. Все наше семейство, исповедуя православие, всегда всеми своими членами отличалось глубокою религиозностью; я один был с первого, так сказать, открытия на свет глаз то, что называют вольнодумом.

* * *

¹ Дело петрашевцев, т. II, с. 89.

² Там же, с. 100 (примечание).

³ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1849, ед. хр. 214, ч. 6, л. 174, 175, 206.

Первое, что помню и никогда не забуду, — это то, как я, будучи, не знаю 3-х или 4-х лет, но не более отроду, поднесенный на руках к причастию св. тайн, испугался бороды священника и никакими силами, ни убеждениями, ни обещаниями, ни угрозами, не мог быть доведен до того, чтоб принять причастие. Принесши домой, меня тотчас же высекли и оставили целый день без пищи, на коленях. Внимая дальнейшим внушениям и боясь неминуемого нового наказания, я в скорости опять был принесен к причастию и с содроганием, будучи держим за обе руки, принял, но едва-едва не выбросил изо рта, почувствовав внезапный порыв тошноты, смешанной с чувством испуга все-таки от бороды и приемов священника и холода ложки. С тех пор этот обряд был для меня, пока я совершенно не вырос, всякий раз настоящею казнью... Я приготавливался к нему по целым месяцам, само собою, в уме и детской молитве. Другая причина — когда я был уже лет семи и, обнаруживая вообще во всем большую любознательность, стал было расспрашивать одного ходившего иногда к родителям священника, как помню, отца Герасима, которого я одного из всех лиц его звания не боялся, потому что он был чрезвычайно добр и ласков, о значении различных обрядов церкви и, между прочим, все-таки св. причастия, он на второй же мой вопрос так на меня вскрикнул и так долго, вместе с моей бабушкой, называл меня еретиком и окаянным мальчишкой, что я не знал, чем и как доказать всю невинность своего любопытства, и скорбел об этом в стыде и слезах почти целую неделю. «Молчи!» Мне повторяли: «Не смей рассуждать! Это тайна!» С той поры я стал бояться и этого священника, как всех других. Хотя мне и стыдно теперь признаваться, но, узнав от слуг, что при виде священника надо отплевываться всякий раз, лет до 30 своего возраста я сохранил эту привычку, кроме которой я никогда не знал и не держался никакого предрассудка. Одежда священника, завиденная издали, приводила меня невольно целую жизнь в род испуга и беспокойства, и я никогда не мог выдержать ни одного разговора с лицами этого звания, опасаясь, чтоб не попасться обмолвкой в вину, как пред отцом Герасимом. Здесь я прибавлю, что в последние годы своей жизни, когда я уже совершенно остыл от детских предубеждений, я был так несчастлив, что, при всем желании беседовать о духовных предметах с самими учителями религии, я не встречал ни разу ни одного лица, с которым

бы смел пуститься в серьезный разговор: на первых же своих доказательствах они оказывались решительно самыми грубыми невеждами в истории церкви, в том, что для краткости называется философией религии, и вообще во всем общечеловеческом образовании. По уму, обширности и прочности познаний, так же как и по достоинствам общежития, я доселе знаю только четыре лица, по предметам, ближайшим к моему изучению, да еще такое же число по общедоступным; это именно: в первом разряде — отцов Иакинфа, Павского, Сидонского и Макария, а во втором — Наумова, Малова, Кочетова и Иннокентия; но и всех этих лиц я знаю, кроме одного Иакинфа, только по науке и общей их доброй славе в городе. [...]

Приложения

Владимир Аристович Энгельсон

(1821—1857 гг.)

Сын помещика. Обучался в Александровском лицее. В 1839 г. вместе с Н. А. Спешневым был исключен за нарушение дисциплины. С 1845 по 1848 г. служил чиновником Министерства иностранных дел. Посещал первые «пятницы» М. В. Петрашевского. Изучал западноевропейскую философию, особенно сочинения Л. Фейербаха и утопических социалистов. В 1847 г. в переписке с Н. А. Спешневым обсуждал философские вопросы. Позднее эмигрировал.

С 1851 г. сотрудничал с А. И. Герценом. Считая себя петрашевцем, написал статью «Петрашевский», в которой дал высокую оценку его деятельности. Во время Крымской войны надеялся, что поражение России ускорит революционный взрыв в стране. А. И. Герцен печатал его прокламации. В них то от имени Е. М. Пугачева, то от имени «святого отца Кондратия» призывал народ к свержению царизма. Несмотря на старания правительства по захвату этих «возмутительных сочинений» (ЦГВИА, ф. 14014, оп. VI, 1854, ед. хр. 26, л. 1), они доходили до России и распространялись, особенно среди раскольников (ЦГАОР, ф. 109, оп. 36, ед. хр. 148, л. 29).

А. И. Герцен напечатал статью В. А. Энгельсона «Философия революции и социализм. Что такое государство?» в первом томе «Полярной звезды». В ней резко критиковалась церковь как союзница эксплуататоров.

В последние годы своей жизни Энгельсон сблизился с французским утопическим социалистом П. Леру. В «Былом и думах» А. И. Герцен назвал Энгельсона в числе выдающихся русских людей 40-х годов.

Статья В. А. Энгельсона «Петрашевский» содержит яркую характеристику М. В. Петрашевского как личности и как организатора. Особое внимание автор обращает на его пропагандистскую деятельность. Публикуется с сокращениями.

Петрашевский

[...] Он был крепкого здоровья, никогда не пил и курил только в лицее, потому что там это было запрещено. Познания его были разнообразны, выражения — остроумны. Необходимость практической деятельности не оставляла ему ни времени, ни спокойствия, нужного для построения социальной системы; он даже не остановился определенно ни на одной из готовых социалистических доктрин, хотя считал себя фурьеристом; он занят был исключительно изысканием возможных средств для низвержения современного управления в России, а так как он полагал, что главной причиной порабощения русского народа были

религиозные представления¹, то направил свою атаку главным образом против религии. Что касается его идей о национальности, то мы можем цитировать собственные его слова, напечатанные в энциклопедическом словаре [...]*

В интимной обстановке Петрашевский был весьма мягкий и безмерно терпеливый человек. Всякое возражение со стороны порядочных людей, всякая критика, как бы горька она ни была, принимались им и никогда не возбуждали в нем никакой вражды. Никогда мысль о своем превосходстве над окружающими не только не проскальзывала в его словах, но даже не приходила ему в голову; он был слишком поглощен своими проектами, чтобы заниматься собственной персоной.

Поступив 13-ти лет в Царскосельский лицей (учреждение, основанное в 1811 г. императором Александром для воспитания государственных деятелей, совершенно переделанное ныне Николаем; оно прославлено пребыванием Пушкина в числе его учеников), Петрашевский с первых же месяцев выделился своими способностями и усидчивостью в такой же степени, как и своими шалостями. В этом отношении он оставлял далеко за собой большинство своих товарищей, зараженных аристократической спесью и нелепыми понятиями о приличии; вот почему большинство их, и особенно немцы, прервали с ним всякую товарищескую связь. Петрашевский не мог понять золотой середины, столь свойственной немецкому характеру, и, когда заходила речь о каком-нибудь заговоре учеников для наказания надзирателя за нахальство, он тотчас предлагал свои услуги даже враждебным ему товарищам, брал на себя исполнение мести и просил в качестве вознаграждения только тайны. Но затем обычно он переходил границы желаний своих сообщников, которые после упрекали его в том, что он навлек на всех порицание за отступление от царившего в лицее корпоративного духа.

Кончив в 1839 г. курс наук, он за свое непослушание получил только самый последний из чинов, присвоенных лицеистам [...].

Петрашевский поступил на службу в Министерство иностранных дел, сохраняя за собой право, присвоенное

* * *

* Далее В. А. Энгельсон цитирует текст из статей «Нация» и «Национальность» Карманного словаря.— *Ред.*

воспитанникам лицея,— слушать в течение двух лет лекции в Петербургском университете, продолжая считаться на действительной службе. По истечении двух лет он блестяще выдержал экзамен в университете, что продвинуло его по службе на два класса. В министерстве он служил переводчиком в тех случаях, когда жившие в Петербурге иностранцы имели какие-либо столкновения с полицией. Это поставило его в близкие отношения с чиновниками столичной полиции — презренный класс людей, вид которых возбуждал отвращение в петербуржцах,— но зато это же подало ему повод вывести из затруднительного положения несколько бедных людей, попавших в когти полиции.

Его революционная деятельность началась еще в университете. Там он начал общаться с молодыми людьми, старался давать им запрещенные цензурой книги и учил их в беседах. Интересно отметить, что сочинением, которому Петрашевский приписывал наибольшую революционную силу, был старый и плохой перевод французской книги, изданной в конце прошлого столетия или в первых годах XIX одним иезуитским аббатом, которого звали, если не ошибаюсь, Баррюэль, под заглавием *«Якобинцы и вольтерьянцы»*². Эта книга, написанная с той неистовой яростью, которая свойственна духовным авторам, представляет французскую революцию результатом обдуманного заговора, который давно был составлен главой фанатиков Вейсгауптом, Вольтером, Руссо, Робеспьером и несколькими другими лицами. Автор до такой степени увлек Петрашевского, что он наметил в своем воображении, и довольно остроумно, план обширного заговора. Поэтому Петрашевский рекомендовал эту книгу всем своим знакомым, полагая, что для всех, кто знакомился с нею, как и для него, не существовало больше вопроса о том, законна ли и желательна ли революция в России, а оставалось только найти средства для ее выполнения. Вследствие такой манеры относиться к настроению петербургских умов, он сразу оттолкнул от себя многих молодых людей, которые охотно либеральничали, желая считать себя вольнодумцами, но не размышляя серьезно о революции. В то же время эта роковая иезуитская книга внушила самому Петрашевскому, хотя он и не замечал этого, мысль, что революция может быть делом нескольких отдельных лиц, без участия толпы, которую толкают на этот путь сила событий, промахи правительства и распространение идей³.

Поэтому он никогда не мог совершенно отказаться от мысли организовать тайное общество, чтобы нанести удар правительству. Нескольким его друзьям, державшимся противоположного взгляда, удалось все-таки отвлечь его на некоторое время от этой идеи, и до 1848 г. Петрашевский ограничивал свою революционную деятельность привозом книг из-за границы [...], устной пропагандой своих идей в собраниях, которые еженедельно устраивались в его доме, и печатанием статей в энциклопедическом словаре.

Появление этой маленькой книги в России, классической стране цензуры, и под покровительством покойного великого князя Михаила, брата императора Николая, которому посвящен этот труд,— факт удивительный. Узнав, что некий Кирилов намерен издавать с чисто коммерческими целями «*Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*», Петрашевский пришел к нему и предложил себя в сотрудники, прося, и то только для того, чтобы не возбудить подозрения, весьма умеренного вознаграждения. Предприниматель, обрадовавшись столь выгодному предложению, предоставил Петрашевскому объяснение выбранных им слов. Петрашевский с жадностью схватился за случай распространить свои идеи при помощи книги, на вид совершенно незначительной; он расширил весь ее план, прибавив к обычным существительным имена собственные, ввел своей властью в русский язык такие иностранные слова, которых до тех пор никто не употреблял,— все это для того, чтобы под разными заголовками изложить основания социалистических учений, перечислить главные статьи конституции, предложенной первым французским учредительным собранием, сделать ядовитую критику современного состояния России и указать заглавия некоторых сочинений таких писателей, как Сен-Симон, Фурье, Гольбах, Кабе, Луи Блан и др. Основная идея Фейербаха относительно религии выражена безо всяких околечностей в статье о *Натурализме*. Петрашевский дошел до того, что цитировал по поводу слова *Ода* стихи Беранже⁴.

Успели выйти (в 1845 г.) только два выпуска словаря (до слова — *Орден рыцарский*), и продано было лишь несколько сот экземпляров, как полиция арестовала все остальные, лежавшие в книжных лавках. Цензор (Крылов) был представлен в верховный цензурный суд; я не знаю, какая судьба постигла его; это был очень боязливый и роб-

кий человек; он несколько раз говорил Петрашевскому, что его статьи доводят его до головокружения от панического страха, но Петрашевский уверял его, что он нигде не переступил границ, указанных в тексте цензурного устава.

Поспешим сказать, что Петрашевский поступал совершенно добросовестно по отношению к цензору: он сам искренно думал, что русское правительство хотело помощью политики укрепить уважение к законности. Он хорошо понимал, что, если бы правительство строго исполняло законы, хотя бы им самим изданные, оно компрометировало бы свой жизненный принцип — принцип произвола, который, вследствие соучастия в нем всех государственных чиновников, делает из учреждения административного коммерческую компанию, имеющую целью эксплуатацию страны⁵. Но Петрашевский полагал, что если к правительству подступить с вопросом о законности, то у него не хватит бесстыдства сорвать с себя, по крайней мере официально, маску ее. Он жалел, что в России нет людей, которые захотели бы поймать правительство на его пресловутом уважении к законности, и попробовал сам сделать этот опыт. С этой целью он вздумал открыть у себя адвокатскую контору и объявил об этом в петербургских газетах [...].

В качестве землевладельца он имел совещательный голос в собраниях петербургского дворянства, которое созывается раз в три года для выборов предводителей, судей и других должностных лиц, а также для распределения местных налогов. Здесь Петрашевский выступал поборником строгой законности и заставлял вписывать в протоколы заседаний свои протесты против нарушений закона, на которые он напрасно указывал членам собрания. В январе 1848 г. он распространил между ними проект, составленный, по-видимому, с целью остановить все возраставшее падение цен на дворянские имения. В качестве главной меры он предлагал разрешить купцам приобретать населенные имения, с условием обращать крепостных, прикрепленных к общинным землям, во «временнообязанных крестьян» [...]; он требовал, кроме того, образования ипотечных банков, основанных на принципе подвижности имений, взаимных страховых обществ и т. д. Собрание не приняло этого весьма разумного проекта⁶.

Вспыхивает февральская революция. Известие об этом произвело в Петербурге потрясающее впечатление⁷. Прекратились сейчас же все слухи, которые особенно силь-

но распространялись с ноября 1847 г., о намерении царя провозгласить освобождение крестьян. В мире официально делались бесконечные упреки Франции вообще и Луи-Филиппу в особенности — «этой непризнанной бездарности», как говорили о нем и приписывали это выражение Тьеру, «которая должна была служить пробкой, удерживающей взрыв революционного народа, и не сумела не полететь вверх». Но скоро упреки сменились мрачным, безмолвным унынием; не знали, что сказать, когда прусский король водрузил знамя единства в Германии, а Меттерних последовал примеру Луи-Филиппа. Все были так заняты, что даже великий князь Михаил, этот образец военного педантизма, отказался выйти на смотр к войскам, которые он велел привести для этого: он был погружен в чтение газет [...]. В кофейнях Излера и Доменика публика вырывала друг у друга газеты; собирались в группы, и кто-нибудь громко читал известия, потому что не хватало терпения ждать своей очереди. Тому, кто знает угрюмую чопорность петербуржцев, этот простой факт может показаться невероятным. Молодежь, и особенно друзья Петрашевского, бросились в лихорадочную деятельность. Нельзя было оставаться в границах обычного благоразумия. Почти на глазах у царя, в четырех местах, были установлены периодические собрания. Надежды на то, что русские революционеры не окажутся отвергнутыми революционерами немецкими и французскими, укреплялись известиями о дружественных отношениях Бакунина и Герцена с такими людьми, как Прудон [...].

Настольный словарь для справок по всем отраслям знания

(справочный энциклопедический лексикон)

Словарь выходил в Петербурге в 1863—1864 гг. в 12 выпусках. Первый и второй тома редактировал Ф. Г. Толль, третий — Ф. Г. Толль и частично В. Р. Зотов. Четвертый том составляло «Приложение» к словарию. СПб., 1866.

Словарь велик по объему. 1-й том насчитывает 800 страниц, 2-й — 1132, 3-й — 1171. «Приложение» содержит свыше 500 страниц. В обращении «К читателю» Ф. Г. Толль писал: «Никто, вероятно, не будет отрицать настоятельной потребности нашей в *настольном словаре* для справок по всем отраслям знания» — и многозначительно замечал: «То, что еще не очень давно находило всем удобоприятное и немногосложное объяснение в словах «бог», «сатана», то нынче вызывает потребность в знании, в науке».

Словарь включил почти все статьи, которые в «Карманном словаре» петрашевцев были обещаны, в том числе статьи «Коммунизм» и «Социализм». Продолжая задуманное революционерами-демократами 40-х годов, Ф. Г. Толль отвел значительное место статьям по вопросам религии и атеизма, причем содержание их не повторяло, а дополняло сделанное ранее. Была даже небольшая статья о декабристах. «Толль составил превосходный словарь русского языка», — писал А. М. Горький¹.

В настоящем издании приводятся преимущественно те статьи, к которым отсылался читатель «Карманного словаря» петрашевцами. Опущены религиозно-этические статьи, в том числе посвященные сектантскому движению в России.

АБЕЛАР, Пьер, род. 1079, один из самых смелых мыслителей школы схоластиков [...], гонимый за мнения, ум. 1142 в монастыре св. Маркела близ Шалона на Саоне, похоронен в Параклете¹ [...]

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ БИБЛИОТЕКА [...] *Философия*, важна для научного понимания христианства, ибо в Александрии не только имели местопребывание неоплатоники², но и здесь развился гностицизм³, кот. нашел церковь признанных защитников в учителях школы катехизаторов⁴, напр. Климента и Оригена. Александрия была исходным пунктом догматич. споров и догматич. формул верований. Особенно важное развитие в Александрии получили матем. и естественные науки. Уже в III в. до р. Х. Эвклид

* * *

¹ Горький А. М. История русской литературы. М., 1939, с. 194.

написал там свой математ. труд. Астрономы отделили астрологию от астрономии и основали свое учение на научных наблюдениях [...]

АНАБАПТИЗМ⁵ (гр.), учение секты перекрещенцев. *Анабаптисты*, или *перекрещенцы*, христ. секта, отвергавшая крещение детей и повторявшая его над взрослыми, уже крещенными. Основатель этой секты Шторх, современник Лютера, жил сначала в Цвиккау; изгнанная отсюда секта явилась в Виттенберг: к ней пристал Карлштадт и вел борьбу с Лютером; ок. 1520 г. во главе ее стал Мюнцер и действовал решительно в Швабии. Впоследствии А. усилились в гор. Мюнстере [...], но были здесь истреблены в 1535 г. [...]

АНИМИЗМ⁶, филос. и физиологич. учение, по которому все явления физич. жизни организмов приписываются присущему в них невещественному принципу — душе [...].

АНТИЛИБЕРАЛИЗМ (лат.) — преследование свободы мыслей.

АНТИРАЦИОНАЛИСТЫ (греч., лат.), противники приверженцев разума, особ. в делах религии.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ отличается от проч. филос. точек зрения тем, что в основание построения системы ставит цельную человеч. личность, как неоспоримую данную⁷ [...]

АНТРОПОМОРФИЗМ⁸ (греч.), представление божественного в человеч. форме. Такой способ представления бога объясняется тем, что челов. может представить себе Божество только в совершеннейшей природе человека. Кант наз. А. представление в чувственном образе идей разума, а Фихте самое представление бога, как лица, и нравств. порядок мира; новейшие философы представляют себе бога, как совокупность совершеннейших свойств и сил⁹.

АТЕИЗМ то же, что **БЕЗБОЖИЕ**. **АТЕИСТ** у древних греков — тот, кто отвергал многобожие; в христианской ц.— тот, кто отвергает тройственность бога и бо-

жественность Христа; в новейшее время — тот, кто, как Спиноза, Фихте и Гегель, отвергает существование бога вне мира¹⁰.

БЕЛИНСКИЙ, ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ, замечат. русский критик и публицист, род. 1811 в Пензенской губ., Чембарском уезде, где отец его был лекарем; образование получил в московск. университете, откуда, за написанную им драму, в коей был задет крепостной вопрос, был до окончания курса исключен с аттестацией: «*способностей слабых и нерадив*». В 1834 г. напечатал он в «Молве» первую свою критич. статью: «Литературные мечтания, элегия в прозе», в коей он, с блистательной оригинальностью, развил мысль, что у нас нет литературы. Литературная деятельность Б. распадается на 2 периода: московский и петербургский. В Москве, увлекшись Гегелем, Б. рядом выводов из его знамен. тезиса «все действительное разумно» был приведен к некоторым крайне-консервативным воззрениям, от коих он впоследствии решительно отказался. Эти воззрения с особенною силою выразились в статьях о «Бородинской годовщине» и об «Очерках Бородинского сражения». Собственно, в эстетике Б. в то время держался так наз. *искусства для искусства* и сильно ратовал против всяких требований *тенденции* от поэта. По переводу в Петерб. в 1841 г., и окончательно в 1842 г., особенное сочувствие его стали возбуждать поэты с *тенденциями*. Он стал вооружаться даже против художнич. отчуждения от обществ. интересов любимца своего Пушкина. При новом своем направлении он явился поборником-истолкователем школы Гоголя. Указывая на художественность великого юмориста, он сумел примирить свое прежнее требование художественности с новым требованием современности и общественного значения. Изнуренный спешною работою и чувством неудовольствия всею окружающею средою, Б. ум. 38 л., 1848 г. Сочинения его изд. в 12 т. Солдатенковым и Щепкиным. См. биографический очерк *Свяжского*. СПб., 1860. Замечат. статьи об нем Чернышевского в «Современнике» 1858 г. «Очерки гоголевского периода русской литературы».

ВЕРА, озн. принятие за истину того, что рассказывается, на основании доверия к рассказчику; также искреннее и твердое упование на личность, ее истинность, могуще-

ство, милосердие; напр., В. в Христа, бога и вообще в сверхчувственное и отвлеченное. В христ. догматике, большею ч., В. есть уверенность в чудесном и непостижимом. В. означ. также совокупность всего того, во что веруют, напр., христ. В.

ВЕРОТЕРПИМОСТЬ, допущение государством, кроме господствующей церкви, еще отправления веры и богослужения по др. исповеданиям; составляет низшую степень свободы вероисповедания, кот. признает гражд. равноправность членов всех вероисповеданий.

ВЕЩЕСТВЕННИКИ, МАТЕРИАЛИСТЫ, последователи Гермогена, жившего в конце II и нач. III в. по р. Х. в Карфагене, принимавшие, что материя так же вечна, как и бог, и что образование миров есть следствие непрерывного действия божества на материю, т. е. что бог есть только сила, действующая на материю. Мысль эта очень древняя и принадлежит Анаксагору, Аристотелю и Платону.

ВЕЩЕСТВО, материя, нечто противоположное образу или форме; др. словом, В. есть материал, служащий для образования формы [...]

ВОЛЬНОДУМЕЦ¹¹, человек, составивший себе особенные понятия о религии, вопреки учению той церкви, к коей принадлежит, или вовсе не признающий бытия бога. В. начали также называть людей, имеющих взгляд, противоположный взглядам правительств, и их стали преследовать как людей «неблагоденных».

ВОЛЬТЕР (François Marie Arouet de Voltaire*), величайший франц. писатель XVIII ст.; род. 1694 г. близ Парижа; воспитывался, как все почти энциклопедисты, в иезуитск. коллегии. Достигнув 21 л. возраста, он был обвинен в соч. одной сатиры на Людовика XIV и посажен в Бастилию. В заключении он составил план поэмы своей «La Henriade» ** и написал первую трагедию «Эдип». После вторичного заключения в Бастилию за ссоры с Роганом он

* * *

* Франсуа Мари Аруэ Вольтер.— *Ред.*

** «Генриада». — *Ред.*

принужден был переехать в Англию, где изучал англ. философию и политику, этим еще более укрепив в себе дух независимости. Через 3 года возвратившись в Париж, В. обогатился финансовыми операциями и в то же время прославил себя трагедиями: «Брут» (1730), «Заира» (1723), «Adélaïde Guesclin»* (1734), «Историю Карла XII» и, наконец, «Философск. письмами» (1735). Последние, за их антирелигиозное направление, были сожжены, и В. нашел убежище в замке Сирей у m-me du Châtelet**, где им были написаны «Eléments de la philosophie de Newton»*** (1738), трагедии — «Альзира, Магомет, Мерона», «Discours sur l'homme», «Essai sur les moeurs et l'esprit des nations»**** и жалкая пародия на Орлеанск. де-ву. В 1740 г. совершил путешествие в Берлин, по просьбе Фридр. Великого, после он вдруг получил от своего правительства дипломатич. поручение к прусск. королю. Вследствие покровительства m-me de Pompadour*****, он сделан б. историографом Франции, а потом членом французской академии. Вскоре, однако, снова попав в немилость, В. прожил 3 года при дворе Фридриха II в Потсдаме (1750—53), но и оттуда уехал, рассорившись с королем, своим почитателем. Последние 20 л. жизни В. провел в Фернее, на границах Франции, где прославил себя неоднократным противодействием религиозн. фанатизму и гражд. несправедливостям. Отсюда сносился он с энциклопедистами и написал в духе разрушения авторитетов «La Philosophie de l'histoire»*****, «La Bible commentée»*****, «L'Examen important de Mylord Bolingbroke»*****, «L'Histoire de L'etablissement du Christianisme»*****; здесь же издан им «Dictionnaire philosophique»*****. В 1778 г., при переезде в Париж, он торжественно был принят в театр и ум. 3 мес. спустя на 84 г. жизни. Писатель разносторонний, В. и науку, и по-

* * *

* «Аделаида Геслин». — *Ред.*

** М-м де Шателе. — *Ред.*

*** «Элементы философии Ньютона». — *Ред.*

**** «Беседы о нравах», «Эссе о нравах и уме наций». — *Ред.*

***** М-м де Помпадур. — *Ред.*

***** «Философия истории». — *Ред.*

***** «Комментированная библия». — *Ред.*

***** «Важный экзамен милорда Боленброка». — *Ред.*

***** «История становления христианства». — *Ред.*

***** «Философский словарь». — *Ред.*

эзию обращал в памфлет. Его влияние было исключительно *разрушительно для старины*; созидать для будущего он не мог, провозглашая исключительный индивидуализм и не умея достаточно уважать народ. В сравнении с Руссо, он был царем своих современников (*le roi Voltaire**), между тем как Руссо остается пророком лучшего будущего [...]

ГАЛИЛЕЙ, ГАЛИЛЕО, величайший ученый своего времени, род. 1564 г. в Пизе, сделал весьма важные открытия в области физики, механики, астрономии и математики; он открыл законы свободного падения тел, падения по наклонной плоскости и законы колебания маятника; в 1609 г. устроил телескоп, в коем для объектива употребил выпуклое стекло, а для окуляра — двояко-вогнутое стекло, и кот. носит его имя. Г. был первым математиком и философом Космы I и Фердинанда II, кои защищали Г., бывшего жарким приверженцем системы Коперника, от гонений римск. церкви. Г. издал «Разговоры о Птоломеевой и Коперниковой системе» и тем подвергся сильным преследованиям инквизиции. 70-летнего больного старика потребовали в Рим, содержали неск. месяцев в темнице и заставили на коленях отречься от своих мнений о коперниковой системе. Но рассказывают, что Г., после испытанного им унижения, тотчас же с уверенностью воскликнул: «*Eriog si muove*» (а она, т. е. земля, все-таки движется). После того Г. жил в Сиене, близ Флоренции и близ Арчетри, где ум. в 1642 г. Полное собрание его творений издано в Милане (13 т. 1808) [...]

ДЕКАБРИСТЫ, в России люди, хотевшие произвести переворот 14 декабря 1825 г. и поплатившиеся за него ссылкой в Сибирь в каторжную работу, а некоторые — жизнью. Целью их была перемена образа правления, предложением же — возведение на престол в. кн. Константина Павловича.

ДОГМАТ (греч. знач.— мнение, учение), основное положение религ. или философск. учения; в богословии же всякая истина, относящаяся к созерцательной части христ. учения или составляющая правило христ. веры, определенная и исповедуемая, на основании божествен. от-

* * *

* король Вольтер.— *Ред.*

кровения, общим голосом Вселенск. церкви¹², и отвержение коей ведет христианина к отлучению от церкви. Систематич. изложение таких Д. составляет науку *догматическое богословие* [...]

КОНСЕРВАТИВНЫЙ (лат.), в политич. жизни этим именем обозн. те учреждения и силы, кои благоприятствуют укреплению существующей госуд. жизни, сохранению порядков и поддержанию признанных авторитетов¹³.

МЕТАФИЗИКА (греч.) учение о сверхчувственном, т. е. руководство к правильн. познанию в мире духовн. и веществ. того, что не подлежит нашим чувствам, а только находимо путем умозаключений [...]

МЕТАФИЗИК, презрительное назв. человека, занимающегося открыванием конечных причин мира одними логич. выводами¹⁴, выражающегося темно, загадочно, в противоположность человеку практическому или ученому, исследующему факты [...]

МИСТИЦИЗМ (греч.), таинств. учение, вообще признающее предметы религиозного [не]доступными внешним чувствам, имеющее источник в стремлении человек. духа постигнуть сокровенные тайны сверхъестественного и божественного. Это стремление выразилось еще в доисторич. времена в первобытн. религиях и символах Востока, особенно у индийцев [...], также у греков (мистерии, Елевзинские таинства). Мистич. учение проникло в христианство, напр. учение Оригена (III ст. по р. Х.). Затем М. является как предмет средневек. схоластики [...]

МИФ (греч.), первоначально речь, повествование, но уже в позднейшее время озн. у греков повествование о событиях доисторич. времени; в новейшее время под М. на языке науки разумеют отчасти рассказ, основанием коего служит божество, отчасти же догмат, выраженный в конкретной форме рассказа, напр. греч., древнеинд., слав., герман. религии. Древнейшие М. относятся к олицетворению сил природы [...]

НЕОКАТОЛИЦИЗМ или **НОВОКАТОЛИЦИЗМ**, религиозное учение, очистившее католицизм от многих

примесей, суеверий и предрассудков, внесенных в него невежественными, а частию и своекорыстными ревнителями его, допускающее брачную жизнь духовенства, и проч.

ПАНТЕИЗМ, филос. система, соединяющая божество с видимым миром. Или божество поглощает в себе весь мир, тогда можно сказать, что бог есть все, или мир поглощает божество, и тогда все есть бог. В 1-м случае мир ничто иное, как скопление феноменов или разных проявлений божества без отдельного и веществ. существования его. Во 2-м случае божество составляет только всеобщую силу, распространенную в природе и сливающуюся с нею. Последний род П. назыв. натурализмом. Сознание нашей личности и свободы уничтожаются этой системою. Одни пантеисты желают слить все в одно единство, или идеальное — идеалистический П., или матерьяльное — материалистический П.; другие видят только природу и обоготворяют ее. П. имел представителей во всех эпохах истории: в Индии — у брахманов и буддистов, в Греции — у философов-элеатов и стоиков, из коих первые клонились к идеалистическому П., а вторые — к натурализму. В Александрии Плотин и приверженцы его; в новейшие времена: в Италии — Бруно, в Голландии — Спиноза, в Германии — Шеллинг и Гегель. Во Франции было [не] мало пантеистов: д. Ольбах, Дидерот.

РАЦИОНАЛИЗМ, философск. система, признающая гл. основою всех действий независимость разума; в религии — система, основывающ. верования на принципах разума, а не откровения. **РАЦИОНАЛИСТЫ**, это назв. присвоено в особенности последователям критическ. разбора Ветхого и Нового завета, распространившимся в последн. время в Германии [...], во главе их стоит Штраус и Фейербах. Первый Р. был Спиноза [...]

ТЕОСОФИЯ¹⁵, наука, различающаяся с теологией высшим познанием свойств божества. В пантеизме были также теософы и неоплатоники, [которые] присвоили себе это название. В новейшее время все духовидцы, как-то Бем, Сведенборг, назывались теософами.

ФЕТИШИЗМ¹⁶, обоготворение разных земных предметов. Некот. народы, даже принимая христианство, со-

храняют много обычаев Ф., поклоняясь дубам, рекам, разным животным, растен., все эти народы не имеют понятия о верховном существе.

ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ, так наз. вообще основатели и сотрудники большой энциклопедии, изд. 1751—63 гг. под редакцией Дидерота и Даламбера во Франции. Но как это творение может служить общим органом господствовавших в 18 ст. во Франции мнений в обл. философии, преимущ. религии и госуд. права, то Э. назыв. всех тех, кои разделяют мнения этой энциклопедии. К Э. принадлежат, между пр., Руссо, Гримм, Дюмарсе, Вольтер, Гольбах, Жокур, Тюрго [...].

Примечания

М. В. Буташевич-Петрашевский

Обскурантизм

и

Обскурант

Статьи написаны в 1846 г. для «Карманного словаря», но не вошли в него по цензурным соображениям. Во время ареста М. В. Петрашевского захвачены жандармами. Их подлинники вместе с некоторыми материалами следственного дела М. В. Петрашевского не сохранились; известны лишь копии, которые находятся в архиве В. И. Семевского (Архив Академии наук СССР, Московское отделение, ф. 489, оп. 1, ед. хр. 116, л. 56—60). Впервые опубликованы в сборнике «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев» (М., 1953, с. 257—261), по которому и печатаются в настоящем издании.

¹ «Нормально развитое», т. е. социалистическое, общество для Петрашевского — результат «полной сознательности», понимаемой как революционная деятельность людей.

² Крылатая фраза «Знание есть сила», перефразированная Петрашевским, принадлежит английскому философу-материалисту Ф. Бэкону, стремившемуся освободить науку от власти теологии.

³ М. В. Петрашевский имеет в виду уничтожение христианством памятников античной культуры.

⁴ Под «высоким учением аристократического равенства» имеется в виду платоновское или аристотелевское обоснование равенства для элиты рабовладельцев, эксплуатирующей бесправные массы рабов.

⁵ Здесь и далее использована мысль французских материалистов о том, что религия и обскурантизм — результат обмана.

⁶ Имеется в виду император Священной Римской империи Максимилиан, который покровительствовал художникам и ученым, завязал дипломатические отношения с Русским государством.

⁷ Здесь и ниже автор критикует теодицею — религиозно-философское учение, пытающееся доказать, что существующее в мире зло не отменяет представлений о боге как абсолютном добре.

⁸ Среди петрашевцев шли дискуссии по поводу отношения к народным восстаниям. М. В. Петрашевский был противником стихийных

выступлений как разрушающих материальные ценности, считал, что революцию надо тщательно готовить. Возражения Петрашевского К. И. Тимковскому, В. А. Головинскому и Н. А. Спешневу, готовыми подтолкнуть народ к революционным действиям, проанализированы в работах И. А. Федосова «Революционное движение в России во второй половине XIX в.» (М., 1958, с. 363, 367) и Е. Г. Плимака «Революционный процесс и революционное сознание» (М., 1983, с. 55—59). Эти возражения были связаны не только с учетом военной силы самодержавия, но и с объективной оценкой неспособности темного, необразованного крестьянства — единственного в то время потенциально революционного класса в России — самому провести преобразования в стране.

⁹ Одним из важных аргументов петрашевцев в признании необходимости сближения материалистической философии и социалистических теорий было убеждение в том, что все они противостоят обскурантизму.

¹⁰ Рассуждения об ослаблении влияния обскурантизма в России — злая ирония.

Объяснение, что такое социализм

Написано во время следствия в конце мая 1849 г. Автограф — в ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, 1849, ед. хр. 55, ч. 5. Впервые опубликовано в сборнике «Петрашевцы», т. II. Под ред. П. Е. Щеголева (М.—Л., 1927). Печатается с сокращениями по: «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев».

¹ При объяснении развития общества М. В. Петрашевский использовал открытые к тому времени физические и биологические законы.

² В римском праве, выражавшем классовые интересы рабовладельцев, сохранялись устои родо-племенного строя, фиксирующие простые нормы поведения в обществе.

³ М. В. Петрашевский считал Христа реальной личностью, глашатаем социалистических идей.

⁴ М. В. Петрашевский неточно приводит слова Лейбница, который хотя и говорил, что «мы получаем знания извне при посредстве чувств», но и подчеркивал, что «всегда будет ложным утверждать, будто все наши понятия происходят из внешних чувств» (*Лейбниц Г. В. Соч.* в 4-х томах, т. I. М., 1982, с. 152).

⁵ Речь идет о христианском социализме.

⁶ Имеется в виду материалистическая философия.

⁷ Деяния апостольские — часть Нового завета. По словам Ф. Энгельса, Деяния «представляют собой поздние переработки утерянных теперь сочинений» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 22, с. 491), отражаю-

щих отношения людей родо-племенного строя, не знавших частной собственности.

⁸ См.: Новый завет, Деяния святых апостолов (5; 1—6).

⁹ М. В. Петрашевский критикует уравнилельный коммунизм, элементы которого содержались во всех системах утопического социализма, за недооценку создания «правильных хозяйственных учреждений» — материальной основы общества.

¹⁰ Видимо, речь идет о доносе московского митрополита Филарета (В. М. Дроздова) на архиепископа Иннокентия (И. А. Борисова) по поводу статей в журнале «Христианское чтение» за 1828—1830 гг. под названием «Последние дни земной жизни Иисуса Христа». Духовная цензура запретила их издание отдельной книгой.

¹¹ Упомянув о колониях иезуитов в Парагвае, Петрашевский подчеркивал, что «социальная тенденция» христианства далека от коммунизма. Монашеские и рыцарские ордена, особенно орден иезуитов, были орудием в руках эксплуататоров. Вслед за Герценом и Белинским Петрашевский не разделял мнение утопистов-социалистов, идеализировавших положение индейцев в Парагвае в XV—XVI вв.

¹² М. В. Петрашевский отметил особенность религии иллюзорно удовлетворять реальные потребности человека.

¹³ Речь идет об утопическом социализме.

¹⁴ Эти же вопросы несколько иначе сформулированы М. В. Петрашевским в статье «Органическая эпоха», помещенной в «Карманном словаре».

¹⁵ Под «либерализмом» М. В. Петрашевский имел в виду буржуазные теории, оправдывающие социальное неравенство. Им он противопоставлял социалистическую теорию, обосновывающую неизбежность создания общества социальной справедливости.

¹⁶ Петрашевцы видели ограниченность революционных движений на Западе, указывали на усиление влияния там буржуазии.

¹⁷ В «Мертвых душах» читал книги не кучер Чичиков Селифан, а его лакей Петрушка, которого занимало не содержание книг, а сам процесс чтения.

¹⁸ Учение Фурье привлекало петрашевцев тем, что, как они полагали, давало реальные рекомендации по реорганизации труда — основы уничтожения в обществе антагонистических отношений.

¹⁹ М. В. Петрашевский обличал буржуазный национализм, противопоставляя ему интернационализм социализма — «доктрину космополитическую».

²⁰ Материальную основу будущего социалистического общества М. В. Петрашевский видел в крестьянской общине.

Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка Выпуск первый

Печатается с сокращениями по: Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Выпуск первый. СПб., 1845.

¹ Имеется в виду распространение картезианского материализма XVII в., противостоящего религиозным представлениям о примате веры над знанием.

² Здесь говорится о религиозных представлениях.

³ Призывая критически относиться к людям, «признанным жрецами науки», автор выражал свое отношение к официальным идеологам М. П. Погодину и С. П. Шевыреву — профессорам Московского университета.

⁴ Статья, по-видимому, написана В. Н. Майковым под влиянием идей В. Г. Белинского о связи искусства с жизнью.

⁵ В статье развиваются мысли А. И. Герцена из «Писем об изучении природы» об анализе и синтезе как двух методах единого процесса познания.

⁶ Под «синтетическими (априористическими) идеями» имеются в виду религиозно-идеалистические идеи, основанные на признании априорного (доопытного) сверхъестественного начала.

⁷ «Заветными мыслями» автор называл идеи социализма.

⁸ Под «блестящей теорией необходимости зла» понимается теодицея.

⁹ Статья может служить образцом пропаганды петрашевцами материалистического понимания природы и использования достижений естествознания. В ней излагаются основные принципы ньютоновской физики.

¹⁰ Статья — пример того, как петрашевцы использовали любой повод для пропаганды научного знания. Примечательна ссылка на друга Гельвеция Бюффона, участвовавшего в создании знаменитой Энциклопедии.

¹¹ «Вéда», точнее, «Вéды» (санскр. — священное знание) — памятник древнеиндийской литературы, основанный на мифологических и религиозных представлениях конца II — начала I в. до н. э. Содержит мистифицированные представления людей о внешнем мире.

¹² Здесь проводится мысль о тесной связи церкви с интересами самодержавия. Петр I уничтожил в России патриаршество, утвердил себя главою русской православной церкви, что и было закреплено Сводом законов Российской империи.

¹³ Трентский (Тридентский) Вселенский собор (1545—1563 гг.)

христианской церкви принял откорректированный текст Библии, что укрепило идейный арсенал католицизма в борьбе с Реформацией.

¹⁴ Гностицизм — религиозно-философское учение (I—III вв.), соединившее христианское понимание искупления с язычеством и неопифагорейзмом.

¹⁵ В статье говорится о том, что деизм иногда служил мостиком к пантеизму.

¹⁶ Здесь дана критика реакционной политики самодержавия в отношении высшего образования. Слова о выборе на должность декана «достойнейшего» — ирония. Демократические положения университетского устава в России (1804 г.) в 40-х годах были формальны. На должности деканов, как правило, избирались реакционеры.

¹⁷ В статьях «Демократия» и «Демократ» проводится мысль об отсутствии в России «истинно разумной свободы», в них в завуалированной форме пропагандировалась республиканская форма правления.

¹⁸ Говоря о том, что народ находится в постоянном страхе перед казнями, автор имел в виду расправу царизма с декабристами.

¹⁹ Здесь речь идет о полемике томистов-доминиканцев с францисканцами по вопросу обоснования ортодоксального богословия средствами разума.

²⁰ Имеется в виду субъективный идеализм.

²¹ Под словами «расположение человека к сверхчувственному» понимается религиозный взгляд на мир.

²² Статья является продолжением статьи «Анализ и синтез».

Если в первой В. Н. Майков подчеркивал значение анализа, то здесь он показал роль синтеза в познании, противопоставив его религиозному априоризму.

²³ Рассуждения об индульгенциях у петрашевцев служили разоблачению религиозной морали, которая в истории нередко оправдывала аморализм и даже преступления.

²⁴ Ссылкой на Реформацию петрашевцы хотели убедить читателя в том, что революционные действия — единственно надежный способ борьбы против самодержавия и крепостного права.

²⁵ В статье в завуалированной форме обличались антигуманные способы борьбы русской православной церкви против инакомыслящих, особенно против материалистов-атеистов. Как известно, в Своде законов Российской империи, на который имелась ссылка во втором выпуске словаря (см. ст. «Оппозиция»), за отказ от религии и «богохуление» предусматривалось наказание розгами и ссылка на каторгу.

²⁶ Альбигойцы — антикатолическая секта XII—XIII вв. в Европе. Во время крестового похода против альбигойцев в 1209 г. города на юге Франции были разграблены, а их население истреблено.

²⁷ «Плач пророка Иеремии» — библейская поэма по поводу за-

хвата в 586 г. до н. э. Иерусалима и разрушения храма Соломона вавилонским царем Навуходоносором.

²⁸ Во время вавилонского пленения (ок. 50 лет, с 597 г. до н. э.) евреи пополнили свою мифологию легендами и сказаниями ассирийцев и вавилонян.

²⁹ Статьи «Кабала» и «Кабалистика», очевидно, принадлежащие В. Н. Майкову, продолжены во втором выпуске словаря статьями «Мистицизм» и «Неоплатонизм», в которых подробно показывалось, как христианство унаследовало мистицизм иудаизма.

³⁰ Автор подчеркивал враждебное отношение богословов к естественнонаучным и философским взглядам Декарта, которому было запрещено преподавание в Утрехтском университете, а затем в Лейдене.

³¹ Здесь проводилась мысль, что в России фактически установилось то, к чему стремились западные властелины,— церковь стала надежной опорой самодержавия, составной частью феодально-крепостнического государства.

³² Лейтмотив статьи — союз самодержавия и царизма. Не случайна ссылка на «Духовный регламент», по которому Петр I утверждался главою православной церкви в России.

³³ Статья — одна из самых ярких в первом выпуске словаря. В ней осуждается царизм, пропагандируется республиканская форма правления. Одновременно ее автор выступал против идеализации буржуазных республик — «аристократии богатства». Одним из доказательств возможного авторства и уж несомненного редактирования статьи М. В. Петрашевским является ссылка на книгу Монтескье «Дух законов». Собираясь писать об общественном устройстве России, он специально изучал ее (см.: Дело петрашевцев, т. I, с. 120).

³⁴ Говоря о хитрости пророка Мухаммеда, автор использовал мысль французских материалистов о том, что религия — результат обмана хитрецами глупцов.

³⁵ Автор напоминал события Великой французской революции 1793 г., когда декретами Конвента и решением Генерального совета были закрыты церкви и ликвидированы многие религиозные организации, в том числе орден кордельеров.

³⁶ Иоанн Дунс Скотт — мыслитель-номиналист, который пытался разорвать связь между философией и теологией. По словам К. Маркса, номинализм был «первым выражением материализма» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 142).

³⁷ Вероятно, автор статьи — М. В. Петрашевский, который не раз «с величайшей похвалой отзывался о деятельности якобинцев и их вождей — Марата, Робеспьера, Дантона» (Иллерицкий В. Е. Революционная и историческая мысль в России. М., 1974, с. 129).

³⁸ Автор осуждает религиозные распри, служащие, как правило, интересам небольшой группы людей.

³⁹ Здесь петрашевцы богословским утверждениям противопоставляли свои представления о Земле и Вселенной, основанные на современных данных науки.

⁴⁰ В статье рассматривается вопрос о соотношении национального и общечеловеческого. Особенно он интересовал В. Н. Майкова, который, видимо, и является автором статьи. Для него история народных масс — история непрерывной борьбы общечеловеческого с узконациональным, воплощающимся во всем косном. Прогрессивное развитие народов, как доказывалось в его статьях о Кольцове, возможно лишь при их сближении и взаимном обогащении. Великие люди обладали способностью преодолеть национальную ограниченность, подняться до общечеловеческого. С этих позиций петрашевец и критиковал славянофилов. «Космополитизм» у Майкова, как и у Петрашевского, — синоним современного слова «общечеловеческое».

⁴¹ В статье в духе Энциклопедии П. Леру используется учение Сен-Симона о смене органических и критических эпох. Считая, что последние аккумулируют жизненные силы человечества, автор подчеркивал наступление «критической эпохи» в России, в ходе которой неизбежно «разрушение старого» и создание «нового». Речь шла о требовании уничтожения феодально-крепостнических устоев.

⁴² Ламаизм — направление буддизма, сложившееся в средневековом Тибете.

Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка Выпуск второй

Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Выпуск второй, изданный в 1846 г. в Петербурге, был полностью опубликован в книге «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев», по которому и воспроизводится с сокращениями.

¹ Статья «Материализм», как установлено В. Р. Лейкиной-Свирской, принадлежит В. Н. Майкову. Она продолжает статью «Идеализм» первого выпуска словаря. Отмежевываясь от вульгарного материализма, автор защищал материалистов от обвинений в недооценке духовного. Для радикально настроенных петрашевцев ум, воля, знания, сознательность — основа научного понимания действительности и ее коренного преобразования.

² Течение методистов относят к так называемому позднему протестантизму. Буржуазная по своему существу, эта религия привлекала внимание петрашевцев тем, что ее идеологи апеллировали к народу, создавали религиозные миссии в рабочих районах Лондона.

³ Статья, по нашему мнению, принадлежит В. Н. Майкову, так как созвучна его статье «Анализ и синтез» в первом выпуске словаря.

⁴ Здесь использована аргументация французских материалистов, считавших религию в классовом обществе результатом мистификации представлений темных народных масс.

⁵ Статья, видимо, принадлежит В. Н. Майкову (см. прим. 29 к первому выпуску словаря). Ее содержание близко к другим работам молодого критика, в которых разоблачался мистицизм, в частности к разбору сочинений В. Одоевского. Примечательна также ссылка на высказывания Кузена. Сочинение западного философа Майков хорошо знал, что нашло отражение в его статье «Общественные науки в России».

⁶ Речь идет о религии.

⁷ Здесь автор использовал идеи А. И. Герцена из «Писем об изучении природы».

⁸ В статье выражена одна из существенных особенностей социологических воззрений радикально настроенных петрашевцев — их попытки преодолеть метафизическую ограниченность представлений о неизменной природе человека, что было характерно для западного утопического социализма XVIII — первой половины XIX в. Петрашевцы делали упор на признание постоянного изменения «общих требований» «природы человеческой», главное из которых — требование коренного изменения мира.

⁹ Квиетизм (от лат. *quietus* — спокойный) — направление в католицизме XVII в., провозглашавшее полное подчинение воле бога и исключаящее всякую активность человека. Поскольку оно пропагандировало безразличие к спасению, было осуждено Ватиканом. Здесь — в смысле безразличия к собственной судьбе.

¹⁰ Модерантизм — от франц. *modéré* (умеренный).

¹¹ Спиритуализм (от лат. *spiritualis* — духовный) — объективно-идеалистическая точка зрения, мистифицирующая духовное.

¹² Сенсуализм (от лат. *sensus* — чувство, ощущение) — учение, согласно которому ощущение — единственный источник познания.

¹³ Вслед за А. И. Герценом петрашевцы считали, что философия должна преодолеть «крайности» как спиритуализма с его пренебрежением к материальному и тягой к иррациональному, так и сенсуализма с его недооценкой абстрактного мышления.

¹⁴ Речь идет о наиболее драматических событиях Великой французской революции конца XVIII в.

¹⁵ Пелагианизм (пелагианство) — учение английского монаха Пелагия Моргана, согласно которому возможно достижение спасения

силами самого человека. В 431 г. католическая церковь объявила это учение ересью.

¹⁶ См. статью «Жансенизм» в первом выпуске словаря.

¹⁷ Монадология Лейбница привлекала внимание петрашевцев тем, что не оставляла места для традиционных религиозных представлений о грехопадении, спасении, загробной жизни, в известной мере открывала путь для науки.

¹⁸ В статье обличалось лицемерие христианской морали, на словах провозглашавшей любовь, а на деле освящавшей социальное неравенство. Рассуждения о семейных отношениях служили поводом, позволявшим автору показать, что любовь как принцип человеческих отношений изгнана даже из брака.

¹⁹ Статья «Монотеизм» (от греч. monos — один и theos — бог) направлена против дискриминационной политики самодержавия в отношении неправославных религий. Подчеркивая близость христианства, иудаизма и индуизма (учения браминов), автор показывал несостоятельность утверждения богословов об исключительности той или иной религии.

²⁰ Монофизитизм (монофизитство) (от греч. monos — один и phýsis — природа). Автор неверно объясняет существо монофизитизма. Монофизиты настаивали на единой, «божественной» природе Иисуса Христа.

²¹ Статья направлена против религиозной морали как основанной на ненаучных «предположениях априористических», т. е. на признании бытия бога и им продиктованных моральных заповедях, оправдывающих эксплуатацию. Автор обосновывал мораль, вытекающую из «опытного исследования природы человеческой».

²² Понятие «эвдемонизм» — введено И. Кантом для обозначения антимистической линии в этике, которой придерживались французские материалисты XVIII в.

²³ Здесь отражены представления петрашевцев о мифах, как о древних религиозных верованиях, основанных на обожествлении человеком сил природы и собственной деятельности.

²⁴ В основе статьи лежит представление о том, что все мировые религии связаны между собой и каждая из них отражает особенности жизни того или иного народа.

²⁵ Ссылками на понимание Иисуса Христа как реальной личности, в которой нет ничего сверхъестественного, петрашевцы подкрепляли собственные представления о Христе, почерпнутые из книги Д. Штрауса «Жизнь Иисуса».

²⁶ Здесь подчеркивается зависимость взглядов на природу от исходных мировоззренческих позиций, от «умственного развития» людей.

²⁷ Из стихотворения Е. А. Баратынского «На смерть Гёте».

²⁸ В статье излагаются идеи Л. Фейербаха об атеизме и его роли в истории философской мысли.

²⁹ Имеется в виду богословие, признающее постижение бога не только через мистическое «откровение», но и средствами разума, подчиненного вере. Одним из первых в России с этими идеями выступил Ф. Ф. Сидонский, сочинение которого «Введение в науку философии» было изъято духовной цензурой, но многим известно. Имя Сидонского упоминал в своем показании на следствии петрашевец Баласогло (см.: «Дело петрашевцев», т. II, с. 58).

³⁰ Одна из центральных статей в словаре, как установлено В. И. Семевским, написана Петрашевским. Используя обширный историко-философский материал, а также рассуждения современных ему буржуазных социологов, автор в завуалированной форме выступал против господствующих в царской России феодально-крепостнических отношений, доказывал неизбежность установления социализма — общества, где не будет социального неравенства, а жизнь каждого станет «безусловно священна» и получит «гармоническое развитие» на основе естественных законов, где воцарится «полное благосостояние» всех людей. Петрашевский смело критиковал апологетов буржуазии — Гоббса, Гроциуса и Пуфендорфа, считавших естественным состоянием общества борьбу «всех против каждого», разоблачал церковников, которые призывали любить ближнего как самого себя, но оправдывали социальную несправедливость. Петрашевский цитировал, по-видимому, Энциклопедию П. Леру.

³¹ Здесь использована терминология Фурье.

³² Кант и Фихте в отличие от Руссо не отождествляли «естественное право» и «естественное состояние». Они выводили «естественное право» не из законов природы, а из «практического разума».

³³ Речь идет об утопических социалистах.

³⁴ В статье проводится различие между системами в природе и системами, характеризующими «расположение предметов в науке», т. е. между объективным и субъективным.

³⁵ Имеются в виду утопические социалисты, прежде всего Фурье, для которого, как и для его предшественников, теоретиков естественного права XVIII в., первобытное общество — это период счастливого детства человечества, не знающего социального неравенства.

³⁶ Статьи «Нация» и «Национальность», по мнению В. И. Семевского, написаны Петрашевским и направлены против славянофилов.

³⁷ Рассуждения о «мудрости» русских царей — ирония.

³⁸ Здесь представлены наиболее важные декреты Учредительного собрания Франции времен Великой французской революции конца XVIII в.

³⁹ В завуалированной форме в статье прославляются борцы против крепостного права — «благородные поборники правды».

⁴⁰ Имеются в виду идеологи «официальной народности», обращавшиеся к истории, вероятно историк М. П. Погодин.

⁴¹ В «Первой книге царств» Библии, которая у евреев называется «Первая Самуила», рассказывается о «чудесном» рождении этого пророка.

⁴² В статье излагаются социологические взгляды петрашевцев, в основе которых лежало понимание развития как главного закона природы и общества. В противоположность славянофилам и официальной идеологии петрашевцы провозглашали необходимость коренного изменения действительности — «акт нововводительства».

⁴³ Речь идет о тщетности попыток изобретателя парового судна Фультона привлечь внимание Наполеона.

⁴⁴ Имеются в виду литераторы, близкие С. П. Шевыреву, обвинявшие В. Г. Белинского и А. И. Герцена в искажении русского языка за употребление слова «прогресс».

⁴⁵ Понимание неологии петрашевцами отличалось от религиозного, связанного с мистицизмом (см. ст. «Неопифагореизм» и «Неоплатонизм»).

⁴⁶ Ф. Энгельс в работе «Бруно Бауэр и первоначальное христианство» писал, что Филон Александрийский «был настоящим отцом христианства», а «многочисленные дошедшие до нас сочинения, приписываемые Филону, возникли фактически из слияния аллегорически и рационалистически понятых еврейских преданий с греческой, а именно, стоической, философией» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 307).

⁴⁷ Пифагор считал, что материя — это число, а познать число — значит понять сущность вещей. Неопифагорейцы развили мистические стороны учения Пифагора, его представление о бессмертной душе.

⁴⁸ Аполлоний Тианский — главный представитель неопифагорейства, мистик. Занимался пророчествами, проповедовал переселение душ.

⁴⁹ Речь идет о вражде между Александрийскими богословами (Оригеном, Климентом и др.), которые стремились согласовать Библию с идеями греческих идеалистов, особенно Платона, и Антиохийскими (Иоанном Златоустом и др.), настаивавшими на буквальном понимании священного писания.

⁵⁰ В статье обличается мистицизм. В. Н. Майков (см. прим. к статье «Мистицизм») использовал четвертое письмо А. И. Герцена из «Писем об изучении природы».

⁵¹ Имеется в виду стремление неоплатоников взять на вооружение элементы религиозных учений народов Востока.

⁵² «Логос» (греч.) в античной философии — мировой закон, разум, мысль, учение. У Плотина — мистическое, непостижимое первоначало.

⁵³ Статья, по мнению В. И. Семеvского, написана М. В. Петрашевским.

⁵⁴ Речь идет о понимании христианства Сен-Симоном, который считал, что религия указывает выход из кризиса классового общества и надолго останется цементирующим началом человечества М. В. Петрашевский, возражая Сен-Симону, доказывал, что религия не вечна, что она должна уступить место «новой и более разумной» идее — атеизму.

⁵⁵ Здесь разъяснение малоизвестного иностранного слова использовалось для критики царизма — формы государственного правления, лишённого доверия народа.

⁵⁶ Статья — одна из наиболее ярких в словаре. В форме рассказа о демократической партии времен английской буржуазной революции XVII в. и о требованиях анабаптистов — последователей Т. Мюнцера, по словам Ф. Энгельса, «самой величественной фигуры» периода Реформации, она выражала требования петрашевцев коренных социальных реформ, отражала настроения русского крепостного крестьянства. Зная, что народ темен, неграмотен, религиозен, петрашевцы взяли на вооружение положения западной крестьянско-плебейской ереси, которая, как писал Ф. Энгельс в «Крестьянской войне в Германии», выводила гражданское равенство из «равенства сынов божиих» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 7, с. 362).

Обращение к событиям Крестьянской войны в Германии использовалось как пропагандистский прием для доказательства неизбежности социальной революции в России.

⁵⁷ В. И. Ленин писал, что в борьбе номиналистов и реалистов «есть аналогия с борьбой материалистов и идеалистов» (*Ленин В. И. Полн. собр. соч.*, т. 25, с. 37). См. прим. 36 к первому выпуску.

⁵⁸ «Кормчая книга» введена русской православной церковью в XIII в. под названием «Кормчая книга, глаголемая греческим языком. Номоканон». Впоследствии она не раз уточнялась. Патриарх Никон (XVII в.) использовал «Кормчую книгу» для обоснования церковной реформы, которая привела к расколу в церкви и появлению старообрядчества. В 1787 г. по распоряжению Екатерины II была сделана новая редакция книги.

⁵⁹ В словаре статья является наиболее полным изложением учения о человеке и его естественных потребностях, которое составляло теоретическую основу представлений материалистов XVIII в. и утопических социалистов первой половины XIX в. об обществе.

⁶⁰ Автор статьи, по мнению В. И. Семевского, М. В. Петрашевский. Он смело пропагандировал учения социалистов-утопистов Оуэна, Сен-Симона, Фурье. Для доказательства неизбежности коренных социальных преобразований в России использовал закон сохранения и превращения энергии и делал вывод: чем глубже «акт новаторства», тем сильнее ему противодействие.

⁶¹ Продолжая предыдущую статью, М. В. Петрашевский прослав-

лял борцов за прогресс. Говоря о страданиях новаторов, он, видимо, имел в виду расправу самодержавия с декабристами.

⁶² В завуалированной форме здесь дана критика деятельности «секретных комитетов по крестьянскому вопросу», с помощью которых царизм хотел снять накал классовой борьбы в стране. Автор подчеркивал, что никакая реформа не может предотвратить назревающую в стране революцию.

⁶³ Автор пропагандирует социалистические идеи Роберта Оуэна и критикует религиозное представление об испорченности человеческой природы первородным грехом.

⁶⁴ Статья «Ода», видимо, принадлежит В. Н. Майкову. Она продолжает размышления о пути познания, начатые в статье «Анализ и синтез».

⁶⁵ Имеется в виду позиция богословов, считающих, что «начало всех начал» — бог недоступен человеческому познанию.

⁶⁶ «Окказионализм» (от лат. *occasio* — случай, повод) — направление в философии, которое в религиозно-идеалистическом духе решило поставленный Декартом вопрос о соотношении души и тела. Лейбниц переработал окказионализм в учение о предустановленной гармонии.

⁶⁷ Номиналист Вильгельм (Уильям) Оккам критиковал догмат о существовании бога, выступал против непогрешимости папы, настаивал на временном существовании папства как института. Был привлечен к суду, сидел в тюрьме. Говоря об Оккаме, автор ставил под сомнение авторитет церкви.

⁶⁸ «Онтология» (от греч. *ontos* — сущее, *logos* — учение, слово, закон) в домарксистской философии — учение о бытии, основа метафизики, под которой понималась философия, исследующая умозрительно постигаемые, неизменные начала сущего.

Последователь Лейбница идеалист Хр. Вольф называл онтологией абстрактно-дедуктивную систему понятий. Критикуя идеалистическое понимание онтологии, Кант требовал ее замены трансцендентальной (лат. *transcendere* — переступить) философией, изучающей «предварительные», априорные формы сознания. У Гегеля онтология — объективно-идеалистическое понимание бытия.

⁶⁹ Речь идет о материалистической критике идеалистической «спекулятивной философии» (от лат. *speculor* — наблюдаю, созерцаю).

⁷⁰ Здесь представлены философы, доказавшие несостоятельность одного из основных теологических постулатов бытия бога, — Декарт, Кант, Гегель.

⁷¹ Статья, по мнению В. И. Семевского, написана М. В. Петрашевским. В ней обосновываются смысл и значение демократической деятельности оппозиции как «существенного элемента» общества. Слова о соблюдении «полной мудрости и терпимости» к оппозиции в России —

ирония. Автор ратует за необходимость теоретического обоснования деятельности оппозиции, что для петрашевцев означало разработку теории социализма.

⁷² Автором статьи «Оптимизм» В. И. Семевский считал М. В. Петрашевского. В ней вскрывается несостоятельность богословской теории теодицеи, которой противопоставляется опирающийся на факты атеизм.

⁷³ Статья «Оракул» из всех других статей «Карманного словаря» содержит наиболее полное изложение понимания петрашевцами происхождения религии и ее сущности. По своему содержанию она перекликается с атеистической речью Толля о происхождении религии. Мысли об обоготворении человеком на низших ступенях своего развития довлеющих над ним сил природы, о появлении жречества и даже ссылка на Сократа почерпнуты из сочинений французских материалистов. Говоря об использовании религии «первенствующим классом», т. е. эксплуататорами, автор близко подходил к выяснению ее классовой сущности. Считая великими деятелями людей, защищающих интересы народа, он прославлял тех, кто, отказавшись от религии, обратился к науке.

В записке от 17 августа 1849 г. Липранди отмечал, что «между бесчисленным множеством наполненных ядом социализма, коммунизма и прочих современных безумств» в Карманном словаре статья «Оракул» выделяется своим радикализмом («Русская старина», 1872, т. VI, с. 82).

⁷⁴ Здесь затронут широкий круг вопросов, связанных с пониманием роли религии в классовой борьбе. Петрашевцы видели, что политические идеи в историческом развитии общества нередко бывают скрыты под религиозным покрывалом. Оправдывая борьбу ирландских католиков против англичан-протестантов, они выступали против колонизаторской политики самодержавия, которое использовало церковное миссионерство для расширения своего господства. Интересны доказательства неизбежности революционного взрыва в обществе, где господствует социальное угнетение, которые автор статьи ищет в физическом законе.

⁷⁵ Статьи «Оратор», «Ораторство» содержат важную для социологических воззрений петрашевцев мысль о силе человечества как рода. В них ораторство представлено как форма выражения интересов народных масс, особенно проявляющаяся в наиболее ответственные моменты их исторического развития — в периоды социальных переворотов. Именно такой период, по мнению петрашевцев, назревал в России.

⁷⁶ Здесь смело прославляются пропагандисты революционных идей в массах.

⁷⁷ В статье излагается учение сенсимонистов, осмысливавших исторический процесс как смену различных эпох — органических и критических. Особо выделяются критические эпохи — периоды социальных переворотов, когда важную роль приобретают передовые идеи, показыва-

ющие направление социального развития. Характеризуя вторую критическую эпоху — период Реставрации, автор подчеркивал недостаточность «со стороны практической» господствовавшего в то время лозунга христианской любви.

⁷⁸ Как и в других статьях, петрашевцы, используя данные науки, стремились естественным путем объяснить развитие природы и общества.

⁷⁹ Радикально настроенные петрашевцы придавали исключительное значение организаторской деятельности революционеров, которые, по их мнению, должны были не только распространять революционные идеи, но и в момент народного восстания стать его руководителями.

⁸⁰ Статья является центральной среди других, посвященных рыцарским орденам. В ней указывалось на военный характер этих объединений, на постепенное превращение их в придаток эксплуататорского государства.

⁸¹ Последний абзац — злая ирония. В «Мертвых душах» в рассказе о капитане Копейкине говорится о герое Отечественной войны 1812 г., который не мог добиться помощи от государства, нищенствовал и, ожесточившись, стал предводителем шайки разбойников, как в то время крепостники называли всех, открыто выступавших против самодержавия.

⁸² Автор статьи выступает против идеализации рыцарских орденов в богословской литературе.

В. Н. Майков

[Сочинение князя В. Ф. Одоевского]

Рецензия впервые опубликована в журнале «Финский вестник» за 1845 г., № 1. Вошла в «Критические опыты» В. Н. Майкова, т. I. СПб., 1891. Частично напечатана в «Вопросах научного атеизма», вып. 29. М., 1982, с. 242—257. В настоящем издании воспроизводится с незначительными сокращениями по журналу «Финский вестник».

¹ В. Ф. Одоевский возглавлял философский «кружок Любомудров», возникший в 1823 г. и прекративший свое существование после восстания декабристов, шеллингианец, писатель, музыкальный критик. В 1824—1825 гг. вместе с декабристом В. К. Кюхельбекером издавал альманах «Мнемозина», в 30-х годах — серию книг для простого народа — «Сельское чтение». В 30—40-х годах опубликовал ряд философско-фантастических новелл, статей и сатирических повестей.

² См.: *Одоевский В. Ф. Сочинения*, ч. 1—3. СПб., 1844.

Н. А. Спешнев

[Философские рассуждения]

Рукописи Н. А. Спешнева на французском («Рассуждение первое») и немецком («Рассуждение второе» и «Рассуждение третье») языках не имеют ни даты, ни заголовка. Они хранятся в ЦГАОР, ф. 1076, оп. 1, ед. хр. 15, л. 1—3 об.; ед. хр. 16, л. 1—4 об. Впервые опубликованы на русском языке под названием «Письма к К. Э. Хоецкому» в книге «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев». По мнению издателей, они написаны не ранее начала 1847 г., о чем свидетельствует ссылка на сочинение Прудона «Философия нищеты или система экономических противоречий», вышедшее в 1846 г.

Установлено, что адресатом Н. А. Спешнева является не Хоецкий, а В. А. Энгельсон, с которым он был дружен с лицейских времен (см.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Петрашевец Н. А. Спешнев в свете новых материалов.— «История СССР», 1978, № 4). Листы рукописи перепутаны архивариусом и составляют не два, как это представлено в первой публикации, а три документа. Последний из них не окончен. В основу настоящей публикации положен перевод 1953 г., уточненный по оригиналу.

¹ Под «метафизикой» здесь и далее имеется в виду объективно-идеалистическая философия Гегеля.

² См. прим. 11 ко второму выпуску «Карманного словаря».

³ Речь идет о предлагаемой Ш. Фурье реорганизации труда в фаланстерах, чтобы сделать его производительным и привлекательным. Идея реорганизации производства Фурье получила высокую оценку классиков марксизма.

⁴ Французский утопический социалист, сенсимонист П. Леру призывал любить человека и человечество, считал христианский аскетизм препятствием на пути прогресса.

⁵ Кондорсе — французский философ-просветитель, доказывал способность человека к бесконечному совершенствованию через просвещение и науки.

⁶ Гердер — немецкий философ-просветитель XVIII в., пытался объяснить историю человеческих способностей естественными законами.

⁷ По поводу колоний иезуитов в Парагвае см. прим. 11 к «Объяснению, что такое социализм» М. В. Петрашевского.

⁸ Речь идет о противоречии между христианскими социалистами и утопическими коммунистами, часть которых выступала против религиозных предрассудков. Дезами сначала был единомышленником Кабе, но позднее порвал с ним и подверг резкой критике мирный «икарийский коммунизм» и даже обвинял Кабе в мошенничестве.

⁹ От имени Дионисия Ареопагита в V — нач. VI в. распространя

лись религиозно-философские сочинения, оказавшие большое влияние на последующее развитие христианской мысли.

¹⁰ «Отче наш!..» — первые слова распространенной в православной церкви «молитве господней», которую, по евангельской легенде (Матф., 6: 9—13), передал апостолам Иисус Христос.

¹¹ «Никейский символ веры» — краткое изложение мистических догматов христианской религии, принятое на Никейском Вселенском соборе (325 г.). Он включает признание «триединого» бога, вечной загробной жизни, страшного суда, воскрешения мертвых. «Символ веры» был дополнен на Константинопольском соборе (381 г.).

¹² Н. А. Спешнев перечисляет имена раннехристианских богословов, проповедовавших аскетизм.

¹³ Примыкая в своих философских взглядах к французским материалистам XVIII в., Дезами выступал против религиозных суеверий и предрассудков.

¹⁴ Здесь мистериями иронически названы Вселенские соборы христианской церкви, на которых восторжествовали идеи «отцов церкви» Афанасия Александрийского и Василия Великого. Отсюда их название — «афанасийские» и «василийские».

¹⁵ Имеется в виду обоготворение человека Л. Фейербахом, названное им «антропотеизмом».

¹⁶ Гегель считал историю развития религий закономерным процессом, в котором образ бога все более очеловечивался. В конечном счете человек и бог сливаются воедино в абсолютном духе.

¹⁷ К. Маркс подчеркивал, что Л. Фейербах свел гегелевский «метафизический абсолютный дух к действительному человеку на основе природы» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 154).

¹⁸ К. Грюн — публицист, представитель «истинного» социализма. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии» причисляли его к выразителям реакционных интересов немецкого мещанства (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 453).

¹⁹ Имеются в виду так называемые простые нормы нравственности («не убий», «не укради» и т. п.), возникшие в социальном общении людей, объявленные религиями богоустановленными.

²⁰ Н. А. Спешнев справедливо подметил близость Гегеля к лютеранству. Стремясь преодолеть субъективно-идеалистическое и христианско-аскетическое пренебрежение к телесному, Гегель многое почерпнул из лютеранства, которое считал высшей формой религии.

²¹ Англиканство, лютеранство и кальвинизм — религиозные направления христианства, которые возникли в период Реформации. В них был пересмотрен католический аскетизм (от греч. askesis — упражнение, подвиг), а догмат о спасении приобщением к церкви заменен учением о спасении личной верой.

²² В Древней Индии, где господствовал веддизм, считалось благочестивым на старости лет покидать семью и вести аскетическую жизнь отшельника. Говоря о Египте, Н. А. Спешнев имел в виду христианских отшельников — анахоретов, появившихся там в IV в.

²³ «Ессен» (эссены) — иудейская секта, в которой, по сведениям писателей I в., не было частной собственности.

²⁴ Речь идет о материализме XVIII в.

Ф. Г. Толль

[Набросок речи о происхождении религии]

Написан в марте 1849 г. Подлинник хранится в ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, 1849, ед. хр. 55, ч. 22, л. 14 — 15 об. Впервые опубликован в сборнике «Петрашевцы», т. II. Под ред. П. Е. Щеголева. Печатается по изданию «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев».

¹ Петрашевцы, как и французские материалисты, различали причины возникновения религии на низших ступенях развития человечества и причины, объясняющие существование религии в классовом обществе (см. статью «Оракул» «Карманного словаря»).

² Исходным пунктом познания петрашевцы считали ощущения.

³ Речь идет о языческих представлениях американских индейцев.

⁴ «Деятельность» для Ф. Г. Толля, как и для многих домарксовых материалистов, в основном процесс познания.

⁵ Ф. Г. Толль повторяет мысль утопических социалистов о «золотом веке» человечества.

⁶ Здесь критикуется религиозная мораль, примиряющая эксплуататоров и эксплуатируемых.

Н. С. Кашкин

[Речь о задачах общественных наук]

Автограф речи находится в ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, 1849, ед. хр. 55, ч. 18, л. 12 — 18 об. Впервые опубликована в сборнике «Петрашевцы», т. II. Под ред. П. Е. Щеголева. Печатается с сокращениями по изданию «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев».

¹ См. прим. 1 к «Философским рассуждениям» Н. А. Спешнева.

² Слова Гегеля «понять ТО, ЧТО ЕСТЬ,— задача философии,

ИБО ТО, ЧТО ЕСТЬ,— разум» — цитата из четвертой статьи «Дилетантизма в науке» Герцена (*Герцен А. И.* Избранные философские произведения, т. I. М., 1948, с. 76).

³ Речь идет о гегельянцах.

⁴ Текст, взятый в угловые скобки, воспроизводит фразы из статьи Герцена (см.: *Герцен А. И.* Избранные философские произведения, т. I, с. 73, 74, 82, 79, 83, 84, 83, 82). В рукописи имеется пометка на полях: «Приложение ко второму листу».

⁵ Слова, взятые в скобки, воспроизводят фразу из второй статьи А. И. Герцена по поводу публичных чтений Т. Н. Грановского (см.: *Герцен А. И.* Избранные философские произведения, т. I, с. 312).

⁶ Этими словами оканчивается «Дилетантизм в науке» А. И. Герцена.

А. В. Ханыков

[Речь на обеде в честь Ш. Фурье]

Текст речи записан А. В. Ханыковым после ее произнесения, о чем свидетельствует дата в рукописи (см.: «Дело петрашевцев», т. III, с. 15) и письма Д. Ахшарумова В. И. Семевскому (см.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Петрашевцы, с. 66, примеч.). Автограф хранится в ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, 1849, ед. хр. 55, ч. 13, л. 14—20. Впервые опубликована в сборнике «Петрашевцы», т. II. Под ред. П. Е. Щеголева. Печатается с сокращениями по изданию «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев».

¹ «Зенд-Авеста» — священная книга зороастризма — религии, возникшей в VI—VII вв. в Древнем Иране.

² «Джамид» (Джемшид), по иранской мифологии, шах из династии Пишдадидов, царствовавшей 700 лет.

³ Воспроизводится мысль Ш. Фурье, считавшего, как и его предшественники — теоретики естественного права XVIII в., что первобытное состояние — счастливый период жизни человечества.

⁴ Имеется в виду критика идеализма материализмом.

⁵ Речь идет о раннем христианстве.

⁶ Имеется в виду Учредительное национальное собрание во Франции, провозгласившее Республику 4 мая 1848 г., внутри которого шла острая политическая борьба.

⁷ Речь идет об утопическом коммунизме XIX в.

⁸ А. В. Ханыков, как и некоторые передовые люди России XIX в., в том числе декабристы, идеализировал древний Новгород.

⁹ Имеется в виду Ш. Фурье.

Религии будущего. Человек или Христос? Быть или не быть?

Рукопись была изъята во время ареста петрашевцев вместе с бумагами студента Б. И. Утина. В. И. Семевский, высказав предположение, что документ был подготовлен в целях пропаганды, считал его «скорее всего» переводом одного из произведений Фр. Фейербаха. Отсутствие в библиотеках России сочинений немецкого автора затрудняло атрибуцию. Составителем сборника проведено сличение рукописи с книгами Фр. Фейербаха, две из которых, как выяснилось, имеются в СССР: одна — в Научной библиотеке им. А. М. Горького в МГУ, а другая — в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина (см.: *Алейник Р. М. Фридрих Фейербах — последователь и пропагандист учения Людвига Фейербаха.* — «Вопросы научного атеизма», вып. 29. М., 1982). Установлено, что рукопись написана почерком Ханыкова и имеет в конце карандашную приписку-адрес, по которому в Петербурге проживала семья Ханыковых: «На Кирочной, второй дом от Литейной, дом каретн. Мельцера во втором этаже...» Этот же адрес записал в своем дневнике молодой студент Н. Г. Чернышевский, бывавший у А. В. Ханыкова (см.: *Н. Г. Чернышевский. Избранные философские сочинения*, т. 3. М., 1951, с. 837).

Кроме рукописи документа (ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, 1849, ед. хр. 55, ч. 16, л. 138 — 145 об.) сохранились две его копии. Одна попала через агента Наумова в Министерство внутренних дел до ареста петрашевцев (ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, 1849, ед. хр. 55, ч. 2), другая — в бумагах И. П. Липранди (Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. Общества истории и древностей российских, № 221/2).

Сочинение А. В. Ханыкова частично было опубликовано В. И. Семевским в статье «Петрашевцы. Студент Толстов и Г. П. Данилевский; мещанин П. Г. Шапошников, литератор Катенев и Б. И. Утин» («Голос минувшего», 1917, № 12). Полностью оно издано в «Вопросах научного атеизма», вып. 24 (М., 1979).

Печатается по рукописи А. В. Ханыкова.

¹ «Признание человеческой природы за высший закон» — исходный принцип антропологического материализма Л. Фейербаха (пропагандируемый Фр. Фейербахом), который противостоял религиозно-идеалистическому пониманию природы, общества и человека.

² «Религия будущего» — обожествление абстрактной сущности человека, главным принципом которой является стремление человека к счастью. Несостоятельность попытки Л. Фейербаха создать культ

абстрактного человека показана Ф. Энгельсом в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии».

³ Имеется в виду один из эпизодов борьбы швейцарских кантонов за независимость от папства.

⁴ Стремление Л. Фейербаха найти в буржуазных объединениях основу «религии будущего» подверг критике Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 21, с. 298).

П. Н. Филиппов

Десять заповедей

Незаконченный набросок агитационной брошюры был составлен в марте — апреле 1849 г., после решения в собрании у С. Ф. Дурова организовать тайную типографию и печатать в ней нелегальную литературу. Оригинал не сохранился. Имеется копия в документах И. П. Липранди (Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. Общества истории и древностей российских, № 221/2, л. 51 — 54). Впервые опубликована А. И. Герценом в «Полярной звезде».

Печатается по «Философским и общественно-политическим произведениям петрашевцев».

¹ «Заповеди» — десятисловие (от греч. deka — десять и logos — слово, закон) — содержащиеся в Библии формулировки норм поведения древних евреев. В православии обычно имеют в виду совпадающие 10 мест из «Исхода» и «Второзакония», где речь идет о простых нормах нравственности.

² Аргументация П. Н. Филиппова направлена против объяснения 10 заповедей в распространяемом церковью «Пространном христианском катихизисе православной, католической, восточной церкви» московского митрополита Филарета (Дроздова В. И.), в котором он дал богословское обоснование феодально-крепостнической монархии.

³ Автор осуждает готовящуюся военную интервенцию русского самодержавия для подавления буржуазной революции 1848 г., быстро распространявшейся по Европе.

А. Д. Толстов

Из дела о А. Д. Толстове

Материалы следственного дела о А. Д. Толстове не сохранились. Имеется канцелярская «Выписка из дела о П. Г. Шапошникове, В. П. Катеневе и А. Д. Толстове», не содержащая даты показаний (ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, ед. хр. 55, ч. 16, т. 2). Впервые опубликованы в «Деле петрашевцев» (т. III), по которому и печатаются с сокращениями.

¹ П. Г. Редкин читал лекции в духе гегельянства.

² Гегелевская философия была воспринята в России в конце 30-х годов XIX в. как примирение философии и религии (см.: *Володин А. И.* Гегель и русская социалистическая мысль XIX века. М., 1973, с. 249).

³ Имеются в виду французские утопические социалисты.

Д. Д. Ахшарумов

[Автобиографическая записка]

Написана осенью 1848 г. Во время ареста обнаружена у И. М. Дебу. Автограф находится в ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, ед. хр. 55, ч. 12, л. 35 — 44. Впервые опубликована в сборнике «Петрашевцы», т. II. Под ред. П. Е. Щеголева.

Печатается с сокращениями по изданию «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев».

¹ Имеются в виду выступления Тьера в период революции 1848 г.

² В показаниях на следствии от 24 июня 1849 г. Ахшарумов назвал книгу «Путешествие в Икарию» Э. Кабе, запрещенную цензурой, а также сочинения Ш. Фурье и о нем (см.: «Дело петрашевцев», т. III, с. 143).

[Речь на обеде в честь Ш. Фурье]

Написана 30 марта 1849 г. («Дело петрашевцев», т. III, с. 120). Речь была произнесена 7 апреля 1849 г. Автограф — в ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, 1849, ед. хр. 55, ч. 12, л. 19 об.— 24. Впервые опубликована в сборнике «Петрашевцы», т. II. Под ред. П. Е. Щеголева. Печатается с сокращениями по изданию «Философские и общественно-политические произведения петрашевцев».

¹ Вслед за теорией «естественного права» Ж. Ж. Руссо Д. Д. Ахшарумов в духе Фейербаха считал главной естественной потребностью человека стремление к счастью.

² Здесь повторена идея Фурье о том, что человечество подчинено космическим законам.

К. И. Тимковский

[Из показаний во время следствия]

Показания, сделанные 27 мая 1849 г., впервые опубликованы в «Деле петрашевцев» (т. II, с. 407 — 423), по которому и воспроизводятся с сокращениями. Подлинник находится в ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, 1849, ед. хр. 55, ч. 14.

[Из ответов на вопросы
следственной комиссии]

Ответ дан 25 июня 1849 г. Подлинник — в ЦГВИА, оп. 84/28, 1849, ед. хр. 55, ч. 14. Впервые опубликован в «Деле петрашевцев» (т. II), по которому и печатается с сокращениями.

¹ «Апокрифичность» от «апокрифы» (греч. *арокруфос* — тайный, секретный) — раннехристианские сочинения, не признанные церковью «бог вдохновенными».

А. П. Баласогло

[Из показаний во время следствия]

Показания даны и записаны 14 мая 1849 г. Подлинник — в ЦГВИА, ф. 801, оп. 84/28, 1849, ед. хр. 55, ч. 17. Впервые опубликовано в сборнике «Петрашевцы», т. II. Под ред. П. Е. Щеголева. Печатается с сокращениями по изданию: «Дело петрашевцев», т. II.

В. А. Энгельсон

Петрашевский

Статья долгое время приписывалась А. И. Герцену. Вошла впервые в его Полное собрание сочинений и писем под ред. М. К. Лемке (т. VI. Пг., 1919, с. 502 — 519). Как ныне установлено (см.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Революционная практика петрашевцев. — «Исторические записки», 1954, № 47, с. 187), написана на французском языке в 1851 г. В. А. Энгельсоном по просьбе А. И. Герцена для ознакомления европейцев с русским революционером.

В настоящем издании работа публикуется под именем ее автора. Печатается с сокращениями по сборнику «Первые русские социалисты. Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге». Л., 1984.

¹ В. А. Энгельсон ошибался. На первое место в системе преобразований в России М. В. Петрашевский ставил социальные преобразования.

² Точное название книги, состоящей из 5 томов, включающей 12 частей, «Вольтерьянцы, или история о якобинцах, открывающая все противохристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы» (1805 — 1809). Она имела хождение в кругу Н. А. Спешнева, когда там шли дискуссии по поводу организации нелегального общества. Н. А. Момбелли говорил, что в ней «указываются средства к практическому применению того, что само собою и в голову притти не может», масса «подробностей и мелочей относительно организации, аффиляции и пр.» тайного общества (см.: «Дело петрашевцев», т. I, с. 365).

³ Влияние книги Баррюэля на М. В. Петрашевского В. А. Энгельсон преувеличивал. Главной силой революции М. В. Петрашевский считал народные массы.

⁴ В статье «Карманного словаря» цитировалось стихотворение Беранже «Кардинал и пленник», написанное им в тюрьме в 1829 г.

⁵ Во время дискуссии по поводу реформ, которые прежде всего необходимо провести в России, на одно из первых мест М. В. Петрашевский выдвигал судебную реформу, чтобы заставить правительство исполнять собственные законы (см.: «Дело петрашевцев», т. III, с. 424). Об этом же он говорил в показаниях на следствии (см.: «Дело петрашевцев», т. I, с. 120).

⁶ Речь идет о записке М. В. Петрашевского об увеличении ценности дворянских имений.

⁷ Подробнее об этом см.: *Нифонтов А. С.* Россия в 1848 году. М., 1949.

Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон)

Фрагменты печатаются по трехтомнику.

¹ Пьер Абеляр — французский философ-схоласт, требовал обоснования веры с помощью знания. Ф. Энгельс отмечал, что «у Абеляра главное — не сама теория, а сопротивление авторитету церкви» (Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 300). Подвергался преследованиям католической церкви.

² См. статью «Неоплатонизм» «Карманного словаря».

³ См. статью «Гностика» «Карманного словаря».

⁴ Речь идет о раннехристианских богословах — наставниках церковной школы «катехуменов» — верующих, готовящихся принять крещение.

⁵ Анабаптизм — от греч. *anabaptizo* (вновь погружаю). Религиозное течение, возникшее в Швейцарии и Германии в период Реформации.

⁶ Анимизм — от лат. *anima* (душа, вера в духов и души). Важный элемент всех мировых религий.

⁷ Речь идет о взглядах Л. Фейербаха.

⁸ Антропоморфизм — от греч. *anthropos* (человек). Олицетворение явлений природы, религиозных представлений и образов через перенесение на них свойств, присущих человеку.

⁹ Имеется в виду онтологическое доказательство бытия бога, используемое богословами.

¹⁰ См. статью «Пантеизм».

¹¹ Здесь вольнодумцами названы атеисты.

¹² В христианстве религиозные догматы были утверждены первыми Вселенскими соборами как Никео-Царьградский «символ веры», включающий 12 основных положений (догматов), в том числе о триединстве бога, боговоплощении, искуплении, вознесении, крещении, бессмертии души.

¹³ Речь идет об учреждениях и силах, поддерживающих феодально-крепостническое государство.

¹⁴ Имеются в виду богословы, доказывающие бытие бога рассуждением о «конечных причинах».

¹⁵ Теософия (греч.) — богопознание, реакционное религиозно-философское учение о возможности постижения бога мистической интуицией.

¹⁶ Фетишизм (от франц. *fétiche* — талисман, амулет) — поклонение неодушевленным предметам, которым приписываются сверхъестественные свойства.

Указатель имен*

- Абеляр Пьер (Абелярд, Абелар)*, французский философ, теолог (1079—1142) — 103, 224, 252
- Абу-Бекр (Абубекр)*, первый арабский халиф (632—634) — 60
- Август Октавиан*, римский император (27 до н. э.— 14 н. э.) — 96, 131
- Августин (Блаженный) Аврелий*, христианский теолог (354—430) — 51, 163
- Александр I*, русский император (1801—1825) — 55
- Александр III*, папа римский (1159—1181) — 57
- Александр VI*, папа римский (1492—1503) — 53
- Александр Македонский*, царь, полководец (336—323 до н. э.) — 182
- Алексей Михайлович*, русский царь (1645—1676) — 104
- Али ибн Аби Талиб*, халиф, двоюродный брат и зять Магомета (см.) (ум. 661) — 52
- Аммоний Сакс (Саккас)*, философ-неоплатоник (ок. 174—ок. 242) — 98
- Анаксагор*, древнегреческий ученый и философ (ок. 500—428 до н. э.) — 227
- Анастасий I*, византийский император, пресвитер (ок. 491—518) — 101
- Анненков П. В.*, литератор (1813?—1887) — 139
- Ансельм Кентерберийский (Анзельм Кентербурийский)*, английский теолог и философ (1033—1109) — 114
- Антоний (Рафальский Г. А.)*, митрополит новгородский и с.-петербургский (1789—1848) — 18
- Аполлоний Тианский*, греческий философ-мистик (I в.) — 96, 243
- Араго Доминик Франсуа*, французский ученый и политический деятель (1786—1853) — 129
- Аристотель* (384—322 до н. э.) — 40, 82, 97, 99, 227
- Аркрайт (Аркрайд) Ричард*, английский изобретатель (1732—1792) — 108
- Архимед* (ок. 287—212 до н. э.) — 156

* К именам императоров, царей, королей указаны лишь годы их правления, а к именам пап — время их понтификата, во всех других случаях — годы жизни.

- Аскоченский В. И.*, реакционный публицист (1820—1879) — 7, 139
- Афанасий Александрийский*, церковный деятель, богослов (ок. 295—373) — 163, 249
- Ахшарумов Д. Д.* — 3, 15, 179, 209, 254
- Базилид*, проповедник в Александрии, гностик (II в.) — 100
- Байергоффер*, немецкий историк философии — 181
- Бакуни М. А.* (1814—1876) — 174, 223
- Баласогло А. П.* — 3, 213, 215
- Баратынский Е. А.*, поэт (1800—1844) — 79, 241
- Барнав Антуан*, французский политический деятель (1761—1793) — 129
- Барро Камилл Гиацин Одилон*, французский политический деятель (1791—1873) — 36
- Батеньков Г. С.*, декабрист (1793—1863) — 174
- Бауэр Бруно*, немецкий философ, младогегельянец (1809—1882) — 16, 174
- Белецкий П. И.*, петрашевец (р. 1819) — 3
- Белинский В. Г.* (1811—1848) — 4, 7, 9, 14, 139, 199, 226, 235, 243
- Беме (Бем) Якоб*, немецкий философ-мистик (1575—1624) — 231
- Бенедикт III*, папа римский (855—858) — 48
- Бентам Иеремия*, английский философ, моралист (1748—1832) — 115
- Беранже Пьер Жан*, французский поэт (1780—1857) — 221, 251
- Бертольд (Святой)*, католический монах (XII в.) — 56
- Берье Пьер Антуан*, французский политический деятель (1790—1868) — 129
- Бичурин Н. Я.* — см. *Иакинф*
- Блан Луи*, французский мелкобуржуазный социалист (1811—1882) — 187, 210, 221
- Бруно (Святой)*, католический монах (XI в.) — 57
- Буташевич-Петрашевский М. В.* — 3, 5, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 20, 21, 22, 64, 174, 179, 185, 209, 212, 213, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 233, 234, 235, 238, 239, 242, 244, 245, 246, 255, 256
- Бэкон (Бекн) Френсис*, родоначальник английского материализма (1561—1626) — 43, 44
- Бюффон Жорж Луи Леклерк*, французский естествоиспытатель (1707—1788) — 47, 236
- Валленштейн Альберт*, полководец (1583—1634) — 46
- Василий Великий*, христианский теолог (ок. 330—379) — 104, 163, 249
- Вейсгаупт Адам*, немецкий религиозный деятель (1748—1830) — 220
- Веслей Джон*, английский религиозный реформатор (1703—1791) — 66
- Вильгельм III Оранский*, король Англии (1688—1702) — 125
- Вольтер Франсуа Мари Аруэ* (1694—1778) — 10, 15, 205, 220, 227, 232

Вольней Константин, французский просветитель (1757—1820) — 10, 15
Вольф Христиан, немецкий естествоиспытатель, философ-идеалист
(1679—1754) — 113, 245

Габанис — см. *Кабанис*

Галилео Галилей (1564—1642) — 156, 229

Гарнье-Пажес Луи Антуан, французский политический деятель (1803—
1878) — 129

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — 114, 165, 166, 169, 180,
185, 226, 231, 245, 248, 249

Гельвеций Клод Адриан (1715—1771) — 10

Генрих IV, французский король (1594—1610) — 55

Генрих VIII, английский король (1509—1547) — 124

Гердер Иоанн Готфрид, немецкий философ-просветитель (1744—
1803) — 160, 248

Герберт — см. *Сильвестр II*

Герцен А. И. (1812—1870) — 3, 4, 8, 9, 14, 15, 16, 19, 20, 139, 179, 218,
223, 236, 240, 243, 255

Гершель Вильям, английский астроном (1738—1822) — 156

Гёте Иоганн Вольфганг (1749—1832) — 156, 210

Геулинх Арнольд, философ-номиналист (162? — 1669) — 112

Гизо Франсуа Пьер Гийом, французский политический деятель, историк
(1787—1874) — 36, 129, 210

Гоббс Томас, английский философ-материалист (1588—1679) — 242

Гоголь Н. В. (1809—1852) — 7, 199

Головинский В. А., петрашевец (р. 1829) — 5, 233

Гончаров И. А. (1812—1891) — 139

Горький А. М. (1868—1936) — 224

Грановский Т. Н. (1813—1855) — 179, 251

Григорий Богослов Назианзин, греческий поэт, писатель, церковный
деятель (ок. 330 — ок. 390) — 163

Григорьев Н. П., петрашевец (1829—1886) — 3

Гроций (Гроциус) Гуго, голландский социолог, юрист (1583—1645) —
84, 242

Грюн Карл Теодор, немецкий публицист (1817—1887) — 166, 249

Гуго Капет, французский король (987—996) — 143

Гус Ян, идеолог чешской Реформации (1371—1415) — 104

Даламбер Жан Лерон, французский математик, механик, философ-
просветитель (1717—1783) — 232

Данилевский Г. П., литератор (1829—1890) — 248

Дантон Жорж Жак, деятель Великой французской революции, якобинец
(1759—1794) — 61, 72, 76, 238

- Дебю И. М.*, петрашевец (1819 или 1824—1890) — 17, 210, 250
- Дебу К. М.*, петрашевец (р. 1810) — 3
- Дезами Теодор*, представитель французского утопического коммунизма (1803—1850) — 161, 162, 163, 170, 171, 248, 249
- Декарт Рене*, французский философ и математик (1596—1650) — 41, 57, 112, 114, 242, 245
- Демулен Камилл*, деятель Великой французской революции, якобинец (1760—1794) — 61, 72, 129
- де Ольбах* — см. *Гольбах*
- Дженнер Эдуард*, английский врач, основоположник вакцинации (1749—1823) — 156
- Дидро (Дидерот) Дени* (1713—1784) — 10, 231, 232
- Дионисий Ареопагит*, предполагаемый деятель раннего христианства — 162, 249
- Добролюбов Н. А.* (1836—1861) — 139
- Доменик (Святой) де Гусман*, испанский монах, основатель ордена доминиканцев (1170—1221) — 50, 53
- Достоевский Ф. М.* (1821—1881) — 3, 139
- Дунс Скотт Иоанн* — см. *Скотт Дунс Иоанн*
- Дуров С. Ф.*, петрашевец (1816—1869) — 3, 13, 149, 199
- Дэви Гемфри*, английский химик (1778—1829) — 156
- Евклид* — см. *Эвклид*
- Европеус А. И.*, петрашевец (1826—1885) — 179, 185
- Екатерина II*, русская императрица (1762—1796) — 71
- Елизавета I (Елисавета) Английская*, английская королева (1558—1603) — 124
- Жерард из Мартиги*, католический монах (XI в.) — 137
- Жербер (Герберт)* — см. *Сильвестр II*
- Зороастр (Заратуштра)*, пророк, реформатор религии в Средней Азии и Иране (VI в. до н. э.) — 28
- Иакинф (Бичурин Н. Я.)*, китаевед (1777—1853) — 217
- Иаков II*, король Англии (1685—1688) — 124
- Иероним (Святой)*, идеолог христианства (330—419) — 48
- Изабелла Кастильская*, испанская королева (1474—1504) — 54
- Иннокентий (Борисов И. А.)*, русский богослов, проповедник (1800—1857) — 30, 217, 235
- Иннокснтий III*, папа римский (1198—1216) — 53
- Иннокензий IV*, папа римский (1243—1254) — 53
- Иоанн XXII*, папа римский (1316—1334) — 113

- Иоанн Златоуст*, церковный деятель, проповедник (ок. 350—407) — 163
- Иоанн Схоластик*, патриарх Византии (VI в.) — 104
- Иринея Иосиф*, богослов (ок. 130 — ок. 202) — 103
- Искандер* — см. *Герцен А. И.*
- Кабе Этьен*, представитель французского утопического коммунизма (1788—1856) — 13, 30, 161, 162, 171, 248, 249
- Каменьский Генрих Корвин*, польский философ (1813—1866) — 150, 153, 166
- Кант Иммануил* (1724—1804) — 84, 85, 113, 114, 182, 225, 241
- Катенев В. П.*, петрашевец (1830—1856) — 12, 254
- Кашкин Н. С.* — 3, 9, 16, 149, 179, 185, 250
- Кеплер Иоганн*, астроном (1571—1630) — 156
- Клеант (Клеанф)*, древнегреческий философ (р. 331 до н. э.) — 114
- Климент Александрийский Тит Флавий*, христианский писатель, теолог (ок. 150—ок. 215) — 103, 224, 243
- Колумб Христофор* (ок. 1451—1506) — 156, 173
- Кондорсе Жан Антуан*, французский философ-просветитель (1743—1794) — 36, 85, 160, 248
- Констан Бенжамен*, французский публицист и писатель (1767—1830) — 129
- Конт Огюст*, французский философ (1798—1857) — 139
- Кочетов И. С.*, профессор Петербургской духовной академии, историк церкви (1794—1854) — 217
- Кромвель Оливер*, вожь английской буржуазной революции XVII в. (1599—1658) — 124
- Кузен Виктор*, французский философ (1792—1867) — 66, 68, 182, 240
- Кук Джеймс*, английский мореплаватель (1728—1779) — 156
- Кюхельбекер В. К.*, декабрист (1797—1846) — 247
- Лавуазье Антуан Лоран*, химик (1743—1794) — 156
- Ламенне Гюг Фелисите Робер*, французский христианский социалист (1782—1854) — 17, 18
- Ламет Александр Теодор Виктор*, политический деятель Великой французской революции (1760—1829) — 129
- Лафайет Жан Поль*, французский политический деятель (1757—1834) — 129
- Лафит Жак*, французский политический деятель (1767—1844) — 129
- Лев (Леон) X*, папа римский (1513—1522) — 132
- Леверье Жан Жозеф*, астроном (1811—1877) — 173
- Лейбниц Готфрид Вильгельм*, немецкий философ-идеалист (1646—1716) — 73, 112, 118, 234, 241

- Леон X* — см. *Лев X*
- Леру Пьер*, французский утопический социалист (1797—1871) — 15, 160, 187, 218, 239, 242, 248
- Линней Карл*, натуралист (1707—1778) — 47
- Ломоносов М. В.* (1711—1765) — 9
- Луи (Людовик) Филипп*, французский король (1830—1848) — 36, 223
- Людвиг IV (Людовик) Баварский*, германский король, император «Священной Римской империи» (1327—1346) — 113
- Людовик XIV*, французский король (1643—1715) — 55, 132, 227
- Людовик XVI*, французский король (1774—1792) — 90, 91
- Лютер Мартин*, глава Реформации в Германии (1483—1546) — 132, 225
- Львов Ф. Н.*, петрашевец (1823—1885) — 3
- Магомет (Мухаммед)*, основоположник ислама (межд. 570—632 или 580—632) — 51, 52, 60, 61, 78, 238
- Майков А. Н.*, поэт (1821—1897) — 139
- Майков В. Н.* — 3, 7, 9, 12, 39, 64, 139, 236, 237, 238, 239, 240, 243, 245
- Максимилиан*, император «Священной Римской империи» (1493—1519) — 25, 233
- Малов А. И.*, церковный писатель (1784—1855) — 217
- Малуэ Пьер Виктор*, французский политический деятель (1740—1814) — 72
- Манюзль Жак Антуан*, французский политический деятель (1775—1827) — 129
- Марат Жан Поль*, один из вождей Великой французской революции (1743—1793) — 60, 76, 238
- Меттерних Клеменс Венцель*, австрийский политический деятель (1773—1859) — 223
- Милюков А. П.*, петрашевец (1817—1897) — 3, 8, 9, 18
- Милютин В. А.*, петрашевец (1826—1855) — 3, 13
- Мирабо Оноре*, французский политический деятель (1749—1791) — 129
- Молина Людвиг*, иезуит (р. 1588) — 72, 240
- Момбелли Н. А.*, петрашевец (1823—1891) — 3, 15
- Монтескье Шарль Луи*, французский философ-просветитель, правовед (1689—1755) — 59, 238
- Мордвинов Н. А.*, петрашевец (1827—1884) — 17, 18
- Морелли*, представитель французского утопического коммунизма XVIII в. — 31, 162
- Мочалов П. С.*, артист (1880—1848) — 207
- Муравьев Н. М.*, декабрист (1796—1843) — 3
- Мусин-Пушкин М. Н.*, председатель Петербургского цензурного комитета (1795—1862) — 15, 64
- Мухаммед* — см. *Магомет*

- Мюнцер Томас*, представитель немецкого утопического коммунизма, вождь крестьянского восстания (ок. 1490—1525) — 102, 103, 244
- Навуходоносор*, вавилонский царь (605—561 до н. э.) — 238
- Наполеон I Бонапарт*, французский император (1804—1814 и 1815) — 94, 108
- Наумов И. М.*, церковный писатель (1793—1879) — 217
- Неккер Жак*, французский политический деятель (1732—1804) — 91
- Нестор (Несторий)*, сириянин, константинопольский патриарх (V в.) — 101
- Николай I*, русский император (1825—1855) — 19, 221
- Николай V*, папа римский (1447—1455) — 57
- Никон (Никита Минов)*, патриарх русской православной церкви (1605—1681) — 242
- Ньютон Исаак*, английский физик, математик, астроном (1643—1727) — 86, 156, 173
- Одоевский В. Ф.*, писатель, философ, музыкальный деятель (1803—1869) — 139, 140, 238, 247
- Окен (Окенфус) Лоренц*, немецкий натурфилософ, естествоиспытатель (1779—1851) — 87
- Оккам Уильям*, английский философ (ок. 1285—1349) — 103, 112, 245
- Ориген*, христианский теолог (ок. 185—ок. 254) — 224, 230
- Оуэн Роберт*, английский утопический социалист (1771—1858) — 13, 107, 244, 245
- Павский Г. П.*, профессор богословия (1787—1863) — 217
- Перикл*, государственный деятель Афин (ок. 490—429 до н. э.) — 131
- Пестель П. И.*, декабрист (1793—1826) — 3
- Петрашевский М. В.* — см. *Буташевич-Петрашевский М. В.*
- Петр I*, царь, русский император (1682—1725) — 48, 89, 90, 107, 236, 238
- Пиррон*, древнегреческий философ (ок. 360 — ок. 270 до н. э.) — 97
- Пифагор*, древнегреческий математик, философ (ок. 571—497 до н. э.) — 68, 87, 96, 97, 99, 241, 243
- Платон*, древнегреческий философ-идеалист (ок. 428—ок. 347 до н. э.) — 31, 68, 99, 227, 243
- Плотин*, греческий философ (ок. 204 — ок. 270) — 98, 118, 231
- Погодин М. П.*, историк, писатель, апологет «официальной народности» (1800—1875) — 236, 243
- Порфирий*, греческий философ (ок. 233 — ок. 304) — 98
- Прайс (Прейс) Ричард*, английский экономист, моралист (1723—1791) — 85
- Прокл*, греческий философ (ок. 410—485) — 98

- Прудон Пьер Жозеф*, французский мелкобуржуазный социалист (1809—1865) — 13, 166, 187, 223
- Пугачев Е. И.*, вождь крестьянского восстания (ок. 1740—1775) — 12
- Пуфендорф Самуил*, немецкий юрист и историк (1632—1694) — 84
- Пушкин А. С.* (1799—1837) — 219, 226
- Пушкин И. И.*, декабрист (1798—1859) — 174
- Редкин П. Г.*, профессор Московского университета (1808—1891) — 206
- Робеспьер Максимилиан*, выдающийся деятель Великой французской революции (1758—1794) — 76, 129, 220
- Росселен (Росцелин) Иоанн*, французский теолог (ок. 1050 — ок. 1120) — 103
- Руссо Жан Жак*, французский просветитель, философ (1712—1778) — 15, 86, 220, 229, 232, 242, 254
- Салтыков-Щедрин М. Е.* (1826—1889) — 3, 4, 20, 139
- Сведенборг Эммануэль*, шведский философ-мистик (1688—1772) — 31, 231
- Святослав Игоревич*, киевский князь (ум. 972) — 37
- Сен-Симон Луи Антуан*, французский утопический социалист (1760—1825) — 13, 107, 132, 244
- Сидонский Ф. Ф.*, профессор богословия (1805—1873) — 217, 240
- Сильвестр II*, папа римский (996—999) — 143
- Скотт Дунс Иоанн (Скот)*, шотландский философ (ок. 1266—1308) — 60, 104, 113
- Сократ*, древнегреческий философ (ок. 470—399 до н. э.) — 122
- Спешнев Н. А.* — 3, 5, 9, 10, 11, 16, 18, 149, 150, 174, 185, 199, 204, 213, 218, 244, 248, 249, 256
- Спиноза Бенедикт (Барух)* (1632—1677) — 226, 231
- Тимковский К. И.* — 5, 212, 234
- Толль Ф. Г.* — 3, 9, 11, 16, 21, 174, 175, 213, 215, 224, 246
- Толстов А. Д.* — 3, 205, 254
- Толстой Л. Н.* (1828—1910) — 179
- Торквемада Томас*, глава испанской инквизиции (1420—1498) — 50
- Тургенев И. С.* (1818—1883) — 139, 149
- Тюрюо Жак Александр*, французский политический деятель (ум. 1829) — 72
- Тьер Луи Адольф*, французский политический деятель (1797—1877) — 129, 223
- Уатт Бенджамин Джемс*, английский механик и физик (1736—1819) —

- Урбан VI*, папа римский (1378) — 53
Урбан VIII, папа римский (1621—1623) — 51
Утин Б. И., петрашевец (1832—1872) — 252
- Фатима*, дочь основателя ислама Магомета (ок. 605—633) — 52
Фейербах Людвиг Андреас, философ-материалист (1804—1872) — 10,
16, 166, 169, 174, 185, 221, 231, 242, 249, 250, 252, 253
Фейербах Фридрих Генрих, брат Л. Фейербаха, популяризатор его идей
(1806—1880) — 185, 218, 252
Фенелон Франсуа, французский писатель (1651—1715) — 30
Фергюсон Адам, шотландский философ и историк (1723—1816) — 36
Фердинанд V Католик, король Испании (1479—1516) — 54
Филарет (Дроздов В. М.), московский митрополит (1782—1867) — 8,
235
Филипп II, французский король (1180—1223) — 53
Филипп IV Красивый, французский король (1285—1314) — 113
Филиппов П. Н. — 3, 7, 8, 149, 199, 253
Филон Александрийский, древнегреческий философ и писатель (ок. 30
до н. э.— 45 н. э.) — 96, 99
Фихте Иоанн Готлиб, немецкий философ-идеалист (1762—1814) — 84,
165, 167, 175, 225, 226, 240
Фотий, византийский патриарх (858—867, 877—886) — 104
Франциск I, французский король (1515—1547) — 54
Франциск Ассизский, Джованни ди Пьетро Бернардоне дель Мориконе,
католический монах (1182—1226) — 50
Фридрих-Вильгельм III, прусский король (1797—1840) — 57
Фридрих II, император «Священной Римской империи» и король Южной
Италии (1212—1250) — 228
Фултон Роберт (Фультон), американский механик и инженер (1765—
1815) — 94, 108, 156
Фурье Шарль, французский утопический социалист (1772—1837) — 13,
15, 17, 31, 32, 36, 86, 107, 149, 160, 179, 185, 208, 209, 212, 221, 240,
242, 248
- Ханьков А. В.* — 3, 12, 17, 179, 185, 205, 207, 251
Хоецкий Карл Эдмон, польский публицист (1822—1899) — 248
- Шевченко Т. Г.* (1814—1861) — 149, 185
Шевырев С. П., историк, критик, апологет «официальной народности»
(1806—1864) — 236, 243
Шекспир Уильям (1564—1616) — 156, 210
Шеллинг Фридрих Вильгельм, немецкий философ-идеалист (1775—
1854) — 87, 165, 166, 231

Шиллер Фридрих, немецкий поэт и драматург (1759—1805) — 156, 210
Штраус Давид Фридрих, немецкий философ (1808—1874) — 231, 241

Эвклид, древнегреческий математик (III в. до н. э.) — 156, 224
Энгельсон В. А. — 13, 21, 218, 255, 256

Юлий II, папа римский (1503—1513) — 53
Юстиниан, византийский император (527—565) — 99, 104

Ямвлих (Ямблих), греческий философ (ум. ок. 333) — 98
Ястржембский И. Ф. Л., петрашевец (р. 1814) — 3, 8, 213

Содержание

- 3 Предисловие
- 22 Михаил Васильевич Буташевич-Петрашевский
- 23 Обскурантизм
- 27 Обскурант
- 28 Объяснение, что такое социализм
- 39 Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Выпуск первый
- 64 Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Выпуск второй
- 139 Валериан Николаевич Майков
- 140 [Сочинение князя В. Ф. Одоевского]
- 149 Николай Александрович Спешнев
- 150 [Философские рассуждения]
- 174 Феликс Густавович Толль
- 175 [Набросок речи о происхождении религии]
- 179 Николай Сергеевич Кашкин
- 180 [Речь о задачах общественных наук]
- 185 Александр Владимирович Ханьков
- 186 [Речь на обеде в честь Ш. Фурье]
- 188 Религия будущности. Человек или Христос? Быть или не быть?
- 199 Павел Николаевич Филиппов
- 200 Десять заповедей
- 205 Александр Дмитриевич Толстов
- 206 Из дела о А. Д. Толстове
- 209 Дмитрий Дмитриевич Ахшарумов
- 209 [Автобиографическая записка]
- 210 [Речь на обеде в честь Ш. Фурье]

- 212 Константин Иванович Тимковский
212 [Из показаний во время следствия]
213 [Из ответов на вопросы следственной комиссии]
215 Александр Пантелеймонович Баласогло
215 [Из показаний во время следствия]
Приложения
218 Владимир Аристович Энгельсон
218 Петрашевский
224 Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон)
233 Примечания
258 Указатель имен

Петрашевцы об атеизме, религии и церкви/Акад. ПЗ0 обществ. наук при ЦК КПСС. Ин-т науч. атеизма; Редкол.: А. Ф. Окулов (пред.) и др.; Отв. ред. В. Р. Лейкина-Свирская.— М.: Мысль, 1986.— 269 с.— (Науч.-атеист. б-ка).

В пер.: 1 р. 30 к.

В сборник включены атеистические работы М. В. Буташевича-Петрашевского и его единомышленников — членов первых социалистических объединений в России.

Их революционный демократизм, пронизанный стремлением освободить трудящихся от всех видов социального и духовного гнета, обусловил глубокое понимание сущности религии.

П 040000000-074 18-86
004(01)-86

ББК 86.1

Петрашевцы об атеизме, религии и церкви

Заведующий редакцией
Ю. И. Аверьянов

Редактор
Л. Н. Колтырева

Младший редактор
Е. Е. Иванова

Оформление художника
А. А. Кузнецова

Художественный редактор
А. Б. Николаевский

Технический редактор
В. Н. Корнилова

Корректор
Г. Б. Абудеева

ИБ № 2987

Сдано в набор 22.08.85. Подписано в печать 25.07.86. А 08921. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. № 1. Литерат. гарн. Высокая печать. Усл. печатных листов 14,28. Усл. кр.-отт. 14,49. Учетно-издательских листов 15,31. Тираж 15 000 экз. Заказ № 65. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции, ордена Трудового Красного Знамени Ленинградское производственно-техническое объединение «Печатный Двор» имени А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Чкаловский пр., 15.

Новые книги

В 1986 г. издательство «Мысль» выпускает в свет:

Барменков А. И. Свобода совести в СССР.—2-е изд., доп.— 16 л.— 1 р. 40 к.

В книге излагаются взгляды классиков марксизма-ленинизма на религию и церковь, освещается политика КПСС и Советского государства в отношении религии, церкви и верующих, подчеркивается выдающаяся роль В. И. Ленина в разработке ее принципов. В работе разоблачаются клеветнические измышления буржуазной пропаганды и антикоммунистически настроенных церковников о якобы имеющем место притеснении церкви и верующих. Для широкого круга читателей.

К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви.— 2-е изд., доп.— 40 л.— (Научно-атеистическая библиотека).— 2 р. 90 к.

В книгу включены произведения, выдержки из работ, высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса по проблемам атеизма, религии и церкви. Новое издание (первое вышло в свет в 1971 г.) дополнено материалами из 40—49 томов Собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса.

Для научных и идеологических работников, пропагандистов и слушателей системы партийной учебы, преподавателей, аспирантов и студентов вузов.

Атеизм в СССР: (Из истории становления массового атеизма).— 20 л.— 1 р. 60 к.

Рассматриваются этапы развития атеизма в ходе строительства социализма, прослеживаются их историческая преемственность, закономерности и своеобразие. Раскрывается связь теории научного атеизма с практикой коммунистического воспитания, научно-атеистической пропагандой. Анализируются социально-экономические, политические и идеологические условия, обеспечивающие рост атеистической убежденности новых поколений.

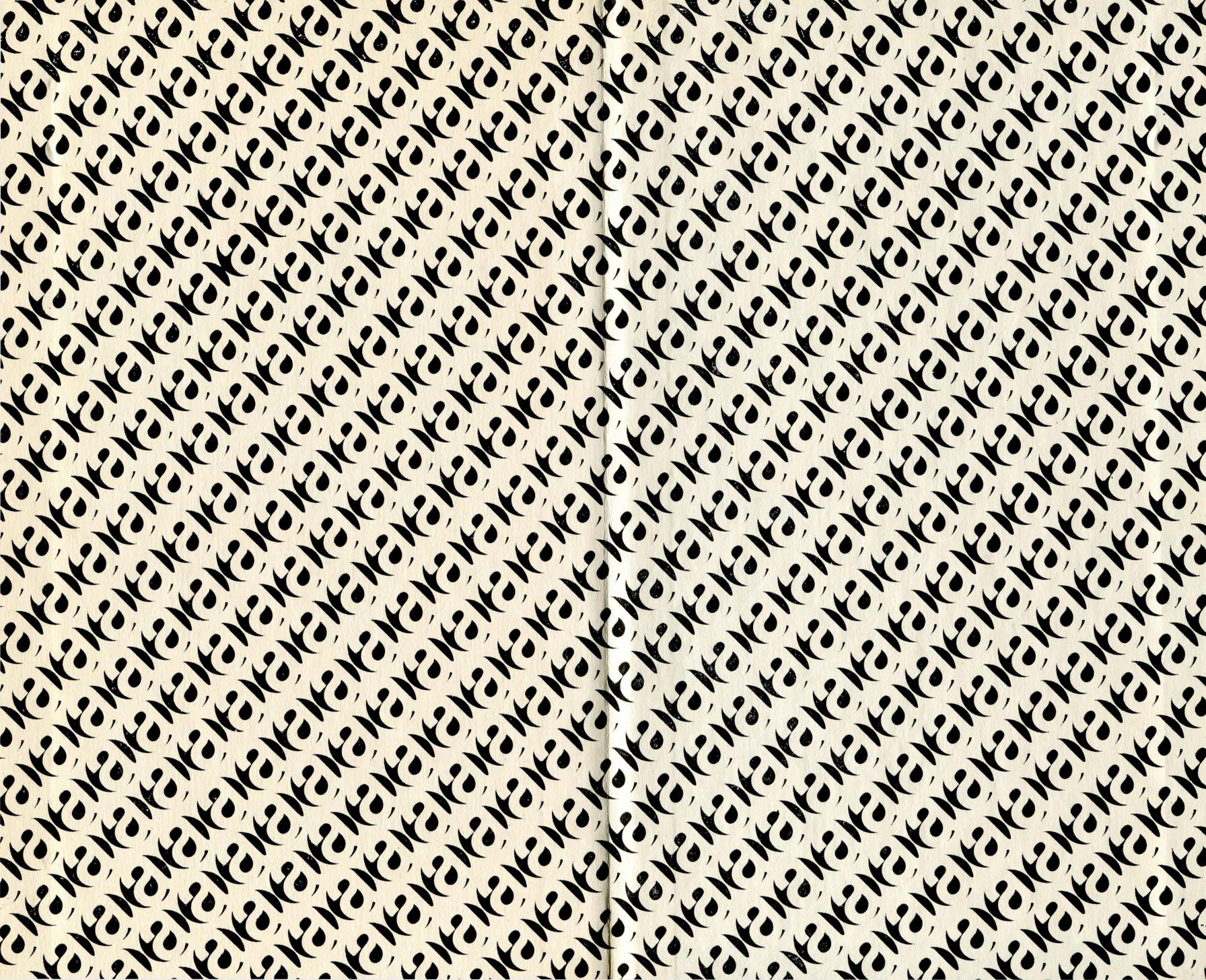
Для научных и идеологических работников, преподавателей вузов, пропагандистов атеизма, слушателей системы партийной учебы.

Уважаемые читатели!

Наиболее полную информацию о готовящихся к выпуску книгах издательства «Мысль» по экономике, философии, истории, географии можно получить из ежегодных аннотированных тематических планов выпуска литературы, имеющихсЯ во всех книжных магазинах страны.

Сведения о выходящих в свет изданиях регулярно публикуются в газете «Книжное обозрение».

По вопросам книгораспространения рекомендуем обращаться в местные книготорги, а также во Всесоюзное государственное объединение книжной торговли «Союзкнига».

1p. 30r

